

ГЛАВА V. ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ: ЭКОСОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС

5.1. Теоретические аспекты революционного процесса

5.1.1. Две теории революции

Целью нашего исследования является анализ возможности применения концепции демографических циклов для объяснения социально-экономической истории России, и в частности, социального и политического кризиса начала XX века. Центральное место в этом кризисе занимают две русские революции, революции 1905 и 1917 годов. Как отмечалось выше, демографически-структурная теория предлагает стандартную схему объяснения революционных кризисов, исходя из демографической и социально-экономической динамики. Эта схема предполагает, что, во-первых, увеличение численности низших классов населения в условиях ограниченности ресурсов приводит к продовольственным кризисам, падению потребления, массовому недовольству и восстаниям (происходит Сжатие в низших классах). Во-вторых, увеличение численности элиты приводит к конкуренции за места в высших сословиях, распадению элиты на фракции и выступлениям недовольных фракций, которые присоединяются к народным восстаниям или даже провоцируют их (Сжатие в элите). В-третьих, государство в условиях роста цен и падения реальной стоимости налогов испытывает финансовые затруднения; оно не может собирать налоги с обнищавшего населения и оказывается на грани банкротства (Сжатие в государственной сфере). В-четвертых, финансовый кризис государства приводит к потере управляемости, и оно оказывается не в состоянии поддерживать политическую стабильность – происходит коллапс государства.

Механизм, описываемый демографически-структурной теорией, действует на протяжении периода, предшествующего революции, и во время самой революции – то есть, для того, чтобы проверить адекватность теории, мы должны проверить ее действие и непосредственно во время кризиса – а именно, проанализировать, каким образом фракционировалась элита, как она поднимала на борьбу народ – и как сам народ поднимался на восстание под воздействием голода и малоземелья, как развивался финансовый кризис, имела ли место потеря управляемости и т. д.

В то же время мы не должны упускать из виду то обстоятельство, что демографический фактор является лишь одним из действующих факторов

и демографически-структурная теория (как отмечалось ранее) не полностью объясняет последовательность событий. Таким образом, необходимо показать границы объяснительных возможностей этой теории и указать на те события, которые не находят объяснения в рамках этой теории, но объясняются влиянием других факторов.

В этой связи необходимо, по возможности, рассмотреть роль других факторов, в частности, роль фактора диффузии, которая изучается в рамках теории вестернизации. Теория вестернизации предлагает свое объяснение революций XIX-XX веков; эта теория рассматривает революцию как результат столкновения двух культур, распространяющейся по миру «современной» («modern») «западной» культуры и культуры «традиционного» общества. Западный культурный комплекс несет с собой научно-технические достижения Европы, новые машины и обеспечивающее его превосходство новое оружие, промышленность, охватывающую весь мир торговую и финансовую деятельность, частную собственность, политические свободы, свободу вероисповедания и парламентаризм. Противостоящий ему традиционный культурный комплекс (в российском варианте) – это самодержавие, православие, общинность, патриархальность, сословность и другие атрибуты традиционного российского общества. Взаимодействие западной культуры в традиционном обществе является интеллигенция. По мере модернизации и вестернизации интеллигенция численно росла и распространяла свое влияние на другие общественные слои. Но все же интеллигенция была сравнительно малочисленна и слаба, поэтому она была вынуждена искать союзников и использовать в своих целях социальные конфликты традиционного общества. В конечном счете, в России и в других «развивающихся» странах должно было прийти время руководимых интеллигенцией политических революций². Как отмечалось выше, Теодор фон Лауэ называл все революции XIX-XX веков «революциями вестернизации» или «революциями извне» – в том смысле, что они были индуцированы внешним, западным влиянием. Это внешнее влияние проявлялось также и в том, что, поскольку интеллигенция выступала проводником европейского влияния, то она пользовалась идеологической, политической и финансовой поддержкой Запада³.

Возможность двойственного рассмотрения русской революции с учетом действия различных факторов и с точки зрения различных теорий неоднократно отмечалась в историографии. Как известно, многие историки рассматривают русскую революцию 1905 года как две «параллельные» революции⁴. Одним из первых эту двойственность отметил в 1907 году П.Б. Струве, который выделил в революции два течения: первое из них он называет «modern» – Струве видел в этом течении движение к «современности», под которым разумелась «вестернизация». Второе течение Струве называл «элементарным», подразумевая под этим стихийное стремление низов к освобождению от «материальных тягот» – попросту стремление простолюдинов быть сытыми и иметь надел, который сможет их прокорм-

мать⁵. Это второе течение, по-видимому, находит свое объяснение в демографически-структурной модели революции – далее мы рассмотрим этот вопрос более подробно.

5.1.2. Пример теоретического анализа: революции 1848 года

Как демографически-структурная теория, так и теория вестернизации исходят из единства мирового исторического процесса, и в соответствии с этим подходом русская революция была не единичным и не изолированным явлением – у нее были прообразы и аналоги, анализ которых может помочь в изучении российской истории. Сравнение с европейскими революциями помогает прояснить механизм революции 1905 года – но оно полезно и с методологической точки зрения, как пример применения используемых нами теорий. При этом образцом для сопоставления будут служить европейские революции 1848 года – именно с этими революциями сравнивает революцию 1905 года большинство исследователей⁶.

Анализ европейских революций 1848 года с позиций демографически-структурной теории был дан Дж. Голдстоуном. Акцентируя роль демографического фактора, Дж. Голдстоун указывает прежде всего на рост населения, которое увеличилось во Франции в 1800-1851 гг. на 31%, а в Германии в 1815-1845 г. на 40%. Сельскохозяйственное производство повсюду (кроме восточной Германии) росло медленнее, чем население, что нашло свое выражение в постепенном росте цен и уменьшении реальной заработной платы. Рост населения привел к измельчению крестьянских наделов и уходу крестьян в города, где они пытались заработать на жизнь ремеслом или работой по найму. Численность городского населения во Франции увеличилась вдвое, а его доля возросла с 9,5 до 14,5%. Хотя промышленное производство росло, индустриализация еще только начиналась, и, к примеру, в Германии фабричные рабочие составляли только несколько процентов от всех работников, поэтому фабрики не могли обеспечить излишнее население работой⁷.

Чрезвычайно важно, отмечает Дж. Голдстоун, что в условиях напряженной продовольственной ситуации в Европе (как и в России) неурожайные годы приводили к значительным колебаниям цен и реальной заработной платы. Во Франции фазы падения заработной платы приходились на 1828-1832 и 1845-1848 гг. и эти периоды голода и нищеты были важными экономическими предпосылками революций 1830 и 1848 гг.⁸

С другой стороны, численный рост элиты привел к увеличению числа претендентов на чиновные и другие доходные места. Число учащихся лицеев во Франции в 1816-1848 гг. увеличилось в три раза, в такой же степени возросло число студентов германских университетов. Администрация, армия, суды не могли дать работу массе новых выпускников. Во Франции в 1820-х годах жалование офицеров было сокращено вдвое. Уменьшение жалования и недостаток доходных мест вызывали массовое недовольство средних классов общества, прежде всего молодежи. Это недовольство было питательной средой для либеральных и радикальных группировок⁹.

В целом, Дж. Голдстоун рисует картину демографически-структурного кризиса, во многом подобного кризису времен французской революции и кризису XVII века. «В первой половине XIX века европейские монархи стояли перед тем же созвездием проблем: продовольственный кризис, волнения городского населения, падение реальной заработной платы и расширение когорты образованных кандидатов на места в элите, которое погубило некоторых из их предшественников в середине XVII и в конце XVIII века»¹⁰.

Таким образом, Дж. Голдстоун не придает особого значения процессам модернизации континентальных европейских стран, смыкаясь в этом с принадлежащей Э. Лабруссу концепцией «последнего кризиса старого типа»¹¹.

Другое объяснение европейских революций дается в рамках теории модернизации (или «вестернизации»). С. Блэк рассматривает революции 1848 года как важнейший этап модернизации – начало периода, когда власть в странах континентальной Европы переходит «модернизаторскому руководству»¹². Первоначальным и главным центром европейской модернизации была родина промышленной революции – Англия. Впечатляющий размах индустриализации вызвал на континенте стремление к перениманию английской техники и английских социально-экономических институтов. В 1820-х во Франции сформировалась политическая группировка, члены которой называли себя «либералами» (это имя затем приняли и английские виги). Лидер либералов, известный историк Ф. Гизо, использовал свою кафедру в Сорбонне для пропаганды английского государственного строя и английской «славной революции» 1688 года. Характерно, что в 1830-1840-х годах «прогрессивный» образованный класс в Германии и Франции так же, как впоследствии и в России, называли «интеллигенцией», – но в дальнейшем, после победы революции 1848 года, этот термин (по отношению к западному образованному классу) вышел из употребления¹³. Интеллигенция была сравнительно малочисленной социальной группой, поэтому она пыталась привлечь на свою сторону народные массы. Часть интеллигенции для привлечения на свою сторону народа обещала ему всеобщее избирательное право – это политическое направление получило название радикализма. Радикализм родился в Англии¹⁴, но отцом международного радикализма и международного революционного движения был знаменитый итальянский революционер Джузеппе Мадзини. Обстановка народной нищеты внушала Мадзини уверенность, что народ всегда готов к восстанию, что ему не хватает лишь вождей. Таким образом, родилась теория «революционной инициативы»: образованная молодежь должна была идти в народ и поднимать его на борьбу¹⁵. Мадзини первым создал инфраструктуру политической «революции извне»: он организовал эмигрантский революционный центр в Лондоне, который субсидировался английскими радикалами и секретными службами. Эмигрантский центр издавал газету, которая распространялась в Италии и призывала итальянцев к восстанию. В надлежащий момент отряды эмигрантов должны были

высадиться в стране, инициировать восстание и доставить повстанцам оружие. Мадзини (и Огюсту Бланки) принадлежит также идея использования политического терроризма в революционных целях¹⁶.

Как отмечает Э. Хобсбаум, все революции 1848 года «имели что-то общее». По Хобсбауму, это общее заключалось в том, что революцию начинали либералы и радикалы, увлекавшие за собой рабочих. Этот союз быстро добивался успеха, и весной 1848 года почти все монархи Европы были вынуждены даровать своим подданным конституции. Достигнув своих целей, либералы переходили от союза с радикалами и рабочими к союзу с консервативными монархическими силами, создавая «партию порядка». Но рабочие были не удовлетворены достигнутым, им нужна была не конституция, а «право на труд» и высокая зарплата, и они продолжали свое наступление, грозившее превратиться в «социальную революцию». Это приводило к столкновению с «партией порядка», и рабочие терпели поражение. Когда опасность со стороны низших классов уменьшалась, «партия порядка» распадалась, консерваторы собирались с силами, разгоняли либеральные парламенты и отнимали у либералов большую часть конституционных гарантий. В итоге монархия возвращалась к власти – но в обновленном и реформированном виде¹⁷.

Начало французской революции характерно с точки зрения методов, которые использовали революционеры для возбуждения масс. В первые месяцы 1848 года радикалы развернули так называемую «банкетную компанию», в ходе которой устраивались якобы «частные» банкеты с сотнями и тысячами участников, на которых подписывались петиции с требованием расширения избирательных прав. Когда назначенный на 22 февраля банкет был запрещен, начались демонстрации; толпа, подошедшая к министерству иностранных дел, была остановлена солдатами; внезапно из толпы стали стрелять в солдат, те ответили залпом – было убито более 30 человек. Демонстранты погрузили тела убитых на телеги и двинулись по парижским бульварам, крича, что расстреливают народ. Во Франции свирепствовал кризис, и в Париже было множество голодающих безработных; народ стал строить баррикады. Войска, двинутые на подавление бунта, вследствие неудачных распоряжений вошли в соприкосновение с толпой, были сразу же разогнаны, и многие батальоны перешли на сторону народа. Вооруженные инсургенты двинулись к Тюильри, и король был вынужден бежать¹⁸.

В Пруссии с 1830-х годов существовали как либеральные, так и радикальные политические группы. Либералы объединяли часть помещиков-юнкеров и предпринимателей; они имели большинство в местных ландтагах, и их лозунгом было создание общепрусского Соединенного ландтага с последующим принятием конституции. Англия и международный капитал оказывали либералам прямую поддержку: когда король Фридрих-Вильгельм IV обратился к Ротшильдам с просьбой о предоставлении займа, они обусловили свое согласие созывом представительного собрания. В 1847 году в условиях экономического кризиса, голода и надвигающегося

банкротства король принял эти требования и объявил о созыве Соединенного ландтага, который должен был вотировать займы и новые налоги. Ландтаг еще не успел собраться, когда пришли известия о революции во Франции. В Берлине начались многолюдные митинги, на которых радикалы призывали голодающих рабочих к составлению петиции с требованиями политических свобод. 13-15 марта имели место несколько столкновений демонстрантов с полицией и войсками. 17 марта, после получения известий о революции в Вене, на собраниях горожан было принято решение на следующий день идти толпой к дворцу и передать королю петицию с требованием свободы печати, ускорения созыва ландтага и удаления войск. Однако король пошел на уступки и подписал указ о свободе печати и скорейшем созыве ландтага – поэтому запланированное шествие превратилось в верноподданническую манифестацию. В разгар манифестации группа демонстрантов подняла черно-белое знамя оппозиции, начались беспорядки и охранявшие дворец солдаты открыли огонь по толпе. Народ отхлынул на соседние улицы и начал строить баррикады; студенты бросились в предместья поднимать рабочих. Баррикадные бои продолжались до утра 19 марта. В конце концов, король приказал вывести войска из Берлина и вышел к народу, обнажив голову перед принесенными на площадь телами убитых революционеров¹⁹.

Непосредственный свидетель событий, известный историк Леопольд фон Ранке, в докладной записке королю доказывал, что революция была вызвана, главным образом, «Invasion» – «нашествием» чужеземных идей, т. е. широчайшим распространением в 1840-х годах английских и французских либеральных теорий²⁰.

Таким образом, как во Франции, так и в Пруссии, революционная инициатива принадлежала «вестернизированной» либеральной и радикальной интеллигенции, которая старалась поднять на борьбу народ, не чураясь приемов политической провокации: стрельбы из толпы по полиции и организации чреватых кровавыми репрессиями шествий к правительственным учреждениям. Ввиду своей слабости интеллигенция искала союзников и использовала в своих целях социальные конфликты традиционного общества. Обратим внимание также на поддержку, оказываемую интеллигенции извне, – на эмигрантские центры, на печатную пропаганду, на финансирование движения внешними силами.

Попытаемся теперь сравнить этот сценарий революции с тем, который был реализован в 1905 году в России.

5.2. Демографически-структурный анализ революции 1905-1907 годов

5.2.1. Фрагментация элиты: оппозиционные группировки

Фрагментация элиты является одной из важных предпосылок революции как в демографически-структурной теории, так и в теории вестернизации. Демографически-структурная теория полагает главной причиной этой

фрагментации обеднение части элиты, происходящее в результате роста ее численности (Сжатие в элите); в результате этого процесса низшие слои элиты переходят в оппозицию существующему режиму. В предыдущих главах было показано, что этот процесс действительно имел место, и что часть обедневшей элиты принимала участие в движении народников. Другая часть дворянской элиты высказывала свое недовольство в рамках движения земцев-конституционалистов. Это движение имело опору в местном земском самоуправлении, что придавало ему большую силу. Земцы-конституционалисты выступали за ограничение самодержавия и создание выборного представительства – причем до февраля 1905 года это представительство мыслилось как представительство высших сословий, то есть движение выступало с сословных позиций²¹.

Теория вестернизации также предполагает фрагментацию элиты, но на другой основе – в результате того, что часть элиты усваивает западные культурные ценности – так появляется интеллигенция, противостоящая традиционалистскому дворянству. Наличие этого процесса в России также не вызывает сомнений. В середине XIX века вестернизация нашла свое выражение в идеологической сфере и породила идейное течение, которое называли «западничеством» и которое противостояло традиционалистскому «славянофильству». В конце XIX века в качестве наследницы «западников» выступала либеральная оппозиция, представленная по большей части интеллигенцией.

В январе 1904 г. в Петербурге состоялся учредительный съезд «Союза освобождения», объединившего земских конституционалистов и представителей либеральной интеллигенции. На съезде присутствовали 19 земцев и 26 лиц «свободных профессий», но в избранном ими «Совете Союза» обе фракции были представлены одинаковым числом членов²². «Союз», прежде всего, был партией «западников», выступавших за экономическую, политическую, культурную модернизацию по западному образцу. Русская действительность была для «освобожденцев» синонимом отсталости и азиатчины, негативным явлением, которое нужно было преодолеть, чтобы устремиться вдогонку за Европой. Один из лидеров партии кадетов В. А. Маклаков писал, что идеал интеллигенции «был так далек от русской действительности, что она не старалась его с ней преемственно связывать»²³. При подготовке программных документов «Союза освобождения» изучались только западные политические формы, русские традиции демонстративно игнорировались²⁴. В программе «Союза освобождения» не предлагалось никаких мер для решения земельного вопроса или облегчения положения рабочих; в соответствии с западной либеральной идеей она была посвящена исключительно задачам борьбы против самодержавия, за конституцию и политические свободы²⁵. Очевидно, что в начальный период своего существования «Союз» еще не собирался привлекать на свою сторону народные массы и ничего им не обещал.

Однако существовали и другие, элитные по происхождению, оппозиционные группы, которые искали союза с народом. Происхождение этих

групп было связано с новой волной западного диффузионного влияния. Раскол в европейской идеологии и появление марксистского «Интернационала» привели к расколу среди русских «западников», от основной массы которых отделилось течение социал-демократов («эсдеков»). Российская социал-демократическая партия (РСДРП) организационно оформилась летом 1903 года, на съезде, происходившем сначала в Брюсселе, а затем в Лондоне. «Программа-минимум» «эсдеков», в общих чертах, совпадала с программой либералов (дополнительно выдвигалось требование 8-часового рабочего дня). Однако после осуществления этой программы в ходе «буржуазно-демократической революции» и после того, как слабый российский пролетариат в процессе дальнейшего развития численно возрастет, предполагалось осуществление социальной революции, которая ликвидирует частную собственность на средства производства. В соответствии с марксистской идеологией социал-демократы считали движущей силой развития рабочий класс, предполагали вести агитацию среди рабочих и почти ничего не обещали крестьянам²⁶.

Первоначально состав партии был по большей части интеллигентским; социал-демократы принадлежали к той небольшой части русской интеллигенции, которая находилась под идеологическим влиянием «Интернационала». В результате кружковой работы и привлечения рабочих к началу 1905 г. численность партии увеличилась до 9 тыс. человек, из которых 62% составляли рабочие, 5% – крестьяне, 33% – интеллигенты²⁷.

Марксистская идеология оказала влияние и на ту (тоже небольшую) часть интеллигенции, которая продолжала традиции «народников». В январе 1902 года была создана партия социалистов-революционеров («эсеров»). В программе этой партии (принятой в 1906 году) также сначала выдвигались минимальные требования (практически такие же, как у «эсдеков») и тоже говорилось о грядущем в далекой перспективе социальном перевороте, который ликвидирует частную собственность на средства производства. Однако в силу народнической традиции «эсеры» уделяли крестьянам гораздо большее внимание, чем «эсдеки». В программе говорилось, что «партия социалистов-революционеров ставит себе цель использовать, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся. В этих видах партия будет стоять за социализацию всех частно-владельческих земель... и переход их в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин... на началах уравнительного пользования»²⁸. Таким образом, эсеры (в отличие от «истинных марксистов») пытались использовать русские общинные традиции и намеревались поставить на службу марксистской идее готовую вспыхнуть крестьянскую войну. При этом они гораздо лучше, чем эсдеки, понимали причины этой войны: в программе эсеров говорилось о роли аграрного перенаселения²⁹.

Еще одной отличительной особенностью эсеров была их приверженность к террористическим методам – с одной стороны, это была дань старой народнической традиции, но, с другой стороны, террор был проявлением крайнего радикализма партии, вербовавшей в свои ряды людей, готовых пойти на смерть.

Численность партии эсеров перед революцией не превосходила 10 тыс. человек, в ходе революции она увеличилась до 65 тыс. В 1905-1907 г. эсеры вели активную пропаганду в деревне, и, поскольку их лозунги были привлекательны для крестьянской массы, то они сумели организовать 1555 крестьянских братств, в которых было 23 тыс. членов. По сравнению с общей численностью крестьянского населения это было очень немного, но другие партии совсем не имели крестьянских организаций, и число крестьян в них было незначительно. Среди эсеров крестьяне составляли 45%, рабочие – 43%, интеллигенты – 11,2%. В руководящем составе партии преобладали интеллигенты (77%) причем в большинстве дворянского происхождения – так же как народнических организациях 1870-х годов³⁰.

Как следует из приведенного выше краткого обзора, силы вестернизации в России были достаточно велики. «Однако, – пишет фон Лауэ, – с самого начала этот внушительный фронт разделяла невидимая трещина: традиционный барьер между образованными слоями, с одной стороны, и крестьянами и работниками – с другой»³¹. «В то время как верхние слои российского общества ориентировались на Запад, невежественный и суеверный крестьянин сохранял свои традиционные привычки. В глубине своего сердца он хранил инстинктивное подозрение, если не ненависть, к своим европеизированным господам, поскольку, в прошлом, начиная с Петра Великого, вестернизация России производилась за его счет»³². Наиболее важным фактором, формировавшим психологию крестьян, была сила традиции, приверженность крестьян к своим, русским, обычаям и к православной вере, утверждавшей превосходство русских над неправославными народами. Крестьяне и рабочие не доверяли интеллигентам, в которых они видели людей другой, чуждой народу культуры, одевающихся по-европейски и говорящих на своем, зачастую непонятном языке. Это недоверие долгое время препятствовало распространению в народе влияния радикальных партий, «народников», а потом эсеров и социал-демократов, которые, казалось бы, провозглашали народные лозунги, но были основаны прозападными интеллигентами (и дворянами) и выступали с вестернизаторских позиций. Однако постепенно, с распространением образования и городской культуры, сопротивление народных масс вестернизации уменьшалось.

5.2.2. Элита начинает наступление на государство

Как отмечалось выше (п. 4.2.1) во время больших войн механизм Сжатиya вызывает развитие кризиса по трем направлениям: во-первых, военные поражения приводят к потере авторитета власти и, таким образом, способствуют проявлению социальных конфликтов, во-вторых, невозможность

увеличения налогов с обедневшего населения вызывает трудности с финансированием военных расходов, эмиссию бумажных денег и гиперинфляцию; в-третьих, социальный раскол делает войска ненадежными и увеличивает риск восстаний солдат-крестьян. Русско-японская война не была «большой войной», и правительству удалось (за счет внешних займов) избежать финансового кризиса и инфляции, но другие из описанных проявлений кризиса имели место. Командующий Маньчжурской армией А. Н. Куропаткин отмечал «большую легкость», с которой солдаты сдавались в плен³³ – свидетельство ненадежности войск и нежелания воевать, позднее, в годы Первой мировой войны, «уходы в плен» примут характер эпидемии. Но наибольшее значение имело то, что поражения, понесенные на полях Маньчжурии, стали тяжелым ударом по авторитету власти³⁴.

В контексте теории модернизации военные поражения традиционных режимов не раз способствовали их падению и приходу к власти «модернизаторского руководства» – в качестве примеров можно привести падение Второй империи во Франции и крушение австрийского абсолютизма в 1860 году. Таким образом, события в России развивались по обычному европейскому сценарию: либеральная оппозиция воспользовалась падением престижа традиционной власти. В сентябре 1904 г. в Париже состоялась конференция, на которой «Союз освобождения» договорился с эсерами о совместных действиях по свержению самодержавия, вплоть до проведения террористических актов. Для оценки роли войны в дестабилизации политической системы существенно, что проведение конференции субсидировалось японской разведкой, причем В. Коупленд полагает, что это не было тайной для «освободителей»³⁵. Вполне естественно, что Япония была заинтересована в поддержке русской оппозиции, а либералы, со своей стороны, откровенно радовались победам Японии и поражениям русской армии; немецкий журналист Гуго Ганц писал из Петербурга, что общей молитвой либералов было: «Боже, помоги нам быть разбитыми!»³⁶

Чувствовавший себя неуверенно после гибели Плеве Николай II передал пост министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому, который проявлял склонность пойти на уступки оппозиции. 6-9 ноября по инициативе «Союза освобождения» был проведен Земский съезд; на съезде присутствовали 32 (из 34) председателя губернских управ, 7 предводителей дворянства, 7 князей, несколько графов и баронов. Подавляющим большинством голосов было принято требование создания законодательного выборного представительства. Представитель съезда Родзянко в беседе со Святополк-Мирским прямо угрожал, что если не будет представительства, то «будет кровь»³⁷.

После съезда в поддержку его решений началась «банкетная компания»; как отмечает Р. Пайпс, при этом, несомненно, был использован опыт французской революции 1848 года³⁸. «Союз освобождения» рекомендовал всем участникам митингов-«банкетов» принимать одни и те же резолюции с требованием созыва Учредительного собрания. В 34 городах состоялось

120 собраний, в которых участвовало свыше 50 тыс. представителей интеллигенции и дворянства. В конце ноября резолюцию, близкую резолюции земцев, принял состоявшийся в Москве съезд предводителей дворянства. Это означало, что под воздействием западных идей и ухудшения своего материального положения большая часть дворянства идет на прямую конфронтацию с теряющей свой авторитет самодержавной монархией³⁹.

В министерствах и в непосредственном окружении императора влияние оппозиции становилось все более сильным⁴⁰. В начале декабря Святополк-Мирский предложил программу реформ, включающую введение выборных представителей в Государственный Совет. На совещании 2 декабря царь ответил на предложение Мирского в этактистском духе, что «власть должна быть тверда и что во всех разговорах земцев он видит только эгоистическое желание приобрести права и пренебрежение к нуждам народа»⁴¹. «Дворянство, несомненно, хотело ограничения государя, – поясняет Витте, – но оно хотело ограничить его для себя и управлять Россией вместе с ним»⁴².

Таким образом, царь и представители этактистской бюрократии полагали (и, по-видимому, справедливо), что на данной стадии движение развивается по инициативе интеллигенции и части дворянства и в основе его лежат групповые интересы. Теоретически такое развитие событий может быть объяснено как совместное действие диффузионного и демографического фактора. «Сжатие в элите» толкало часть дворянства на путь к оппозиции, а прогрессирующая вестернизация придавала силы растущей интеллигенции; падение авторитета самодержавия в результате военных поражений придавало силы обеим оппозиционным группировкам, побудило их объединиться и перейти в наступление на монархию.

5.2.3. Элита обращается за поддержкой к народу

Одновременно с организацией Земского съезда оппозиция предприняла попытки организации демонстраций. В первую очередь, была развернута агитация среди студентов – массовой базы интеллигенции. 5 декабря оппозиция организовала многотысячную демонстрацию студентов в Москве; шествие направлялось к резиденции генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича; когда оно было остановлено полицией, то из толпы раздалось выстрелы; полиция в свою очередь, открыла стрельбу, несколько человек было убито, многие ранены⁴³. Как полагает В. В. Кавторин, выстрелы из толпы были провокацией⁴⁴, по-видимому, заимствованной из опыта европейских революции 1848 года.

Святополк-Мирский осудил действия московского обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова по разгону демонстрации 5 декабря. В ответ великий князь Сергей Александрович срочно прибыл в Петербург, где еще продолжалось обсуждение программы реформ Мирского. Великий князь обвинил министра внутренних дел в покровительстве оппозиции и в измене престолу. В результате пункт о введении выборных был вычеркнут из проекта реформ,

а Святополк-Мирский был вынужден подать в отставку (которая была отсрочена царем на месяц)⁴⁵.

Указ, изданный после совещания, обещал ввести государственное страхование рабочих, разработать меры по «устроению крестьянской жизни» и т.д.⁴⁶. Царь как будто искал поддержки у традиционалистски настроенного народа против наступающей вестернизированной оппозиции. До этого момента народ оставался в стороне от развивающегося конфликта. Хотя Сжатие в низших классах продолжалось, положение трудящихся масс в 1904 году все же немного улучшилось: урожай был хорошим, в промышленности происходило оживление, массовые увольнения прекратились, и правительство не ожидало новой волны стачек⁴⁷.

Между тем, оппозиция убедилась, что земский съезд, «банкетная компания» и демонстрации студентов не оказали нужного воздействия на власть, что необходимо привлечение к борьбе народных масс. Это означало, что необходимо использовать существующие социальные конфликты – и в частности, борьбу рабочих за улучшение своего положения. При этом в традициях 1848 года был использован метод политической провокации; результатом этой провокации стало «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года. Поскольку оценки событий 9 января 1905 года достаточно противоречивы, то автору пришлось провести конкретно-историческое исследование с привлечением источников⁴⁸. Выводы этой работы в общих чертах совпадают с выводами, сделанными директором департамента полиции А.А. Лопухиным в докладе министру внутренних дел: деятели «Союза освобождения» сумели подчинить своему влиянию руководителя питерских рабочих священника Гапона, и Гапон включил в петицию, которую рабочие желали представить царю, требования либеральной оппозиции. «Петиция эта большинству забастовщиков осталась неизвестной, и таким образом рабочее население было умышленно введено в заблуждение о действительной цели созыва на Дворцовую площадь, куда и двинулось с единственным сознательным намерением принести царю челобитную о своих нуждах и малом заработке»⁴⁹.

П. Б. Струве впоследствии признавал, что революцию «делали» интеллигенты и «делали плохо». «В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что *в этом делании революции играла роль ловко инсценированная провокация...*» (курсив наш – С. Н.)⁵⁰.

Таким образом, интеллигенции и оппозиционной части дворянства удалось инициировать новое обострение конфликтов традиционного общества. Такое развитие событий в целом соответствует теоретическим положениям: как в демографически-структурной теории, так и в теории вестернизации революцию начинают высшие классы, которые втягивают народ в противостояние с властями. Современники оценивали события аналогичным образом: В. И. Ленин, например, писал, что «в периоды революционных кризисов массы пробуждаются к самостоятельным историческим выступлениям, как всей обстановкой кризиса, так и самими верхами...»⁵¹

«Кровавое воскресенье» вызвало вспышку рабочих волнений. Однако эпицентр этих волнений находился не в русских губерниях, а в Польше и в Литве — там, где любое недовольство многократно усиливалось националистическими настроениями. Поляки и литовцы в это время были до крайности возбуждены призывом в русскую армию для участия в войне на Дальнем Востоке; доля уклонившихся от призыва составляла от 11% в Польше до 28% в Литве⁵². 14 января в Варшаве из толпы демонстрантов стали стрелять по полиции; полиция ответила огнем, после чего начались беспорядки, продолжавшиеся три дня. По официальным данным в эти дни погибли 61 «бунтовщик» и несколько полицейских. В Лодзи бастовало 70 тыс. рабочих и также имели место кровопролитные столкновения с полицией. В Москве число единовременно бастовавших не превышало 20 тыс. человек; забастовка продолжалась около недели и обошлась без столкновений. В промышленной Владимирской губернии, где насчитывалось 140 тыс. фабричных рабочих, бастовало только 8 тыс. человек. При этом нужно учесть, что забастовщики применяли метод полунасищенного «снятия» с работы рабочих других заводов, и полиции приходилось брать под охрану предприятия, где рабочие желали продолжать работу. Кроме того, примерно половина забастовщиков выставляла экономические требования, не связанные с событиями 9 января⁵³.

Признавая масштабы волнений, С. Ю. Витте все-таки довольно оптимистически оценивал ситуацию; он говорил, что 80% народа еще не затронуто революционной пропагандой, и советовал царю опереться на народ и на армию⁵⁴. Чтобы успокоить рабочих, была создана «Комиссия для выяснения причин недовольства» под председательством сенатора Н. В. Шидловского; в эту комиссию приглашались выборные от рабочих. 24 января на совещании промышленников министр финансов В. Н. Коковцев объявил о намерении правительства приступить к разработке рабочего законодательства. Однако уступки рабочим вызвали недовольство промышленников, которые стали выступать в поддержку либеральных реформ⁵⁵.

Вспышка рабочих волнений произвела большое впечатление на правящую бюрократию и усилила позиции либералов в правительстве. 17 января министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов предупредил царя о том, что власть не может считать дворянство своей опорой. «В самом дворянстве происходит раскол, — говорил министр, — земские собрания, несмотря на преобладание дворян, не получили того консервативного направления, которого от них ожидали, а скорее — наоборот». Ермолов предупреждал, что нельзя полагаться на войска, которые могут отказать стрелять в беззащитную толпу, что с каждым выстрелом возрастает опасность покушений на жизнь императора. Чтобы успокоить оппозицию, говорил Ермолов, необходимо вернуться к вопросу о выборном представительстве⁵⁶.

Граф Бобринский свидетельствует, что «страшно испуганные наступлением революции, великие князья теперь отбросили всякую спесь», что «в министерских сферах тоже перепугались и ждут исхода»⁵⁷. Этот испуг

имел некоторые основания: эсеры угрожали отомстить за расстрелы; 3 февраля 1905 года бомбой террориста был убит вел. кн. Сергей Александрович. Хорошо осведомленный А. А. Лопухин утверждал, что именно страх, появившийся после гибели Сергея Александровича, заставил Николая II пойти на уступки⁵⁸.

Еще одним фактором, действовавшим в поддержку либералов, стало вмешательство Европы: 24 января Вильгельм II «дружески посоветовал» Николаю II учредить собрание земских представителей для подготовки законопроектов. 4 февраля германский император прислал царю подробный обзор того, что думает о России «так называемый цивилизованный мир»; одновременно он обратился к «кузине» Марии Федоровне (вдовствующей императрице) с просьбой повлиять на сына⁵⁹.

Наконец, важную роль сыграл финансовый кризис. В начале войны правительство, ввиду крайнего напряжения платежных сил населения, признало невозможность увеличения прямых налогов. С другой стороны, опасаясь недовольства элиты, оно не решалось ввести подоходный налог на состоятельные слои населения. Война финансировалась в основном за счет внешних займов, и затруднения с их получением могли привести к финансовому кризису⁶⁰. В начале февраля в Петербург с полуофициальной миссией прибыл организатор французских займов для русского правительства, влиятельный банкир Эд. Нецлин; предупредив о возможных трудностях в получении займов, он также рекомендовал царю сделать уступки либеральной оппозиции⁶¹. Отвечая Нецлину, Николай I заявил, что серьезно думает о реформах⁶².

Совокупное действие всех перечисленных выше факторов привело к тому, что Николай II согласился на создание выборного представительства – причем, по мнению Б. В. Ананьича, вопрос о французском займе играл если не решающую, то, по крайней мере, значительную роль⁶³. 18 февраля 1905 года в рескрипте на имя нового министра внутренних дел Булыгина царь объявил о своем намерении отныне «привлекать... достойнейших, доверием народа обласканных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений...»⁶⁴. Рамки компетенции выборного представительства предстояло определить учреждаемому под председательством Булыгина «особому совещанию».

Таким образом, хотя масштабы инициированной оппозицией вспышки рабочих волнений были меньшими, чем ожидалось, оппозиции удалось добиться от самодержавия существенных уступок. В значительной степени – в соответствии с теорией вестернизации – этот успех объяснялся поддержкой оппозиции со стороны европейских правительств и общественности западных стран. Большую роль сыграли и финансовые трудности правительства: согласно демографически-структурной теории, государство в период Сжатия должно испытывать финансовый кризис. В начале 1905 года правительство было весьма чувствительно к вопросу о заключении займов и было вынуждено следовать «пожеланиям» Запада. Напомним,

что в 1847 году в результате такого же финансового давления прусский король обещал создать Соединенный ландтаг.

5.2.4. Политическая борьба весной и летом 1905 года

Правые фракции либералов приветствовали эти уступки самодержавия, и уступки на время ослабили давление оппозиции. Рабочие протесты также шли на спад, по сравнению с январем в марте число участников политических забастовок уменьшилось более чем в десять раз⁶⁵. Однако в феврале в политическую борьбу вмешался новый мощный фактор: в Черноземном регионе начались крестьянские волнения. Масштабы волнений пока были меньшими, чем в 1902 году, но крестьяне действовали более решительно: во многих случаях разгромленные усадьбы были затем сожжены. Как и в 1902 году, крестьянское движение было направлено не против царя, а против помещиков (многие из которых были либералами)⁶⁶. Правительство сразу же отреагировало на начало крестьянского движения: была частично снята задолженность по продуктовым долгам (выросшая после голода 1892 года до размеров, превосходивших недоимки по выкупным платежам)⁶⁷.

П.Н. Милуков писал, что в то время «революционное движение далеко не успело проникнуть в массы, его роль заменяла “симуляция революции” интеллигентами...»⁶⁸. Поэтому левое крыло либералов сделало решительный шаг, чтобы привлечь народные массы к борьбе. На съезде «Союза освобождения», состоявшемся 25-28 марта, в программу Союза было впервые внесено требование «нового наделения безземельных и малоземельных крестьян государственными... землями, а где их нет — частновладельческими, с вознаграждением нынешних владельцев этих земель». В этой программе нашлось место и требованиям рабочих, и в частности, необходимости введения 8-часового рабочего дня. В отношении обещанного царем представительства говорилось, что выборы в него должны осуществляться путем всеобщей и равной подачи голосов. Таким образом, по мере обострения борьбы программа «Союза освобождения» приобретала радикальный характер. Важным направлением деятельности «Союза» стало создание профессиональных организаций в той среде, в которой функционировали «освобожденцы», — то есть в среде интеллигенции. Весной 1905 года были созданы союзы врачей, учителей, адвокатов, железнодорожных служащих и т. д.; все эти организации были объединены в «Союз союзов»⁶⁹.

Судя по общим данным о числе забастовщиков, рабочее движение в мае-июле несколько оживилось. Однако центр его находился по-прежнему в Польше: в Лодзи 9-11 июня бастовало 70 тыс. рабочих, шли баррикадные бои, число убитых «бунтовщиков» превышало 200 человек. В мае-июне бастовали более 30 тыс. текстильщиков Владимирской губернии; в Петербурге 9 июля была проведена стачка в память погибших 9 января; в стачке участвовало 35 тыс. рабочих, но это была лишь однодневная акция⁷⁰. Как отмечает С. Шварц, в целом для забастовок этого периода были характерны экономические требования⁷¹. Что касается крестьянского движения, то

летом было много конфликтов на почве потрав и покосов, но случаи «разборки» помещичьих имений были единичными.

Разгром при Цусиме нанес новый удар по авторитету самодержавия, и в обстановке смятения правительство одно время обсуждало вопрос о немедленном созыве Земского собора – но затем этот проект был оставлен⁷². Было решено пойти на мирные переговоры с Японией; это решение было обусловлено также и усугубившимися финансовыми проблемами: переговоры о кредитах сорвались, и стало ясно, что, по словам Витте, дальнейшее ведение войны возможно только «ценою полного финансового, а затем и экономического краха»⁷³. Таким образом, вновь, как и в период Крымской войны, выяснилось, что Россия не может вести войну в обстановке внутреннего конфликта, Сжатию и порожденного им финансового кризиса.

Период до августа 1905 г. проходил под знаком ожидания результатов работы булыгинского «совещания» по подготовке законов о будущей Думе. В июле 1905 г. состоялась серия правительственных совещаний в Петергофе, на которых обсуждался законопроект о Думе. Правительство искало для себя будущую думскую опору, и в этой связи высказывались суждения о расколе элиты и о ненадежности опоры на дворянство⁷⁴. Власти сочли, что основная масса крестьян еще не затронута революционной агитацией, и представители крестьян должны были составить 43% выборщиков депутатов в будущую Думу. 34% выборщиков должны были принадлежать к землевладельческой курии и 23% – к городской⁷⁵. «Расчет все явственнее сводился к тому, чтобы поставить перед ведущими штурм самодержавия силами крестьянскую Думу и прикрыть ею власть», – писал Ю. Б. Соловьев⁷⁶. Таким образом, правительство рассчитывало создать в Думе традиционалистское, преимущественно крестьянское, большинство и противопоставить его вестернизированной интеллигентско-дворянской оппозиции.

6 августа был опубликован Манифест о Государственной думе; из манифеста следовало, что Дума будет избираться через многоступенчатую систему выборов и иметь совещательный характер. Введение имущественного ценза лишало избирательных прав практически всех рабочих. «Союз союзов» еще в июле призвал к бойкоту Думы и к устройству массовых протестов. Однако массовых народных протестов не последовало; по сравнению с летними месяцами активность рабочего и крестьянского движения в сентябре заметно снизилась. Это успокаивало правительство. В то же время оставалось неясным, как поведет себя крестьянство. В конце сентября Витте на совещании министров предостерегал, что «студенческие сходки и рабочие стачки ничтожны сравнительно с надвигающеюся на нас крестьянскою пугачевщиною» и предлагал для предотвращения крестьянского движения «тотчас по собрании Думы передать ей крестьянский вопрос»⁷⁷. Это была позиция этатистской группировки в правительстве, которая считала возможным пожертвовать интересами (в значительной части либерального) дворянства ради государственных интересов и традиционного

принципа «самодержавие, православие, народность». А. Я. Аврех называл этот курс «цезаризмом», и считал Витте главным проводником прокрестьянской «цезаристской» политики⁷⁸. «Тогда было признано, – писал С. Ю. Витте, – что держава может положиться только на крестьянство, которое по традиции верно самодержавию. Царь и народ!.. Поэтому такие архиконсерваторы, как Победоносцев, Лобко и прочие, все настаивали на преимуществах в выборном законе крестьянству»⁷⁹.

Таким образом, весной и летом 1905 года революционное движение (за исключением Польши) развивалось в сравнительно медленном темпе. В попытке привлечь на свою сторону крестьян и рабочих либеральная оппозиция сделала решительный шаг влево, но не получила ожидаемого отклика. Правительство по-прежнему рассматривало традиционалистское крестьянство как свою опору в борьбе с вестернизированной оппозицией и предоставило ему значительное число мест в Думе. При этом баланс сил рассчитывался не по сословным и классовым интересам, а по вектору противостояния вестернизированных и традиционалистских группировок – в полном соответствии с теорией фон Лауэ. Социальные конфликты, казалось, отступали на второе место перед процессами диффузии.

5.2.5. Государство отступает: манифест 17 октября

Между тем, либеральная оппозиция прилагала все усилия, чтобы снова вовлечь в борьбу массы. Находившийся под влиянием либералов Крестьянский союз призвал крестьян писать петиции и приговоры с требованиями, перечисленными в специально изданной листовке. Среди этих требований, помимо всеобщего избирательного права, появилось радикальное требование передачи всей земли тем, кто ее обрабатывает⁸⁰. В середине сентября собрался новый земский съезд, и в программу земцев были включены требования наделения крестьян землей за счет частичного выкупа земли помещиков, а также 8-часовой рабочий день. «В обиход вошло выражение латинского поэта, – писал Милуков: “Если не смогу склонить высших (богов), двину Ахеронт (адскую реку)”»⁸¹. Под «Ахеронтом» разумелись революционные народные массы. Часть земцев, несогласная с этой тактикой, покинула съезд, а большинство приняло решение о созыве 12 октября нового съезда для создания конституционно-демократической партии⁸².

«Передаточным звеном» между либералами и народом по-прежнему были студенты. 3 сентября в Выборге состоялся студенческий съезд, на котором было принято решение «использовать высшие учебные заведения для революционной агитации и пропаганды в широких массах населения и предпринять меры к организации боевых отрядов...»⁸³. В течение сентября в Московском университете прошло несколько митингов, на которые приглашали рабочих. Эта агитация была одним из побудительных мотивов забастовки московских печатников, которая началась 19 сентября. К 4 октября в Москве бастовало около 12 тыс. фабричных рабочих⁸⁴.

Главную роль в организации октябрьской всеобщей стачки сыграл «Всероссийский железнодорожный союз» (ВЖС) – профсоюз железнодорожных служащих, входивший в созданный либералами «Союз союзов». Это был профсоюз инженеров, техников, управленцев; он насчитывал около 6 тыс. человек, что составляло примерно 15% железнодорожных служащих. Что касается рабочих (которых на железных дорогах насчитывалось 700 тысяч), то в ВЖС их практически не было⁸⁵.

Хотя съезд ВЖС еще в июле принял решение о проведении всеобщей забастовки, в Центральном бюро союза не было согласия относительно времени ее проведения; многие считали, что подходящий момент еще не наступил. Как и в событиях 9 января, существенную роль сыграла провокация. В первых числах октября в Петербурге собрался съезд ВЖС, посвященный созданию пенсионных касс. 5 октября в Центральное бюро в Москве неожиданно поступило (оказавшиеся ложным) известие об аресте всех депутатов, и бюро сразу же разослало телеграмму с призывом к стачке. Хотя члены ВЖС составляли лишь 1% всех железнодорожных рабочих и служащих, с началом забастовки остановились практически все железные дороги. Условия функционирования дорог были таковы, что для остановки движения достаточно было сбоя в работе какой-нибудь из технических служб, например диспетчерской, телеграфной и т.д. После остановки движения рабочие собирались на митинг; некоторые из них поддерживали забастовку, другие не поддерживали – но они не могли возобновить движение, и им приходилось «бастовать». Таким образом, считается, что в железнодорожной забастовке участвовали все 750 тыс. рабочих и служащих этой отрасли⁸⁶.

Остановка всех железных дорог послужила мощным импульсом к развертыванию забастовочной борьбы. На одних фабриках рабочие использовали ситуацию, чтобы предъявить свои требования; другие фабрики останавливались просто в результате прекращения подвоза сырья. Толпы забастовщиков врываются на еще работающие предприятия и принуждали рабочих присоединяться к стачке. По данным фабричной инспекции в октябре бастовало 519 тыс. рабочих – около трети всех фабричных рабочих России. Большинство бастующих требовало увеличения зарплаты и введения 8-часового рабочего дня, почти 2/3 из них выдвигали политические требования – вплоть до созыва Учредительного собрания. В выдвижении политических требований большую роль играла агитация студентов и социал-демократов; в университетах почти непрерывно проходили митинги с участием рабочих. В стачке участвовало 200 тыс. студентов и учащихся средних школ. 13 октября «Союз союзов» призвал к забастовке входившие в него профсоюзы служащих. Во всеобщей забастовке приняли участие 150 тыс. служащих государственных, городских, земских учреждений, 150 тыс. рабочих и служащих торговых предприятий и городского транспорта⁸⁷.

Таким образом, всеобщая стачка была инициирована либеральной интеллигенцией из ВЖС и «Союза союзов», но в дальнейшем развивалась стихийно⁸⁸. В Петербурге представители бастующих предприятий для ко-

ординации усилий создали Совет рабочих депутатов, затем такие советы были созданы и в некоторых других городах. 12 октября собрался учредительный съезд конституционно-демократической партии, на котором кадеты заявили о поддержке всеобщей стачки. Во вступительной речи на съезде П. Н. Милюков отмежевался от «агров и промышленников», заявив о «идейном, внеклассовом» характере новой партии. В программе кадетов содержались требования, заявленные сентябрьским земским съездом и направленные на привлечение масс – положение о наделении крестьян землей и 8-часовом рабочем дне. Таким образом, левые либералы делали ставку на союз с низшими классами⁸⁹.

Положение правительства осложнял постоянный финансовый кризис. Французские банки медлили с предоставлением займа, и президент Франции Лубэ прямо говорил С. Ю. Витте, что «без системы представительства и конституции Россия более идти не может»⁹⁰. Под давлением обстоятельств шаг влево была вынуждена сделать и этакетская бюрократия. 9 октября С. Ю. Витте представил царю записку, в которой предлагал ему сделать выбор: либо ввести военную диктатуру и подавить стачку вооруженной силой, либо пойти на кардинальные уступки, в том числе, расширить функции Думы и избирательные права, законодательно уменьшить продолжительность рабочего дня, и, в качестве крайней меры, организовать выкуп помещичьих земель, арендуемых крестьянами. Великий князь Николай Николаевич, которому царь предложил взять на себя роль диктатора, отклонил это предложение, сославшись на ненадежность войск, и посоветовал царю принять программу Витте. 17 октября царь подписал манифест, в котором сообщалось о «даровании населению незыблемых прав гражданской свободы» и о том, что отныне никакой закон не может получить силу без санкции Думы.

Назначенный председателем Совета министров Витте вступил в переговоры с бастующими. Руководству ВЖС были даны обещания «принять решительные и безотлагательные меры» по улучшению быта железнодорожников, и 20 октября оно призвало к прекращению стачки. Вслед за прекращением забастовки железнодорожников приступили к работе и многие бастовавшие фабрики.

Конституция означала модернизацию по западному образцу, а модернизация неминуемо должна была встретить сопротивление традиционалистских сил. Основой национальной традиции была православная церковь, которая всячески противилась распространению либеральных идей – в особенности по вопросу о свободе вероисповедания. Хотя впоследствии церковь официально осудила погромы, после 17 октября многие епископы выступили с призывами поддержать царя в борьбе с «крамольниками». Соборы стали центрами организации «крестных ходов»; тысячи людей с иконами и портретами царя вышли на улицы, чтобы продемонстрировать свою поддержку православной монархии; священники шли во главе толп. Более чем в 100 городах между манифестантами и стачечниками произошли столкновения; так как манифестанты численно превосходили «кра-

мольников», то столкновения принимали характер погромов. Повсюду на улицах избивали студентов и интеллигентов; в Томске стачечники были окружены в одном из зданий железнодорожного управления, которое было затем подожжено. В южных городах манифестации вылились в еврейские погромы; общее число жертв составило около 1600 человек⁹¹.

В ноябре-декабре 1905 года традиционалистское движение оформилось политически – был создан «Союз русского народа», который впоследствии стали называть «черной сотней». Однако программа «Союза» не шла дальше старого лозунга «самодержавие, православие, народность»; «черносотенцы» ничего не обещали ни крестьянам, ни рабочим, поэтому они не пользовались поддержкой в деревнях и рабочих кварталах.

Подводя итоги событиям октября 1905 года, можно констатировать, что они в общих чертах укладываются в рамки теории вестернизации: не получив от правительства обещанных уступок, либеральная оппозиция снова попыталась поднять на борьбу народ и инициировать социальные конфликты традиционного общества. Теперь (в отличие от 9 января) она открыто, с помощью студентов, агитировала рабочие массы и провозглашала социальные лозунги: 8-часовой рабочий день и передача земли крестьянам. С помощью небольшого профсоюза железнодорожных служащих оппозиции удалось остановить железные дороги и вовлечь рабочих в массовую стачку. На политику правительства оказывала воздействие и угроза финансового кризиса, которая придавала убедительность «пожеланиям» западных финансистов и политиков. В конечном счете, правительство было вынуждено пойти на новые, более существенные уступки и удовлетворить основные требования оппозиции. Правительство пообещало либералам конституцию, но народные массы почти ничего не получили, социальные требования, с помощью которых оппозиция вовлекла в движение народ, остались без ответа.

Таким образом, «западники» одержали победу – но их торжество породило традиционалистскую реакцию. Церковь подняла народные массы в защиту православия и самодержавия, и по городам прокатилась волна погромов.

Что касается социальных аспектов борьбы, описываемых демографически-структурной теорией, то они присутствовали в октябрьских событиях на глубинном, втором, плане: Сжатие в элите побуждало часть дворянства поддерживать вестернизованную интеллигенцию, а Сжатие в народных массах побуждало их идти за теми, кто обещал им землю и 8-часовой рабочий день. Однако уже в ноябре 1905 года социальная борьба вышла на первый план.

5.2.6. Крестьянство вступает в борьбу

Всеобщая железнодорожная стачка привела в движение огромные массы рабочих – и она оказала такое же воздействие на крестьян. Для крестьян железная дорога с ее четкой дисциплиной была символом государственной мощи; остановка дороги означала поломку государственного механизма.

«Крестьяне, – вспоминал очевидец событий, – толпами сходились к линии, убеждались, что чугунка стоит, расспрашивали железнодорожников о причинах забастовки и, зараженные новыми идеями, возвращались в свои села и деревни. Вести о забастовке будоражили деревню»⁹². В. М. Гохленер, изучавший крестьянское движение в Саратовской губернии, установил, что оно начиналось в селах, расположенных близ железных дорог и затем распространялось в глубинные районы⁹³.

Социал-демократы и эсеры вели агитацию в деревнях, но ее роль до крайности преувеличивалась партийными историками. Т. Шанин, ссылаясь на данные полиции, отрицает роль партийной агитации в крестьянских волнениях⁹⁴. Действительно, в Саратовской губернии, к примеру, в первой половине 1905 года большевистские листовки распространялись от случая к случаю лишь в 50-60 селах – а сел в губернии насчитывалось несколько тысяч⁹⁵. О. Г. Буховец приводит статистические данные об эффективности агитации в Белоруссии, которые, правда, относятся к более позднему периоду, к 1907-1914 годам. В соответствии с этими данными, крестьянские выступления имели место в 14 из 131 селения, в которых проводилась агитация, и в 924 селениях, в которых агитация не проводилась. Таким образом, крестьянские выступления практически не зависели от интенсивности партийной пропаганды⁹⁶. ««Складно говорившие» агитаторы рассматривались крестьянами как чужаки, даже если они говорили об увеличении крестьянских наделов!» – отмечает О. Г. Буховец⁹⁷.

Другое дело – «агитация», проводимая вернувшимися в родные места отходниками, многие из которых участвовали в рабочих забастовках и демонстрациях. «Документы показывают, что крестьяне-рабочие... – пишет Т. Шанин, – часто приносили информацию о революционных событиях или руководили крестьянскими общинами в борьбе 1905-1907 гг.»⁹⁸. Через отходников в деревню поступали известия о беспорядках в городах, и суть этой информации сводилась к тому же, о чем сигнализировала оставленная железной дороги – это были свидетельства ослабления государственной власти.

Очевидное ослабление власти было важным фактором развития событий, однако основными факторами были хроническое малоземелье крестьян и неурожай 1905 года. Неурожай имел локальный характер. В целом по Европейской России душевой чистый сбор составил 23,3 пуда, а потребление – 18,4 пуда, что было лишь немногим ниже средних показателей. Но по семи губерниям Черноземья чистый сбор составил только 15,4 пуда, вдвое меньше среднего уровня предыдущего пятилетия. Тяжелое положение сложилось также в Поволжье, особенно в Саратовской губернии, где урожай 1905 года был в 2,5 раза меньше среднего⁹⁹. При этом нужно учесть, что крестьянам принадлежал не весь урожай, что часть зерна лежала в помещичьих амбарах и, как обычно, готовилась к отправке за границу. Весной, когда запасы подойдут к концу, миллионам крестьян угрожал голод, и единственным выходом было «разобрать» хлеб, хранящийся в помещичьих экономиях.

П. Н. Першин подсчитал чистый сбор зерна и картофеля на крестьянских полях во всех уездах Европейской России и отметил на карте те уезды, в которых сбор не превышал 12 пудов на душу. В зоне голода проживало 30 млн. человек, она охватывала Черноземье, Поволжье, Белоруссию, Литву и восточную часть Центрального района¹⁰⁰.

Резонансное действие трех факторов, хронического малоземелья, неурожая и ослабления государственной власти привело к тому, что крестьянство восстало. Как показывает П. С. Кабытов, именно осенью 1905 года в действиях крестьян исчезают свойственная им ранее робость и нерешительность¹⁰¹. Поскольку действия карательных сил были парализованы железнодорожной забастовкой, то крестьяне стали хозяевами в сельской местности. Во времена прежних выступлений «бунтовщики» обычно ограничивались захватом зерна в помещичьих экономиях, теперь же они, забрав зерно, сжигали поместья¹⁰². Восстание охватило, в основном, Черноземье и Поволжье. По данным МВД, в октябре-декабре 1905 года было разгромлено в общей сложности около 2 тыс. помещичьих имений (1/15 всего их числа), размеры убытков помещиков составили 29 млн. руб. В некоторых районах, например, в Балашовском уезде Саратовской губернии, были уничтожены буквально все помещичьи усадьбы. В Саратовской губернии за время революции было разрушено 2/5 всех поместий и потери помещиков оценивались в 9,6 млн. руб., в Самарской губернии ущерб составил 3,9 млн. руб., в Курской – 3,1 млн. руб., в Черниговской – 3,0 млн. руб., в Тамбовской – 2,5 млн. руб.¹⁰³ Генерал Сахаров, командовавший карателями в Саратовской губернии, отмечал, что «побудительной целью движения служит желание захватить хлеб в амбарах, так как губернию постиг в нынешнем году страшный голод», что восстание бушевало в малоземельных уездах, и почти не затронуло многоземельные районы¹⁰⁴. «В большинстве случаев крестьяне объясняли свое участие в движении тем, что они хотели есть, – писал С. Н. Прокопович. – Часто они ограничивались одним увозом хлеба и сена. Осенью 1905 года, когда начался голод в неурожайных местах, а помощи ни откуда не было, крестьяне решили спастись от голодной смерти “общим согласием”. Во многих местах разобранье или дележка помещичьих экономий была совершена по приговорам сельских обществ»¹⁰⁵. Если выносился такой приговор, то крестьяне внимательно следили, чтобы в разгроме усадьбы участвовали все, даже женщины и дети¹⁰⁶. Как отмечает Л. Т. Сенчакова, «общество» и «волость», общинный и волостной сходы, были готовыми формами организации крестьян, которые использовались ими в борьбе с помещиками. Однако выше уровня волости крестьянская организация практически не поднималась; случаи, когда крестьяне объединялись всем уездом, чтобы воевать против помещиков всего уезда, были очень редкими¹⁰⁷.

Борьба носила, в основном, местный, локальный характер, каждая деревня воевала со «своим» помещиком, пытаясь заставить его задешево распродать крестьянам свои земли и уйти. Разгромив усадьбу своего помещика, крестьяне обычно успокаивались и ждали, что будет дальше. При

этом, несмотря на впечатляющие масштабы разрушений, восстание было отнюдь не всеобщим и не повсеместным. Для Воронежской губернии, например, подсчитано, что в восстании принимали участие жители 243 из 2509 сел и деревень, то есть им была охвачена только десятая часть населенных пунктов. Но и в восставших деревнях далеко не все жители участвовали в борьбе. По материалам следствия о разгроме имений в Дмитриевском уезде Курской губернии (февраль 1905 года) в волнениях принимало участие 40 общин с населением в 10 тыс. человек, но активно участвовали только 1368 человек¹⁰⁸.

Крестьянское восстание было стихийным и неуправляемым, и собравшийся в ноябре съезд Крестьянского союза не пытался говорить от лица восставших. Однако выступления на этом съезде и его решения позволяют выяснить настроения крестьянства. Депутаты требовали свободы слова и собраний, но при этом они по-прежнему не выступали против царя, обвиняя во всем министров и чиновников. По мнению многих исследователей, крестьяне больше интересовались экономическими вопросами, чем политическими¹⁰⁹. Как доказывает Т. Шанин, крестьянское восстание было выступлением, не зависимым от борьбы в городах, оно имело свои цели и свои причины¹¹⁰. В городах происходила, по терминологии Т. фон Лауэ, «революция извне», – в деревнях началась Крестьянская война.

«Самая серьезная часть русской революции 1905 г., – писал Витте, – конечно, заключалась не в фабричных, железнодорожных и тому подобных забастовках, а в крестьянском лозунге “Дайте нам землю, она должна быть нашей, ибо мы ее работники” – лозунге, осуществления которого начали добиваться силой»¹¹¹.

Однако крестьянская война 1905 года не походила на «пугачевщину». Как ни странно, восстание было почти бескровным, крестьяне громили помещичьи усадьбы, но не трогали помещиков и, по мере возможности, избегали столкновений с властями. Когда в деревню приходили войска, им не оказывали активного сопротивления – потому что безоружные крестьяне попросту не могли сопротивляться вооруженной силе. В действиях крестьян просматривалось желание не доводить борьбу до кровопролития. Это желание проявилось также в том, что съезд Крестьянского союза высказался против вооруженного восстания и не одобрил разгрома поместий, считая крайним средством борьбы сельскую забастовку и отказ от уплаты податей¹¹². В действиях крестьян кое-где еще проглядывала вера в царя – но правительство применяло для подавления волнений самые жестокие меры, в некоторых случаях даже артиллерию. Министр внутренних дел Дурново 31 октября 1905 года отдал приказ, в котором призывал карателей действовать «круто и сурово»¹¹³.

Крестьянское восстание означало, что в революцию вовлекаются глубинные пласты общества, огромные массы сельского населения. Однако революционный процесс не остановился на этом – он продолжал расширяться, вовлекая в себя последний оплот самодержавия – армию. Армия состояла в основном из крестьян, поэтому массовые крестьянские

волнения неминуемо передавались и в солдатскую среду. Первая бунтарская вспышка произошла еще в июне – это было восстание на броненосце «Потемкин». Во время всеобщей стачки отмечалось невиданное прежде явление – массовое участие солдат в митингах и демонстрациях. В конце октября и в ноябре имели место 5 вооруженных солдатских митингов, 6 вооруженных демонстраций и 7 вооруженных солдатских выступлений, сопровождавшихся борьбой с правительственными войсками. 26-27 октября произошло вооруженное восстание в Кронштадте; 12-17 ноября – в Севастополе; 2-3 декабря происходили волнения в московском гарнизоне¹¹⁴.

Таким образом, в ноябре 1905 года в деревне началась полномасштабная социальная революция. В значительной степени эта революция была инициирована подготовленной либералами октябрьской стачкой, большую роль сыграл случайный фактор – неурожай в черноземных областях, но главной, глубинной причиной было малоземелье, перенаселение и Сжатие – процессы, описываемые демографически-структурной теорией. Теперь эти процессы вышли на первый план.

5.2.7. Элита переходит на сторону государства

Крестьянское восстание вызвало огромную тревогу в правительственных сферах: становилось ясно, что революция распространяется на огромные крестьянские массы. Д. Ф. Трепов в срочном порядке представил царю проект наделения крестьян посредством принудительного отчуждения у помещиков половины земли. Трепов настаивал, чтобы о новой «Великой реформе» возвестил сам царь и притом немедленно, однако Николай II отправил проект С. Ю. Витте, а Витте полагал, что закон должна принять Дума и в ожидании ее созыва поручил доработку проекта главноуправляющему землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлеру. В качестве немедленной меры было принято решение о сложении выкупных платежей. Это была существенная уступка властей, царь практически полностью (за исключением маленького поземельного налога) снимал с крестьян центральные прямые налоги; теперь крестьяне платили только местные, мирские и земские подати, и в целом прямое обложение крестьян уменьшилось более чем вдвое¹¹⁵. Кроме того, было решено облегчить покупку помещичьей земли крестьянами с помощью ссуд Крестьянского банка.

Восстание крестьян и слухи о готовящейся реформе вызвали панику среди дворянства. 17 ноября 1905 года 277 крупнейших помещиков 33 губерний срочно съехались в Москву на совещание, на котором было объявлено о создании Союза землевладельцев. Союз обвинил Витте в «недостойной политике, опирающейся на революционные силы» и потребовал немедленно «успокоить и водворить мир в сельских местностях», используя власть, «не ограниченную в средствах суда и расправы». Одновременно была организована придворная агитация против проекта Кутлера, а группа гвардейских офицеров (в традициях екатерининских времен) составила заговор с целью устранения Витте¹¹⁶.

Витте действительно медлил с «судом и расправой» и не вводил военного положения. «Помню недоумение, которое долго возбуждало поведение Витте, – вспоминал В. А. Маклаков. – Он бездействовал, давая революции разрастаться»¹¹⁷. Премьер-министр пытался остановить революцию, заключив соглашение с либералами. В середине ноября состоялся очередной земский съезд, оказавшийся последним. Либеральная «общественность» окончательно раскололась; правые либералы создали партию «октябристов» и заявили о поддержке правительства; левые либералы (кадеты) продолжали настаивать на прямом и равном избирательном праве, но намеревались вести дальнейшую борьбу парламентскими средствами. Кадеты уже не поддерживали демонстраций и забастовок – и пугались мысли о возможности вооруженного восстания. Правда, не вошедшая в партию кадетов группировка либеральной интеллигенции из «Союза освобождения» вместе с «Союзом союзов» по-прежнему выступала за сотрудничество с социал-демократами и революционные методы борьбы¹¹⁸.

Таким образом, издание манифеста 17 октября и крестьянское восстание вызвали перегруппировку политических сил. С одной стороны, началась реакция: на правом фланге происходила консолидация нелиберальной части дворянства и традиционалистских монархических группировок типа «Союза русского народа». С другой стороны, инициировавшая революцию либеральная группировка раскололась на три части: «октябристы» помогали правительству остановить революцию, «кадеты» отошли от внепарламентской борьбы, и лишь левая интеллигенция продолжала борьбу в союзе с социал-демократами. В то же время вовлеченные либералами в борьбу рабочие пока ничего не получили от революции и были полны решимости добиваться Учредительного собрания, равных избирательных прав, но главным образом – 8-часового рабочего дня. Крестьяне, вовлеченные в борьбу либералами и рабочими, по-прежнему требовали земли.

Процесс отхода либералов от инициированной ими борьбы и перехода части из них в лагерь противника является достаточно типичным для «революций вестернизации» и хорошо изучен на примере революций 1848 года. «С момента появления баррикад в Париже все умеренные либералы... стали потенциальными консерваторами, – писал Э. Хобсбаум. – По мере того, как умеренное мнение более или менее быстро изменилось или вовсе исчезло, рабочие... остались одни или, что даже более фатально, столкнулись с союзом консервативных и бывших умеренных сил со старыми режимами: “партией порядка”, как называли это французы»¹¹⁹. Таким образом, «западники», добившись удовлетворения своих требований, прекратили активную борьбу. То течение русской революции, которое можно отождествить с «революцией вестернизации», на этом практически закончилось – продолжающаяся (и нарастающая) революция носила теперь чисто социальный характер. Перед лицом этой социальной революции часть «западников» объединилась с традиционалистами для борьбы против наступающих народных масс.

5.2.8. Народ терпит поражение

Октябрьская стачка не дала рабочим того, что они требовали: 8-часовой рабочий день и увеличение заработной платы. Поэтому на петербургских фабриках началось движение за введение 8-часового дня явочным путем: проработав 8 часов, фабричные прекращали работу и шли «снимать» рабочих других предприятий. В ответ предприниматели по соглашению с правительством объявили грандиозный локаут: 72 петербургских завода прекратили работу; 100 тысяч рабочих остались без средств существования¹²⁰. Таким образом, новый кризис был неизбежен. До конца ноября в Петербурге существовало своего рода «двоевластие» правительства и Петербургского Совета, который опирался на Советы в других городах и явочным порядком вводил на предприятиях 8-часовой рабочий день. 27 ноября Петербургский Совет призвал всех граждан не платить налоги, изымать вклады из сберегательных касс и требовать расчета только золотой монетой. Среди вкладчиков началась паника; за месяц из касс было изъято 110 млн. руб., налоги почти не поступали, правительство снова находилось на грани банкротства – финансовый крах был отсрочен лишь займом в 100 млн. руб., предоставленным французскими банками в конце декабря¹²¹. Этот заем был в известной степени отражением произошедшей перегруппировки политических сил: западные банкиры и политики вслед за русскими «западниками» стали оказывать поддержку новому правительству.

К началу декабря перегруппировка политических сил усилила позиции правительства, и оно перешло в наступление; 3 декабря Петербургский Совет был арестован в полном составе. В Москве и в ряде других городов советы призвали к всеобщей забастовке, которая по замыслу социал-демократов должна была перейти в вооруженное восстание. Однако рабочие теперь боролись практически в одиночестве: либералы вышли из борьбы, лидер кадетов П. Н. Милюков осудил призыв к новой стачке как «преступление против революции». В стачке приняла участие лишь небольшая часть служащих, входивших в «Союз союзов» (всего лишь 30-40 учреждений). Количество бастовавших рабочих достигло 433 тыс., но в целом стачка имела меньшие масштабы, чем в октябре¹²².

Однако распространение революционных настроений на армию, казалось, могло дать рабочим шанс на победу. В начале декабря в частях московского гарнизона происходили волнения, и, когда 9 декабря началось восстание в Москве, у генерал-губернатора Ф. В. Дубасова было лишь 1350 верных солдат. Но и численность восставших была невелика – около 2 тысяч вооруженных дружинников (среди них 250-300 студентов). Союз железнодорожников (ВЖС) принял участие в забастовке, и движение было вновь парализовано, что затруднило действия правительственных войск. Однако через несколько дней военные сумели наладить работу Николаевской железной дороги, по которой из Петербурга в Москву был переброшен гвардейский Семеновский полк. С прибытием подкреплений правительственные войска перешли в наступление, и 17-18 декабря восстание было подавлено. Массовые аресты рабочих активистов нанесли удар по

руководству всеобщей стачки, и вскоре она прекратилась. Затем были проведены массовые увольнения участников выступлений; весной 1906 года в Петербурге число безработных достигло 40 тыс., в Москве – 20 тыс., по всей России – около 300 тыс. человек; что составляло примерно пятую часть общей численности фабричных рабочих¹²³.

В деревне в ноябре и декабре продолжались массовые выступления, сопровождавшиеся разгромом помещичьих имений. Если в октябре, по данным С. М. Дубровского, было зафиксировано в общей сложности 219 выступлений, то в ноябре – 796, а декабре – 575¹²⁴. В декабре по всей сельской местности свирепствовали карательные экспедиции; в Саратовской губернии (где размах волнений был наибольшим) было казнено по суду и без суда 379 участников выступлений, сотни людей были сосланы в ссылку. Обычная практика карателей заключалась в том, что кавалерия окружала общинный сход и крестьян угрозами и массовыми порками принуждали к выдаче «зачинщиков»; после этого арестованных гнали на железнодорожную станцию и отсылали в Сибирь. В начале 1906 года восстания были в основном подавлены. В январе число выступлений упало до 179, а в феврале – до 27¹²⁵.

В подавлении восстаний большую роль сыграла пропаганда кадетов, которые уговаривали рабочих и крестьян перенести борьбу на легальную, парламентскую основу. В конечном счете, оставшись без союзников, рабочие и крестьяне потерпели поражение. Поддерживавшая их левая интеллигенция была деморализована; в учреждениях осуществлялись массовые увольнения «левых». Многие левые интеллигенты отошли от борьбы; часть ушла к кадетам, «Союз союзов» прекратил существование. Студенческое движение было парализовано закрытием университетов (они открылись только в сентябре 1906 года)¹²⁶.

Подводя итоги краткому описанию декабрьских событий, можно отметить, что эти события развивались по описанной Э. Хобсбаумом классической модели революций 1848 года: после отхода либералов от революции она приняла чисто социальный характер; оставшись в одиночестве, рабочие восстали в защиту своих прав и потерпели поражение. Социальный конфликт развивался по линии, намеченной демографически-структурной теорией: Сжатие в народе привело в восстанию как в городах, так и в деревнях. Политический кризис сопровождался финансовым кризисом, однако последний был нейтрализован внешними займами. Это в значительной степени помогло правительству сохранить управляемость административной машины и армии; армия в целом подчинялась приказам, и благодаря этому восстание было подавлено. Таким образом, революционный процесс остался незавершенным и не прошел всех фаз, описываемых демографически-структурной теорией.

5.2.9. Союз элиты и государства

В период рабочего восстания дворянство окончательно осознало ту опасность, которую несет ему революция, и отшатнулось от либералов.

С.Ю. Витте писал, что в начале революции «дворянство увидело, что придется делить пирог с буржуазией – с этим оно было согласно, но ни дворянство, ни буржуазия не подумали о сознательном пролетариате. Между тем, последний... только в сентябре 1905 г. проявился во всей своей стихийной силе... Вот когда дворянство и буржуазия увидели этого зверя, то они начали пятиться, то есть начал производиться процесс поправки...»¹²⁷

С конца 1905 года началось массовое изгнание либеральных дворян из земств. Либеральное земское дворянство, инициировавшее революцию вместе с интеллигенцией, так же как и интеллигенция, выходит из революционного процесса. Раскол дворянства преодолевается, происходит его консолидация на платформе решительной борьбы за сохранение своей собственности и против этатистских проектов наделения крестьян за счет помещиков. В начале января 1906 года собравшийся в Москве съезд предводителей дворянства предложил свою аграрную программу, включавшую переход от общинного землевладения к частной собственности на крестьянские наделы, облегчение покупки земли крестьянами с помощью Крестьянского банка и организацию переселения малоземельных крестьян на окраины. Съезд обратился к царю с ходатайством об отклонении проекта Кутлера¹²⁸. Дворянство защищало свои имущественные интересы, апеллируя к (не признаваемому крестьянами) принципу неприкосновенности частной собственности на землю. В противовес догме, Витте и Кутлер звали к реализму: «...слишком упорное отстаивание принципа частной собственности... может привести при современных условиях к тому, что владельцы лишатся всего...», – говорилось в проекте¹²⁹. Николай II сделал выбор в пользу дворянства. 10 января царь собственноручно написал на докладе о проекте Кутлера: «Не одобряю. Частная собственность должна оставаться неприкосновенной»¹³⁰. Этот символический акт означал, что монархия и дворянская элита объединяются на почве защиты помещичьего землевладения.

Н. Н. Кутлер был уволен в отставку, однако дворянство видело в главноуправляющем земледелия лишь исполнителя указаний С. Ю. Витте и требовало смещения премьер-министра. «Правительство Витте явно идет против высочайшей воли императора, вновь подтвердившего святость и неприкосновенность частной собственности», – говорилось в докладе февральского съезда «Союза землевладельцев»¹³¹. Действительно, при обсуждении Основных законов С. Ю. Витте горячо возражал против запрещения Думе касаться вопроса о принудительном отчуждении помещичьих земель. Главным аргументом Витте была сохранявшаяся угроза крестьянских восстаний, и ему удалось отстоять пункт о возможности отчуждения, но позиции премьера в борьбе с дворянством постепенно слабели¹³².

Правительство Витте держалось в значительной степени благодаря той моральной поддержке, которую ему оказывал Запад и которая проявлялась на переговорах о предоставлении кредитов. Для окончательного преодоления финансового кризиса требовалось заключить большой заем, и во время

переговоров французские политики снова выступали с «пожеланиями» в либеральном духе. 4 апреля в Париже было подписано соглашение о займе на 848 млн. руб.; это огромное финансовое вливание должно было обеспечить стабильность нового политического режима. Однако, как только заем был заключен, правительство Витте было уволено в отставку¹³³.

Процесс консолидации дворянства был оформлен на съезде уполномоченных дворянских обществ, состоявшемся в Москве 21-28 мая 1906 года. Съезд осудил деятельность «самозванных земцев» и «неуполномоченных» предводителей дворянства, выдвигавших либеральные требования весной 1905 года. В избранном съездом Совете Объединенного дворянства уже не было либеральных деятелей, и в направленном царю адресе дворянство снова присягало на верность самодержавию. Дворянство призывало царя защитить помещичье землевладение и настаивало на тех принципах решения аграрного вопроса, которые были сформулированы январским съездом предводителей дворянства. Члены Совета Объединенного дворянства должны были «обрабатывать» министров и, используя свое положение при дворе, добиваться принятия правительством дворянской программы¹³⁴. При этом важную роль играло то обстоятельство, что правительство и Государственный совет по большей части состояли из дворян, то есть дворянская элита еще сохраняла определенные возможности контроля над властью через ее персональный состав (мы говорили об этом выше, в п. 4.4.7).

Существенно, что консолидация дворянства проходила под традиционалистскими монархическими лозунгами. Почувствовав опасность социальной революции, дворяне оставили свои вестернизаторские устремления и перешли в лагерь традиционализма. «Патриоты»-дворяне создали «Русскую монархическую партию», насчитывавшую около 10 тыс. членов; другая патриотическая организация, «Русское собрание», включала до 2 тыс. человек, в том числе представителей высшей знати¹³⁵. Традиционалистское движение, таким образом, принимало дворянский и охранительный характер, причем оно было призвано охранять не только самодержавие и правослаvie, но и помещичье землевладение.

5.2.10. Контрнаступление государства

«Успокоение» масс было достигнуто в значительной мере за счет обеспечения созыва Думы, которая должна была рассмотреть требования всех недовольных. Закон о выборах в Думу был издан в разгар восстания, 11 декабря; он устанавливал, что крестьяне (как и в законе 6 августа) составят 43% выборщиков, землевладельцы – 32%, горожане – 22% и рабочие – 3%. Социал-демократы и эсеры в запале борьбы призывали бойкотировать выборы, и кадеты остались единственными представителями левой оппозиции. На выборах они обещали крестьянам – землю, рабочим – сокращение рабочего дня, и народные массы приняли активное участие в голосовании.¹³⁶

Открытие заседаний Думы состоялось 27 апреля. «Торжественно отпраздновала деревня день открытия Государственной думы, – писал со-

временник, — молебствия в церквях, красный колокольный звон, процессии с красными знаменами — символ победы»¹³⁷. Решимость добиться своих требований через Думу была велика, крестьяне говорили своим посланникам: «Иди и умри там со славой, иначе умрешь здесь со стыдом»¹³⁸. На выборах кадеты получали 38% мест в Думе, депутаты крестьян, впоследствии составившие группу «трудовиков», — 24% мест¹³⁹. В то же время выборы продемонстрировали слабость традиционалистских партий: они ничего не обещали народу и не получили думских мест.

Главным вопросом, обсуждавшимся в Думе, сразу же стал аграрный вопрос; кадеты предлагали частичное отчуждение помещичьих земель за выкуп, «трудовики» допускали возможность полного отчуждения без выкупа¹⁴⁰. Правительство отвергало всякое принудительное отчуждение и игнорировало работу Думы. Конфликт между правительством и Думой протекал на фоне усилившихся крестьянских волнений: в апреле было зафиксировано 47 крестьянских выступлений, в мае — 160, в июне — 739. Крестьянские волнения отражались также и волнениями в солдатской среде: в апреле было 4 солдатских выступления, в мае — 24, в июне — 84¹⁴¹.

Однако быстро выяснилось, что крестьянские депутаты, «трудовики», находятся в меньшинстве, и максимум того, что может дать Дума, — это частичный выкуп помещичьих земель. Кроме того, пришло время сева, и перед крестьянами встал вопрос: батрачить на помещика, как прежде, или продолжать начатое осенью восстание. Эти факторы и воздействие «думской агитации» привели к тому, что крестьяне снова поднялись против помещиков. Однако движение по-прежнему носило местный характер, каждая деревня вела свою «войну» с местным помещиком. Разгромов помещичьих усадеб теперь было относительно немного; основным методом борьбы стали сельскохозяйственные забастовки: крестьяне отказывались батрачить на помещика и не допускали до работы пришлых поденщиков¹⁴².

В 1906 году крестьяне боролись практически в одиночестве. Либералы и интеллигенция отошли от внепарламентской борьбы; рабочие были запуганы массовыми увольнениями и неохотно поднимались на забастовки¹⁴³. Правда, в апреле-мае количество стачечников несколько возросло, но эти цифры получены за счет однодневных первомайских стачек, и к тому же наибольшая активность забастовщиков отмечалась в Польше. Петербург и Москва участвовали в стачках гораздо менее активно; как пишет С. В. Тютюкин, «передовые отряды российского пролетариата и, прежде всего, рабочие крупнейших заводов нередко воздерживались от отдельных частных выступлений, экономя силы для решающего натиска»¹⁴⁴. В. И. Ленин ожидал, что пик крестьянского восстания будет достигнут летом 1906 года и советовал отложить до этого времени вооруженное восстание в городах. При этом крестьянское восстание (как доказывает Т. Шанин) развивалось независимо от борьбы рабочих или агитации партий¹⁴⁵. Таким образом, положение изменилось кардинальным образом: если в октябре 1905 года крестьяне шли за рабочими, то теперь рабочие собирались идти за крестья-

янами. Но только собирались: из планировавшегося выступления ничего не получилось.

Правительство было до крайности обеспокоено как требованиями Думы, так и подкреплявшим их крестьянским движением. В июне 1906 года этактистские круги предприняли еще одну попытку прийти к соглашению с оппозицией. Генерал Д. Ф. Трепов встретился с Милюковым и предложил ему участвовать в составлении «министерства доверия»; при этом Трепов выразил согласие как с требованием всеобщих и равных выборов, так и с требованием частичного отчуждения помещичьей земли. Однако (как показывает Р. Мэннинг), решающую роль сыграло вмешательство Совета объединенного дворянства, рекомендовавшего министру внутренних дел П. А. Столыпину распустить Думу. Консолидация дворянства привела к тому, что оно постепенно подчиняло себе правительство. 9 июля Первая Государственная Дума была распущена. В манифесте о роспуске Думы говорилось, что действия депутатов «смутили» крестьян, которые перешли в ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества и неповиновению властям¹⁴⁶.

Столыпин ожидал, что роспуск Думы вызовет «общие беспорядки» и подготовил войска – но масштабы беспорядков оказались намного меньше ожидаемых. Собравшись в Выборге, депутаты разогнанной Думы обратились к населению с призывом о гражданском неповиновении, они призывали не платить налоги и не давать рекрутов. По мнению самих кадетов, это обращение было «жалким минимумом действий», оно было равнозначно отказу либеральной интеллигенции от борьбы. Социал-демократы и эсеры призывали к всеобщей забастовке; забастовка началась 24 июля, но не приняла всеобщего характера, проходила вяло и закончилась через несколько дней. Многие большие заводы отказались примкнуть к стачечникам – это говорило о том, что рабочий класс тоже выходит из борьбы. Крестьяне еще продолжали борьбу, но крестьянское движение оставалось раздробленным и неорганизованным, и разгон Думы не оказал существенного влияния на местную войну, которую крестьяне вели со своими помещиками¹⁴⁷.

Убедившись в слабости оппозиции, новый премьер-министр Столыпин перешел в решительное наступление. 1 августа 1906 года были введены военно-полевые суды, которые в течение следующих нескольких месяцев послали на казнь более 1 тыс. «зачинщиков беспорядков». Крестьянскому движению был нанесен тяжелый удар, число выступлений сократилось с 682 в июле до 117 в октябре. Правда, восстания не были подавлены до конца, и к лету 1907 года число выступлений снова поднялось; в июне оно достигло 216. Новый всплеск крестьянских волнений был связан с неурожаем 1906 года, который принял масштабы даже большие, чем в 1905 году. В 1906/07 хозяйственном году потребление хлеба в среднем по стране составило только 15,4 пуда – то есть было ниже, чем в голодном 1901/02 году. По подсчетам П. Н. Першина, в зоне голода оказалось 235 уездов с населением 44 млн. человек, на 14 млн. больше, чем год назад. Однако

реакция крестьян на голод в этот раз была более слабой – сказались усталость от борьбы, усиление правительства и отсутствие союзников. К зиме 1907 года крестьянское движение было окончательно подавлено, в декабре имело место лишь 12 выступлений – революция закончилась¹⁴⁸.

Пользуясь ослаблением борьбы, Совет объединенного дворянства поставил вопрос об изменении нормы представительства в Думе с тем, чтобы обеспечить дворянское большинство. Эти требования были подкреплены Вторым съездом уполномоченных дворянских обществ в ноябре 1906 года, однако правительство не решилось сразу же пойти по этому пути. Выборы во Вторую Думу в начале 1907 года привели к новому поражению правительственных партий; крестьяне отвечали на правительственные репрессии тем, что голосовали за левых, и при выборах депутатов лояльные правительству выборщики от дворян оставались в меньшинстве. Открывшаяся 20 февраля 1907 года Вторая Дума, как и Первая Дума, вошла в конфронтацию с правительством по вопросу об аграрной реформе. Хотя кадеты, следуя тактике «бережения Думы», стремились смягчить это противостояние, правительство не желало пойти навстречу, и 3 июня 1907 года Дума была распущена. Одновременно с роспуском Думы царским манифестом – в нарушение Основных законов – было объявлено об изменении порядка выборов. По новому закону помещики должны были составить половину общего числа выборщиков – таким образом, новая Дума отдавалась во власть дворянства¹⁴⁹.

Подводя итоги заключительного периода революции, можно отметить, что к этому времени почти полностью исчезает противостояние между «западниками» и традиционалистами, определявшее первый этап революции. Обе противостоящие группировки разрушаются, основная часть дворянства переходит из лагеря «западников» в лагерь традиционалистов, а большинство крестьянских депутатов поддерживает в Думе «западников». Конфронтация происходит теперь по основному социальному вопросу – вопросу о земле; главное содержание демографически-структурной теории – Сжатие в народных массах – выходит на первый план, оттесняя все прочие социально-экономические и политические проблемы. Перед лицом этой угрозы дворянство уже не замечает Сжатия в элите и присоединяется к монархии в целях поддержания статус-кво. Прозападная интеллигенция частью выходит из борьбы, лагерь «западников» разрушается, и в результате они теряют большую часть своих конституционных завоеваний.

Помимо выделения главных «значущих» факторов революции, необходимо кратко остановиться и на тех факторах, которые оказались «незначущими». Общеизвестно, что крупная буржуазия не сыграла особой политической роли в происходивших событиях. В качестве причины политической инертности промышленников и торговцев обычно указывают то обстоятельство, что они были, в общем, довольны тем покровительством, которое оказывало им царское правительство. Только на заключительном этапе революции представители капитала попытались было создать свою партию, но эти попытки имели своим результатом лишь организацию «Со-

вета съездов представителей промыслов и торговли», который подчеркнул отмежевался от политических выступлений. Правда, капиталисты были отчасти представлены в «Союзе 17 октября», но главную роль в этой партии играли крупные землевладельцы¹⁵⁰.

Мелкая торгово-промышленная буржуазия также не сказала своего самостоятельного слова в революции. Хотя этот социальный слой был достаточно многочисленным, он оказался расколот на части. Одна часть его пошла за интеллигенцией в партию кадетов; по имеющейся статистике в составе Калужской, Симбирской и Смоленской губернских организаций этой партии мелкие буржуа (торговцы, мещане, приказчики, ремесленники, домовладельцы) составляли 32%, интеллигенты – 31%, чиновники – 18%, землевладельцы – 10%, крестьяне и рабочие – 8%. Таким образом, кадетскую партию можно назвать интеллигентски-мелкобуржуазной, но главную роль в ней играла все же либеральная интеллигенция. Другая часть мелкой буржуазии пошла за «черносотенцами», но традиционалистские силы оказались слабыми и, за исключением событий октября 1905 года, ничем себя не проявили. Наконец, третья и, возможно, наибольшая часть мелких буржуа осталась пассивной¹⁵¹.

5.2.11. Итоги революции (выводы)

С точки зрения неомальтузианской теории революция 1905-1907 годов была началом *экоосоциального кризиса*. В этот период появляются такие признаки кризиса, как *восстания, социальные реформы, попытки перераспределения собственности*; существенную роль играл так же голод, который появился не впервые, но впервые сыграл революционизирующую роль. И хотя некоторых важных признаков классического экоосоциального кризиса в 1905-1907 годах еще не наблюдается, это объясняется тем, что первая революция была лишь началом кризиса, и основные события были еще впереди.

Подводя итоги нашему краткому описанию событий революции, попытаемся схематически (и максимально упрощенно) отобразить взаимодействие различных факторов, влиявших на динамику политических событий. *Основными дестабилизирующими факторами, как отмечалось выше, были: аграрное перенаселение и низкий уровень жизни городских рабочих (Сжатие в народных массах), разорение дворянства (Сжатие в элите) и вестернизация.* Факторами, поддерживавшими стабильность системы, были сила традиции, авторитет самодержавной власти, сила полицейского аппарата и армии.

В течение сорока лет после Великой реформы действие дестабилизирующих факторов постепенно усиливалось, и политическое равновесие становилось все менее устойчивым. Толчком, нарушившим равновесие, стал внешний фактор – поражения в войне, которые нанесли сильный удар по авторитету самодержавия. *В соответствии с демографически-структурной теорией, революция началась с раскола элиты: часть дворянства, недовольная этатистской политикой правительства, вступила в союз с вестернизированной интеллигенцией и сделала своим*

в союз с вестернизированной интеллигенцией и сделала своим знаменем либеральный лозунг ограничения самодержавия. «Вначале это была идиллия либеральных предводителей дворянства... – отмечал П. Н. Милоков, – они хотели представительства “имущественных классов”»¹⁵². Прозападный либеральный блок («Союз освобождения») подчинил своему влиянию студенчество (также исповедовавшее западные идеи), однако силы блока были недостаточны, и либералы предприняли попытки спровоцировать выступления рабочих. После расстрела 9 января начались рабочие стачки и первые волнения в деревне, и, чтобы привлечь на свою сторону массы, «Союз освобождения» пообещал рабочим 8-часовой рабочий день, а крестьянам – выкуп части помещичьих земель. В события вмешался поддерживавший либералов Запад, и совокупное действие всех факторов заставило царя обещать создание выборного представительства (18 февраля). Волнения стали стихать, и, воспользовавшись этим, царь попытался аннулировать уступки и лишить обещанную Думу реальных полномочий. В ответ либеральный блок снова активизировал свои усилия, через посредство студентов попытался подтолкнуть к протестам рабочих, а главное – с помощью железнодорожных служащих организовал забастовку на железных дорогах. Железнодорожная забастовка инициировала всеобщую стачку, и царь был вынужден согласиться на наделение Думы законодательными полномочиями (манифест 17 октября).

Таким образом, до 17 октября революционный процесс в России можно трактовать как «революцию вестернизации», в которой главная роль принадлежала вестернизированной интеллигенции и либеральному дворянству. После 17 октября многие либералы сочли, что цель достигнута, и отошли от борьбы; остальные (кадеты) решили продолжать оппозиционные действия в рамках Думы и также отказались от активных действий. Между тем, октябрьская стачка инициировала вступление в борьбу огромных крестьянских масс; таким образом, стало проявляться действие самого мощного фактора, аграрного перенаселения. «Революция вестернизации» была перекрыта мощным социальным конфликтом, давно вызревавшим внутри традиционного общества и находящим объяснение в рамках демографически-структурной теории.

Перестройка политических сил привела к распаду лагеря вестернизаторов. Основная часть дворянства, напуганная крестьянским восстанием, перешла в лагерь традиционалистов и сплотилась вокруг престола, а либеральная фракция дворянства сошла с политической арены. Раскол дворянской элиты был ликвидирован, и объединенное дворянство обратилось против бунтующих низших сословий. Эстатысты в правительстве попытались было маневрировать между крестьянством и дворянством, но дворянство добилося их изгнания и подчинило себе правительство.

Между тем, рабочие, требовавшие 8-часового рабочего дня и ничего не получившие, поднялись на восстание, а в деревне продолжались погромы дворянских поместий. Решающим обстоятельством в судьбе революции стало то, что, хотя волнения стали распространяться и на армию, в целом

она все же подчинялась правительству. Правительству удалось избежать как финансового краха, так и потери управления – тех роковых процессов, которые, согласно демографически-структурной теории, определяют коллапс и разрушение государства. Революция 1905 года оказалась незавершенной; восстания в городе и деревне были подавлены. После арестов активистов и массовых увольнений рабочие вышли из борьбы; крестьянство еще раз поднялось на борьбу летом 1906 года, но, в конечном счете, потерпело поражение.

Таким образом, революцию инициировали недовольные фракции элиты, они втянули в борьбу массы, а когда достигли своей цели, вышли из борьбы; в итоге элита консолидировалась и подавила выступления масс. Как отмечалось выше, такая схема была характерна и для европейских революций 1848 года, однако в русской революции была одна особенность, а именно – то, что революция в городах спровоцировала восстание крестьян, которые выступали под собственными лозунгами. Эта особенность отражала больший масштаб аграрного перенаселения и Сжатия, преобладание экономических процессов традиционного общества над процессами индустриализации.

Согласно теории, Сжатие должно побуждать правительство проводить реформы, направленные на облегчение положения народа, – тем более во время революции, когда народ требует этих реформ. Ответом правительства на эти требования стала отмена выкупных платежей и облегчение условий кредита. Одно время обсуждался вопрос о новой «Великой реформе», которая должна была отдать крестьянам большую часть помещичьих земель. Проведение такой реформы означало бы торжество этатистской политики и, вполне вероятно, предотвратило бы революцию 1917 года. Однако консолидировавшееся дворянство сумело подчинить своему влиянию Николая II и разгромить этатистскую партию в правительстве. В результате, как отмечает П. Гатрелл, крестьянство убедилось в том, что государство поддерживает принцип «святости» дворянского землевладения. Таким образом, массовый протест против дворянского землевладения неизбежно переходил в протест против государства, то есть против царской власти¹⁵³. Как и предупреждал Николай II выдающийся философ Е. Н. Трубецкой, «недальновидность власти превратила в России вопрос аграрный в вопрос о форме правления»¹⁵⁴. Традиционалистская иллюзия о «царе-батюшке» была окончательно развеяна, и в дальнейшем властям предстояло иметь дело не с выступлениями, направленными против помещиков, а с восстаниями против самодержавия. Это обстоятельство означало также и кризис традиционализма, который постепенно терял свою роль опоры существующей общественной системы.

Представляют интерес те выводы из революции, которые сделало правительство. Прежде всего, нужно отметить, что правящая бюрократия прекрасно сознавала различие между целями политической революции «modern» и «гораздо более серьезными» социальными целями народа – то различие, о котором писал Струве. «Смута политическая, революционная

агитация... начали пускать корни в народе, питаюсь смутой гораздо более серьезною, смуту социальною, развившейся в нашем крестьянстве», – говорил П. А. Столыпин в Госсовете 15 марта 1910 года¹⁵⁵. Н. П. Дурново, министр внутренних дел в кабинете Витте, в написанной позже (в феврале 1914 года) «Записке» подчеркивал, что социалистические устремления масс давят над политическими целями либерального «общества». «...Народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма. Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у нее нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. Русский простолюдин, крестьянин и рабочий одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население, стоит только правительственной власти безвозбранно допустить агитацию в этом направлении – Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905-1906 годов»¹⁵⁶.

Характерно, что в этих условиях Дурново предлагает не идти на уступки корыстным интересам либеральной оппозиции и ставит перед правительством этатистские цели. «Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия... Более чем странно при таких условиях требовать от правительственной власти, чтобы она серьезно считалась с оппозицией, ради нее отказалась от роли беспристрастного регулятора социальных отношений и выступила перед широкими народными массами в качестве послушного органа классовых стремлений интеллигентно-имущего меньшинства населения»¹⁵⁷. Однако, несмотря на заявления такого рода, с точки зрения крестьянства, правительство не выступало в роли «беспристрастного регулятора социальных отношений», так как отказывалось передать землю народу.

Либеральная оппозиция также сделала из революции свои выводы, в значительной степени совпадающие с выводами правительства. В этом смысле очень показательны статьи из сборника «Вехи», в котором его авторы – и в их числе ведущие деятели оппозиции – признавали опасность для интеллигенции политики вовлечения в революцию народных масс, провоцирования их на социальную борьбу. П. Б. Струве писал, что «в том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации пострадавших народных масс заключалась... политическая ошибка... Революцию делали плохо. В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что в этом делании революции играла роль ловко инсценированная провокация... но не в этом суть дела.

Она не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще *делали**. Делали революцию, в то время когда вся задача состояла в том, чтобы все усилия сосредоточить на политическом воспитании и самовоспитании»¹⁵⁸. Испугавшись спонтанного взрыва крестьянской войны, «вестернизованные» либералы отныне отказывались от союза с народом и «делания революции», они провозглашали своей задачей «политическое воспитание» – то есть политическую пропаганду в верхах. Испуг был столь силен, что М.О. Гершензон писал о том, что «нужно благословлять власть, которая своими штыками и тюрьмами ограждает нас от ненависти народной»¹⁵⁹. Очевидно, этим испугом и объясняется принципиальное нежелание либеральной оппозиции вступать в союз с массами в ходе следующего революционного кризиса, в 1917 году.

5.3. Демографически-структурная динамика в период 1908-1914 гг.

5.3.1. Аграрная реформа

Анализ социально-экономического развития в 1908-1914 годах тесно связан с проблемой объективных причин революции 1917 года и с общей проблемой существования исторических закономерностей, проявлением которых, согласно традиционной точке зрения, была эта революция. Однако несостоятельность марксистской трактовки этих закономерностей привела к утрате веры в существование каких-либо закономерностей вообще. «Из-за утраты веры в закономерность исторических событий... – отмечает известный американский историк Леопольд Хеймсон, – в современной российской историографии образовался вакуум, чем и объясняется появление таких стереотипов в интерпретации исторических процессов, как сведение объяснения Октябрьского переворота к заговорщической деятельности большевиков, объяснение истоков Февральской революции как следствия заговорщической деятельности масонов, не говоря уже об объяснении падения царского режима прекращением проведения столыпинских реформ вследствие внезапной смерти премьер-министра от рук террористов в 1911 г.»¹⁶⁰

Далее в этой главе мы попытаемся кратко проанализировать имеющиеся данные о результатах столыпинских реформ в контексте продолжающегося процесса демографического сжатия. Одним из наиболее важных моментов в динамике социально-экономического развития были изменения в уровне жизни крестьянства. Крестьянские восстания были подавлены, но необходимо признать, что, в конечном счете, крестьянство добилось некоторого облегчения своего положения. Наиболее важной правительственной уступкой была отмена выкупных платежей. В конце XIX века крестьяне платили с десятины в среднем 72 коп. выкупных платежей, 5 коп. поземельного налога и 58 коп. земских и мирских сборов¹⁶¹. Отмена выкупных

* Выделено цитируемым автором

платежей на практике означала почти полное снятие с крестьян государственных прямых налогов; более 9/10 крестьянских податей теперь шли органам местного самоуправления, земствам и «миру». Если в 1901 году в среднем по России крестьяне платили всех (государственных, земских и мирских) прямых налогов в пересчете на хлеб 3,5 пуда с души, то в 1912 году – 1,7 пуда с души¹⁶².

По данным бюджетных обследований в Воронежской и Калужской губерниях подати всех видов отнимали 8-10% чистого крестьянского дохода; стало быть, снятие платежей составляло в среднем около 5% дохода. Однако бывшие помещичьи крестьяне Черноземья платили не 72 коп., а 1 руб. 80 коп. с десятины¹⁶³, и для этой категории крестьян отмена выкупа означала прибавку 10-15% дохода. Как отмечалось выше, неспособность крестьян платить выкупные платежи была одним из главных признаков «оскудения» Центра; теперь государство почти не требовало с крестьян денег – если не принимать во внимание косвенные налоги. Это был весьма показательный результат Сжатия, которое, согласно теории, делает крайне затруднительной уплату прямых налогов.

Для прекращения крестьянских восстаний большое значение имело то обстоятельство, что в манифесте о закрытии Первой Думы царь обещал предпринять реформы, направленные к расширению крестьянского землевладения. Правительство противопоставило крестьянской программе «черного передела» свою программу реформ, которую обычно связывают с именем П. А. Столыпина¹⁶⁴. «Столыпинская аграрная программа настолько совпадала с аграрной программой Совета объединенного дворянства, – писал А. Я. Аврех, – что все тогдашние наблюдатели, от кадетов до большевиков, прежде всего подчеркивали это родство»¹⁶⁵. Как отмечалось выше, программа Первого съезда уполномоченных дворянских обществ (май 1906 г.) содержала три основных пункта: переход от общинного землевладения к частной собственности на крестьянские наделы, облегчение покупки земли крестьянами с помощью Крестьянского банка и организацию переселения малоземельных крестьян на окраины; эти пункты стали основными положениями правительственной программы¹⁶⁶.

Нужно отметить, что современные исследователи придерживаются различных точек зрения на связь П. А. Столыпина и Совета объединенного дворянства. Но даже те из них, кто отрицает прямое влияние Совета на премьер-министра, признают идейное совпадение позиций. Так, А. П. Бородин цитирует одного из лидеров Объединенного дворянства князя Б. Н. Шербатова, который находил «поразительное сходство между нашими тогдашними пожеланиями и проектами правительства»¹⁶⁷.

С идейной стороны правительственная программа опиралась на общепринятые положения либеральной политической экономии. Либеральные экономисты уже давно доказывали, что земельные переделы, принудительный севооборот и чересполосица в крестьянских общинах являются факторами, негативно влияющими на продуктивность земель. После реформ 1860-х годов количество переделов уменьшилось, и по правительственным данным, относящимся к 28 губерниям, переделы проводились примерно в половине всех общин¹⁶⁸. Считалось, что архаические черты общины служили основной причиной того, что средний

общины служили главной причиной того, что средний урожай на частновладельческих землях в 1891-1900 годах был на 21% выше, чем на надельных. Теоретически ликвидация общины могла повысить урожайность и смягчить проблему аграрного перенаселения, однако П. Гатрелл полагает, что аргументация противников общины не столь очевидна, а Л. Волин отмечает, что более высокие урожаи на частных землях отчасти объяснялись их лучшим качеством¹⁶⁹. Как бы то ни было, требование создания из крестьянских полос компактных наделов, передачи их в частную собственность и разрушения общины было одним из традиционных требований русских либералов, начиная с выступления тверского дворянства в 1862 году. При этом имелось в виду, что бедные крестьяне, получив землю в частную собственность, будут вынуждены вскоре продать ее крепким хозяевам, у которых найдутся средства, чтобы повысить урожайность посредством применения современной агротехники. Это был так называемый «пруссский путь развития капитализма»: в Пруссии после освобождения крестьян в ходе так называемого «регулирования» было произведено укрупнение крепких крестьянских хозяйств за счет сгона с земли крестьян-бедняков¹⁷⁰.

Другой аргумент правительства имел демографический характер. П. А. Столыпин указывал, что темпы роста населения в России превышают темпы роста в других государствах и настолько велики, что если даже отдать крестьянам всю землю, то и тогда едва ли можно было бы удовлетворить земельный голод. В этом положении, утверждал Столыпин, есть только два выхода – освоение новых земель и переход части населения в другие отрасли труда¹⁷¹. В этой аргументации П. А. Столыпин следовал за некоторыми известными экономистами, в частности, за А. А. Чупровым и Б. Бруцкусом, которые, кроме того, доказывали, что именно существование земельных переделов является причиной аномально высокого естественного прироста, и, следовательно, разрушение общины есть средство в борьбе с аграрным перенаселением¹⁷².

Стремление дворянства к разрушению общины было вызвано также и тем, что общинные порядки формировали отрицательное отношение крестьян к помещичьей частной собственности. При обсуждении столыпинского проекта в Совете министров 10 октября 1906 года подчеркивалось, что отсутствие в сознании общинного крестьянства «правильного взгляда на частную собственность» в значительной мере обуславливает «происходящие в последнее время почти повсеместно... разгромы частновладельческих имений»¹⁷³. С другой стороны, община представляла собой готовую организацию, которую широко использовали восставшие. Столыпинское правительство, писал С. Ю. Витте в воспоминаниях, «принялось энергично за это преобразование не в сознании государственной необходимости этой меры, а в соображениях полицейских – по такой логике: необходимо обеспечить спокойствие частных владельцев... чтобы больше не было дворянских погромов. Как это сделать? Очень просто – крестьяне собственники будут защищать помещичью собственность»¹⁷⁴. «Ясно, что составители

указа 9 ноября очень мало думали о *хозяйственной* стороне дела, – подчеркивал экономист и один из кадетских лидеров А. А. Кауфман, – и что главное их внимание было направлено на *чисто-политическую** задачу... Общинному духу стали приписывать возникновение аграрных волнений и беспорядков. И вот община из друга сделалась врагом самодержавного правительства»¹⁷⁵.

По-видимому, это и было основной причиной, по которой ранее консервативное большинство дворянства внезапно склонилось к поддержке чуждой ему либеральной доктрины. Этот переход был настолько неожиданным, что глава русских либералов (и известный историк) П. Н. Милюков был вынужден упрекнуть Столыпина в забвении того факта, что русская действительность стоит ближе к коллективистской традиции, чем к правительственным мечтам о европеизации земледелия¹⁷⁶. Кадеты, так же как и некоторые представители дворянства и этактистского чиновничества, высказывали опасения, что быстрое разрушение общины вызовет массовое разорение малоземельных крестьян и аграрные волнения¹⁷⁷.

Царский указ, изданный 9 ноября 1906 года, в промежуток между разгоном Первой и созывом Второй Думы, предоставлял каждому владельцу общинного надела право выйти из общины, потребовав укрепления надела в личную собственность с выделением земли «к одному месту», на «отруба» или хутора. «В широкие крестьянские массы, – писал наблюдавший за ходом реформы немецкий профессор Аугаген, – вгоняется клин путем создания сословия крепких крестьян-собственников. Уважая свою собственность, он создадут в среде самого крестьянства прочную почву для охраны крупного землевладения»¹⁷⁸. Э. Кингстон-Мэнн называет эту политику политикой «репрессивной модернизации», утверждая, что русские «модернизаторы» в своем преклонении перед частной собственностью были «сбиты с пути истинного» и не понимали положительной роли общинных традиций¹⁷⁹.

Вторая Дума (в значительной степени голосами крестьянских депутатов) отвергла указ о реформе; она была распущена, и, в конце концов, указ был утвержден Третьей Думой, в которой преобладали дворянские депутаты. Другой закон (от 29 мая 1911 года) позволял общинам проводить землеустройство с компактным выделением земли и одновременным укреплением ее в личную собственность; при этом община могла сохраняться. Землеустройство могли проводить и отдельные дворы без выхода из общины.

В целом за 1906-1915 гг. в 45 губерниях Европейской России, в которых проходила реформа, из общины вышло 26,6% дворов, которые имели 16,3% земли. Наделы выходявших крестьян были меньше средних потому, что укреплялась только пахотная земля, а угодья оставались в общине. Кроме того, из общины часто выходили бедняки, собиравшиеся продавать надел, или отходники, уже давно не обрабатывавшие самостоятельно свою

* Выделено цитируемым автором

землю. В ходе реформы перешло к отрубному и хуторскому землепользованию 10,3% хозяйств, имевших 10% всей земли¹⁸⁰.

По семи губерниям Черноземного района вышло из общины 26,5% дворов, которые имели 15,6% общинной земли, но на отруба и хутора выдилось только 8,8% хозяйств; примерно четверть укрепленных в собственность земель была сразу же продана¹⁸¹. Степень разрушения общины в различных губерниях сильно различалась, так, например, в Курской губернии из общины вышло 42% дворов, в Орловской – 38%, а в Тамбовской – только 22%. Средний размер выделившегося двора по Тамбовской губернии составлял 4,1 дес., в то время как средний размер общинных хозяйств – 7 десятин. Средний размер хуторов и отрубов равнялся 6,4 дес., тогда как рассчитанный экономистами прожиточный минимум для такого рода хозяйств составлял 10,5 дес. В Землянском уезде Воронежской губернии почти половина отрубных дворов не имела лошадей. Как отмечают многие исследователи, зажиточные крестьяне предпочитали оставаться в общине – таким образом, ставка Столыпина на «сильных и крепких» хозяев не вполне оправдалась¹⁸².

	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
Число дворов, вышедших из общины (тыс.)	48	508	579	342	146	122	135	98	30
Число землеустроенных дворов (тыс.)	12	60	205	262	319	248	387	472	
в т. ч. единоличных дворов (тыс.)	8	42	119	152	207	123	193	204	
Число переселенцев (тыс.)	400	620	537	201	73	144	196	214	16

Табл. 5.1. Динамика выхода из общины, землеустройства и переселения на окраинные земли (за вычетом вернувшихся обратно)¹⁸³.

Другой важной составляющей столыпинских реформ была организация массового переселения крестьян на окраины. Переселение представлялось наиболее простым путем (хотя бы частичного) решения земельной проблемы, и, как отмечалось выше, принципиальное решение о поощрении переселения было принято еще в июне 1904 года. В контексте происходившего разрушения общины переселение было также одним из способов обеспечения земель тех бедняков, которые уходили из общины, продавая свою землю. Однако правительственная программа не была подкреплена ресурсами; расходы на переселение в 1907-1913 годах составили лишь около 200 млн. руб., что составляло *только 1% всех государственных расходов за эти годы*. В 1906-1916 годах в восточные районы переселились 3078 тыс. крестьян, но ввиду отсутствия средств 546 тыс. человек вернулись обратно. Когда неудачливые переселенцы стали возвращаться назад, это отбило охоту к переселению у собиравшихся в путь, и волна переселения быстро спала. В итоге на новых местах закрепилось только 2532 тыс. переселенцев¹⁸⁴.

Еще одной мерой властей, направленной на снижение остроты аграрного кризиса, была организация покупки крестьянами частных земель. Для этой цели в 1906 году было произведено снижение процентной ставки Крестьянского банка до 4,5%; при этом было разрешено предоставлять кредиты практически на всю сумму покупки. Это решение было подано как царская милость, поскольку реальная стоимость кредита была примерно на 1% больше, и фактически крестьяне покупали землю на 15-20% ниже стоимости; получавшуюся разницу продавцам доплачивал банк. Теперь крестьяне, казалось бы, могли приобретать землю на относительно льготных условиях, что до какой-то степени напоминало программу частичного выкупа помещичьих земель, предлагавшуюся кадетской партией – с той разницей, что дворяне продавали землю добровольно. После разгрома нескольких тысяч имений часть помещиков решила продать свои владения; количество предлагавшейся к продаже земли резко возросло, и правительство выделило Крестьянскому банку практически неограниченные средства для скупки этих земель и перепродажи их крестьянам в рассрочку. Таким образом, были созданы условия для расширения крестьянского землеуладения, что могло до некоторой степени смягчить земельный голод¹⁸⁵.

Облегчение условий кредита вызвало положительную реакцию в крестьянской среде и в какой-то мере способствовало постепенному затуханию крестьянских восстаний. Если число крестьян, желавших купить землю через посредство Крестьянского банка, составляло в 1904 г. 97 тыс., то в 1906 г. оно возросло в четыре раза; в Черноземном районе изъявила желание прикупить землю десятая часть крестьян-домохозяев¹⁸⁶. Банк, в соответствии с идеей реформы, оказывал предпочтение тем крестьянам, которые покупали целые хутора; такие крестьяне получали кредит на всю сумму покупки. А. М. Анфимов подсчитал, что крестьяне, покупавшие в Ливенском уезде Орловской губернии хутора в 12 дес., должны были для уплаты процентов по кредиту продавать каждый год, по меньшей мере, половину урожая¹⁸⁷. В 1913 году платежи крестьян Крестьянскому банку составили 88 млн. руб., то есть сравнялись с отмененными выкупными платежами. «Так, в иной форме, повторилась пресловутая “выкупная операция”, только с той разницей, что прежде 90 млн. руб. выплачивали за 95 млн. дес. наделных земель, а теперь – за 15 млн. купленных земель»¹⁸⁸.

За 1905-1914 годы дворяне продали, в основном Крестьянскому банку, 22% своих земель. Однако результаты снижения кредитного процента были отчасти нейтрализованы повышением цен на землю; если в 1904 году десятина стоила в среднем 112 руб., то в 1909 году – 144 руб. Тем не менее, за 1905-1914 годы в 47 губерниях Европейской России (без Прибалтики) крестьяне приобрели 9,7 млн. дес. частной земли, что увеличило их долю в землевладении (суммарно наделном и частном) с 68 до 72%. Правда, некоторая часть этих земель принадлежала «чуждым лендлордам», богатым крестьянам, превратившимся в помещиков; если мы будем считать крестьянскими лишь участки менее 50 десятин, то доля крестьян за указанный период увеличилась с 64 до 68%. Ситуация на Черноземье была

примерно такой же, что и по России в целом. В 1905 году в семи губерниях (Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская и Черниговская) доля крестьянской земли (включая купчую с участками менее 50 десятин) составляла 67%. За 1905-1915 годы крестьяне прикупили 486 тыс. дес. земли; если считать, что вся эта земля была в мелких участках, то доля крестьянского землевладения возросла до 69%. Хотя доля некрестьянских земель немного уменьшилась, радикальных изменений не произошло, и крестьяне по-прежнему требовали «черного передела»¹⁸⁹.

«Таким образом, – подводит итог Р. Пайпс, – взвесив все обстоятельства, следует признать, что результаты столыпинских реформ были весьма скромными. “Аграрной революции” не получилось...”¹⁹⁰

5.3.2. Аграрное развитие в 1907-1913 годах

Удалось ли Столыпину ослабить перенаселение в деревне? За 1906-1913 годы из деревень Европейской России выбыло 4138 тыс. крестьян, продавших землю и ушедших в города; еще 2566 тыс. переселились за Урал; в сумме выбытие составило 6704 тыс. человек. Однако за это же время естественный прирост составил 14127 тыс. чел.; в итоге за восемь лет деревенское население возросло на 7489 тыс. чел, или на 7,3%, и, несмотря на все старания, проблема аграрного перенаселения еще более обострилась¹⁹¹. Как отмечалось выше, «Комиссия 1901 года» определяла численность излишних рабочих в 23 млн., что составляло 53% всей рабочей силы; по расчетам А. М. Анфимова, произведенным по той же методике, в 1913 году имелось 32 млн. «лишних» рабочих, что составляло 56% всей рабочей силы¹⁹².

Однако на Черноземье мероприятия правительства принесли сравнительно больший эффект, нежели в других регионах. Для Тамбовской губернии, как показал А. А. Иванов, в 1912 году доля излишних работников осталась той же, что и 12 лет назад, и ситуация, во всяком случае, не ухудшилась. В 1905-1912 годах количество крестьянских дворов в Тамбовской губернии возросло на 13%, а надел земли на двор уменьшился с 7 до 6,6 дес., но это уменьшение было компенсировано увеличением урожайности. Однако по-прежнему сохранялась большая разница в земельном обеспечении бывших помещичьих и бывших государственных крестьян. В Липецком уезде бывшие государственные крестьяне имели 7,5 дес. земли, а бывшие помещичьи – только 4,0 дес. на двор; в Усманском уезде, соответственно 8, 0 и 4,6 десятины¹⁹³.

Реформа способствовала резкому усилению оттока населения из наиболее перенаселенных районов Черноземья. В 1900 году в Епифанском уезде Тульской губернии половина земли принадлежала частным владельцам (в основном, помещикам), и крестьяне находились в бедственном положении. В 1906-1910 годах из уезда выселилось 40% дворов. Благодаря этому количество дворов без посева в 1899-1911 годах сократилось на 28%, а общее число дворов почти не увеличилось, то есть обеспечение земель, хотя и ненамного, но улучшилось¹⁹⁴. Некоторое представление о

динамике перенаселения дает также изменение арендной платы; средняя арендная плата по семи губерниям Черноземья составляла в 1901 году 42% процента от урожая, а в 1912-1914 годах – 41%. Что касается заработной платы батраков, то в 1906-1910 годах она уменьшилась, а в 1910-1913 годах вернулась к уровню 1901-1905 годов (см. рис. 5.1). Таким образом, в отношении арендной платы и заработной платы батраков ситуация практически не изменилась, однако, само по себе то обстоятельство, что удалось нейтрализовать негативное влияние роста населения, было некоторым успехом¹⁹⁵.

Увеличилась ли продуктивность сельского хозяйства? В 1910-1914 годах по сравнению с 1901-1905 годами валовой сбор зерновых по Европейской России увеличился на 12,2%, урожайность возросла на 6,5%. По семи губерниям Черноземья валовой сбор увеличился на 8,4%, урожайность возросла на 8,9%¹⁹⁶. Как отмечает И. Д. Ковальченко, такое увеличение нельзя признать значительным, в особенности, учитывая огромный рост населения¹⁹⁷. Средний чистый душевой сбор на Черноземье в 1900-1904 годах составлял 31,3 пуда, в 1909-1913 годах – 28,3 пуда, в 1910-1914 гг. – 26,0 пуда. Правда, по сравнению с неурожайными 1905-1909 годами тренд поднялся, но в новой фазе подъема значения душевого производства были ниже, чем в предыдущей (см. рис. 4.18).

Как отмечалось выше, колебания тренда носили циклический характер; в значительной мере они определялись климатическими факторами, чередованием периодов высоких и низких урожаев. А. М. Анфимов полагает, что прогресс был достигнут в результате, главным образом, действия климатических и ценовых факторов, и в меньшей степени в результате реформы¹⁹⁸. В 1905-1912 годах цены на хлеб в Германии повысились на 29%, что вызвало повышение экспортных цен; стоимость пшеницы в русских вывозных портах уже в 1905-1908 годах увеличилась на 32%. Повышение цен обеспечило рост прибылей российских производителей, которые теперь могли вкладывать больше средств для увеличения производства, – но благоприятная конъюнктура не могла длиться вечно, и в 1913 году цены стали снижаться, предвещая новый кризис¹⁹⁹. Был ли связан рост с выделом хуторов и приватизацией земли?

Как видно из табл. 5.2, корреляция между ростом производства и такими параметрами, как процент выхода из общины или процент землеустроенных земель, отсутствует; следовательно, мы не можем приписывать рост производства столыпинской реформе. По-видимому, связь между «обуржуазиванием» земельных отношений и интенсификацией сельского хозяйства была не столь простой, как казалось. Л. И. Бородкин и И. Д. Ковальченко отмечали, что Степной район, характеризовавшийся самым глубоким обуржуазиванием крестьянства, характеризовался также и самой низкой интенсивностью сельскохозяйственного производства²⁰⁰.

С другой стороны, возможно, что результаты реформы еще не успели сказаться; для улучшения хозяйства требовалось время, как говорил Столыпин, «двадцать лет покоя». По расчетам Л. С. Дякина требовалось даже

не 20, а 50 или 80 лет²⁰¹. Решающим условием повышения продуктивности хозяйства до европейского уровня было резкое увеличение капиталовложений. Между тем, в 1913 году капиталовложения в расчете на 1 десятину пашни в России были в 3,6 раза меньше, чем в Германии (урожайность была меньше в 2,4 раза). Естественно, что это отставание было невозможно преодолеть за пять или десять лет²⁰². «Практически, столыпинская реформа не могла решить поставленных задач, потому что **было уже поздно**», – подчеркивает В. П. Данилов²⁰³.

	Рост производства (%)	Процент вышедших из об-щины	Процент земли у вышедших	Процент землеустроенной земли
Курская	13,3	43,8	28	0,14
Орловская	3,6	39	26,4	0,11
Тульская	2,0	21,6	14,5	0,33
Рязанская	9,7	17	9,4	0,12
Воронежская	15,8	20,1	12,7	0,19
Пензенская	10,7	25,2	15,7	0,30
Тамбовская	2,2	24	14	0,20
Корреляция с ростом производства		0,03	0,00	-0,23

Табл. 5.2. Рост производства в 1901-05 – 1910-14 гг., процент выхода из общины и землеустройства в Черноземном районе²⁰⁴.

Тем не менее, некоторые позитивные сдвиги были достигнуты. В 1912/13 и 1913/14 годах вывоз на душу населения существенно уменьшился, что в сочетании с очень богатыми урожаями привело к росту потребления (см. рис. 4.12). Некоторые авторы склонны считать этот рост показателем того, что продовольственное положение радикально улучшилось²⁰⁵, в то время как другие специалисты полагают, что изменения не были столь существенными, что положение оставалось тяжелым²⁰⁶. При этом необходимо учитывать, что в России были относительно бедные и относительно богатые области, поэтому средние данные о росте потребления не отражают реального положения в регионах. Ввиду важности этого вопроса в контексте требований демографически-структурной теории автору пришлось провести конкретно-историческое исследование с использованием источников о вывозе и ввозе из отдельных губерний четырех главных хлебов (ржи, пшеницы, ячменя и овса). Это исследование позволило оценить уровень потребления хлеба в различных губерниях (чистый остаток за вычетом вывоза и расходов на винокурение, см. табл. 5.3).

Анализируя данные таблицы, можно прийти к выводу, что по сравнению с 1908-1911 годами потребление в 1909-1913 годах увеличилось – и в некоторых губерниях довольно существенно. На севере, в Архангельской и

* Выделено цитируемым автором

Вологодской губерниях, несмотря на это увеличение, среднее потребление оставалось ниже минимальной нормы. Тяжелое положение было также в Новгородской губернии, но столичная Петербургская губерния снабжалась существенно лучше. На грани голода существовало население западных губерний, Витебской, Могилевской, Минской, Смоленской (хотя в двух последних губерниях в 1909-1913 годах положение улучшилось). Из губерний Центра неудовлетворительное положение в 1908-1911 годах было в Тверской, Калужской, Ярославской и Костромской губерниях (в двух последних оно стало лучше). На Черноземье в зоне голода находились Рязанская и Тульская губернии, на Украине – Черниговская губерния. Относительно высокий уровень потребления был в Курской, Воронежской, Полтавской, Харьковской, Киевской губерниях. На востоке, в Вятской и Пермской губерниях уровень потребления был удовлетворительным. В Поволжье, в Казанской, Уфимской, Саратовской губерниях положение оставалось тяжелым, но в Симбирской губернии оно заметно улучшилось²⁰⁷.

Губерния	1908-11	1909-13	Губерния	1908-11	1909-13
<i>Архангельская</i>	<i>15,0</i>	<i>15,9</i>	Пермская	25,7	27,4
<i>Вологодская</i>	<i>15,9</i>	<i>16,4</i>	Вятская	22,1	23,2
<i>Новгородская</i>	<i>17,6</i>	<i>18,7</i>	<i>Уфимская</i>	<i>16,7</i>	<i>19,2</i>
Петербургская	21,0	23,8	<i>Казанская</i>	<i>15,2</i>	<i>19,2</i>
Псковская	19,4	19,7	<i>Симбирская</i>	<i>18,0</i>	23,3
<i>Витебская</i>	<i>17,6</i>	<i>18,2</i>	<i>Саратовская</i>	<i>13,0</i>	<i>19,3</i>
<i>Могилевская</i>	<i>17,3</i>	<i>18,3</i>	Тамбовская	19,3	23,6
<i>Минская</i>	<i>18,2</i>	19,8	<i>Рязанская</i>	<i>16,4</i>	<i>17,9</i>
<i>Смоленская</i>	<i>19,1</i>	20,6	<i>Тульская</i>	<i>17,1</i>	<i>18,3</i>
<i>Тверская</i>	<i>15,9</i>	<i>17,4</i>	Орловская	20,1	21,3
<i>Ярославская</i>	<i>14,8</i>	22,7	Курская	24,2	26,8
<i>Костромская</i>	<i>19,2</i>	22,6	Воронежская	19,7	28,2
Нижегородская	20,3	23,3	<i>Черниговская</i>	<i>16,2</i>	<i>17,8</i>
Владимирская	21,5	22,6	Киевская	23,3	24,9
Московская	21,2	22,1	Полтавская	23,4	31,1
<i>Калужская</i>	<i>16,9</i>	<i>18,4</i>	Харьковская	23,2	29,1

Табл. 5.3. Душевое потребление хлеба и картофеля (в переводе на хлеб 1:5) с учетом перевозок «четырех главных хлебов» и за вычетом расходов на винокурение²⁰⁸. Курсивом выделены губернии с потреблением меньше минимальной нормы (19,2 пуда).

Таким образом, в Европейской России существовали относительно богатые и относительно бедные, полуголодные области²⁰⁹. Если обратиться к данным 1908-1911 года, то мы увидим, что регион бедности представлял

собой связную область, охватывающую основную часть Центра, смежные с Центром черноземные и западные губернии, Север и некоторые губернии Поволжья. Если исключить белорусские губернии, то этот регион примерно соответствовал Московскому царству времен Ивана Грозного – это были перенаселенные коренные области России, с которых в дальнейшем шло расселение на окраины. Поскольку перенаселение, в соответствии с теорией, способствовало развитию в этих регионах промышленности и ремесел, то регион бедности в основном совпадал с промышленными и «потребляющими» губерниями, а регион достатка – это были зернопроизводящие окраинные губернии. Не случайно, что именно по границе между «бедными» и «богатыми» губерниями прошла линия фронта в гражданскую войну, что бедные промышленные и потребляющие губернии стали крепостями «красных», в то время как богатые губернии поддерживали антибольшевистские силы²¹⁰.

Губернии	Хлеб и картофель в пересчете на хлеб 1:5, пуд.	Мясопродукты, пуд.	Годы обследования	Число описанных хозяйств
Вятская	18,57	0,85	1900-1901	1987
Вологодская	15,2	1,21	1905-1907	329
Олонекская	23,0	3,08	1900	157
Новгородская	17,59	0,68	1909	?
Костромская	14,11	0,57	1908-1909	376
Ярославская	15,24		1909	2192
Московская, Московский уезд	16,52	1,44	1912	25
Московская, Волоколамский уезд	12,69	1,11	1910	25
Смоленская	17,08	1,18	1911	71
Калужская	13,4	1,69	1909	119
Тульская	15,9	1,29	1910-12	
Пензенская	16,11	1,29	1912/13	263
Симбирская	21,36	0,56	1913	225
Харьковская	17,7	1,35	1910	101
Полтавская	16,4	1,82	1911	147
Херсонская	29,3	2,09	1898	124

Табл. 5.4. Среднее потребление по данным бюджетных обследований. Выделены значения, близкие к минимальной норме в 15 пудов²¹¹.

Окраины, Степной Юг, Южное Черноземье, Пермь были богатыми областями. Однако в том, что касается Черноземья, необходимо в соответствии с требованиями демографически-структурной теории акцентировать важность имущественной дифференциации и напомнить о делении крестьянства на две примерно равные группы, бывших помещичьих и бывших государственных крестьян. Это деление обуславливало ярко выраженное неравенство в средней величине земельного надела и уровне потребления. С точки зрения статистики это означало, что даже при том, что среднее

потребление по губернии выше минимального уровня, потребление половины населения могло быть ниже минимума. Таким образом, даже в «благополучных» губерниях существовали сотни тысяч голодных и озлобленных бедняков, мечтавших о «черном переделе».

Картину потребления, рисуемую данными статистики, можно дополнить материалами бюджетных обследований, проводившихся в различных губерниях. Данные этих обследований суммированы в таблице, приводимой ниже и основанной на материалах А. В. Чаянова и С. А. Клепикова (табл. 5.4).

Необходимо отметить, что в отличие от таблицы 5.3 в этой таблице приводится потребление продуктов в пищу, то есть не учитываются расходы на корм скоту. *«Обращают на себя внимание центральные губернии пониженной нормой потребления, – отмечал А. В. Чаянов. – Окраинные губернии в общем имеют повышенные нормы.* Если взять губернии: Костромскую, Ярославскую, Московскую, Смоленскую, Калужскую и Тульскую, то средняя норма этого района – 13,65 пуда (без картофеля – С. Н.). По остальным губерниям – 18,06 пуда»²¹². Перечисленные здесь губернии (кроме Московской) выделены как губернии с низким потреблением также и в таблице 5.4, таким образом, расчеты, основанные на статистике урожаев и перевозок, согласуются с данными бюджетных обследований. Однако эти расчеты дают более полную картину, и в частности, выявляют существование, помимо Центра, очагов бедности в Белоруссии, в Поволжье и на Севере. Хотя в 1909-1913 годах положение несколько улучшилось и эти очаги бедности сократились в размерах, они не исчезли и продолжали оказывать негативное воздействие на общую ситуацию.

Еще одним позитивным моментом было создание более эффективной, чем прежде, системы государственной помощи на случай голода. «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей» были утверждены еще в 1900 году²¹³, но реализация заложенных в них мер, включавшая создание разветвленной системы продовольственных складов, в основном, относится уже к периоду после революции 1905 года. Как отмечает Г. Е. Корнилов, принятые меры, в частности, помогли избежать страшного голода в Пермской губернии в 1911 году, когда урожай был вдвое меньше обычного²¹⁴. Однако, хотя ресурсы продовольственных складов были достаточны, чтобы бороться с локальными неурожаями, они не могли обеспечить снабжение городов в военный период²¹⁵.

5.3.3. Развитие промышленности и положение рабочих

Повлияла ли революция на положение рабочих? После «Кровавого воскресенья» правительство обещало приступить к выработке рабочего законодательства. Комитет министров в качестве образца для выработки этого законодательства назвал страховые законы Бисмарка, которые позволили канцлеру «взять рабочее движение в свои руки». Однако сопротивление промышленников замедлило работу над законами, и они были

приняты лишь в июне 1912 года. Новое рабочее законодательство предусматривало страхование не только от несчастных случаев, но и от болезни; размеры пособия достигали 2/3 заработка. Предложение об ограничении рабочего дня 10 часами было отвергнуто, однако в результате стачек во время революции рабочие добились сокращения средней продолжительности рабочего дня с 10,6 часа в 1904 году до 9,9 часа в 1913 году²¹⁶.

Что касается реальной заработной платы фабрично-заводских рабочих, то, как видно из рис. 5.1, в 1905-1909 годах она немного уменьшилась, а в 1911-1913 годах вернулась к прежнему уровню. Динамика заработной платы строительных рабочих (см. рис. 4.20) была аналогичной. Л. И. Бородин и Т. Я. Валетов обращают внимание на то обстоятельство, что в российской промышленности было большее, чем на Западе, различие в уровне оплаты квалифицированных и неквалифицированных рабочих, причем, если реальная заработная плата неквалифицированных рабочих в изучаемый период практически не менялась, то оплата квалифицированных рабочих возросла примерно на 15%. Исследователи объясняют это явление тем, что чернорабочие набирались в основном из крестьян (приток которых в города увеличился), а квалифицированные кадры – из потомственных горожан²¹⁷.

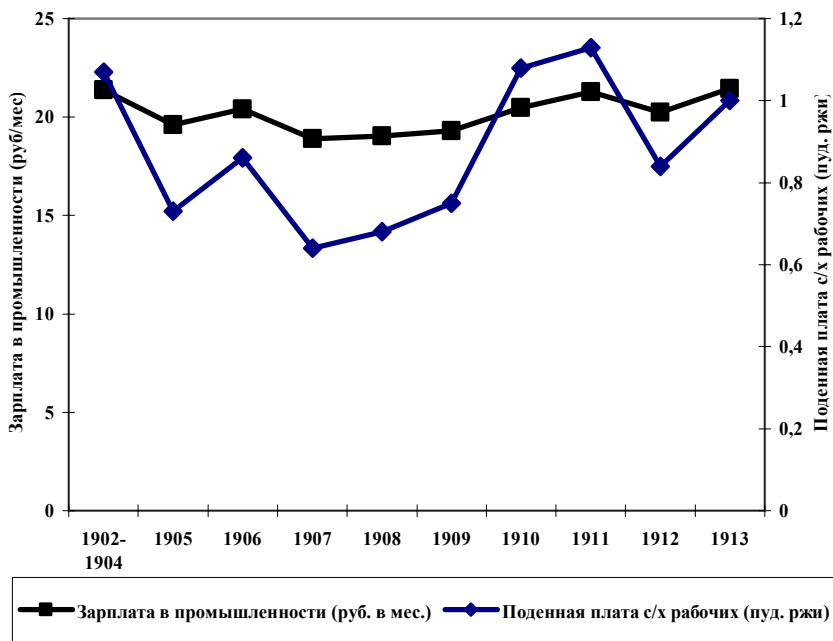

Рис. 5.1. Реальная заработная плата в среднем по фабрично-заводской промышленности (руб. в мес. в переводе на цены 1913 г.) и поденная плата сельхозрабочих летом (в пудах ржи в день)²¹⁸.

Дешевизна рабочей силы (сравнительно с другими странами) была одним из важнейших факторов, стимулировавших развитие русской промышленности. Выступая в Государственном Совете в апреле 1912 года, С.Ю. Витте объяснял, что развитие промышленности в России определяется действием «двух живительных влияний» — протекционизма и *аграрного перенаселения*. Обилие рабочей силы давало возможность промышленникам работать при слабом техническом и энергетическом оснащении производства и держать низкий уровень заработной платы²¹⁹.

Уровень заработной платы, в конечном счете, определялся соотношением спроса и предложения; с одной стороны, аграрное перенаселение выбрасывало из деревни сотни тысяч разорившихся бедняков, с другой стороны, расширявшаяся промышленность испытывала потребность в новых рабочих. В 1909 году начался новый промышленный подъем, сопровождавшийся бурной учредительской деятельностью. Капиталы акционерных промышленных компаний возросли с 1988 млн. руб. в 1908 году до 2848 млн. руб. в 1913 году, причем доля иностранного капитала в новых компаниях составила лишь 13%. Приток нового национального капитала был вызван главным образом увеличением экспорта хлеба и повышением хлебных цен на мировом рынке. Стоимость экспорта возросла с 779 млн. руб. в 1900-1902 годах до 1543 млн. руб. в 1911-1913 годах, за счет этого в стране появились капиталы, часть которых (впрочем, небольшая) вкладывалась в промышленность. Таким образом, индустриализация финансировалась, в конечном счете, за счет сельскохозяйственного экспорта²²⁰.

Данные о численности рабочих имеются лишь для 1900 и 1913 годов (см. табл. 5.5).

	1900 г.	1913	Рост в %
Фабрично-заводская промышленность	2043	3112	52
в т. ч. обрабатывающая	1536	2467	61
горная и горнозаводская	507	645	27
Транспорт и связь	995	1398	41
Прочие категории наемных рабочих	13735	18171	32
в т. ч. сельское хозяйство	5843 (1897 г.)	6500	11
мелкая промышленность	2000 (1890 г.)	3706	85
Прислуга	2112 (1897 г.)	3000	42
Чернорабочие	1738 (1911 г.)	2500	44
строительство	1369 (1897 г.)	1600	17
торговля	674	865	28
Всего	16773	22682	35
Численность населения (млн.)	133,0	170,9	29

Табл. 5.5. Численность наемных рабочих²²¹.

В целом, очевидно, что доля фабрично-заводских рабочих в населении по-прежнему оставалась незначительной, и российское общество в своей основе оставалось традиционным аграрным обществом.

Промышленный подъем привел к росту численности рабочих фабрично-заводской промышленности (включая горнозаводскую) с 2528 тыс. в 1908 году до 3112 млн. в 1913 году, то есть промышленность дала дополнительно 584 тыс. рабочих мест. Между тем, как отмечалось выше, только в Европейской России за это время в города перешло 4138 тыс. крестьян. Таким образом, *мы видим классическую картину демографического Сжания: разоряющиеся крестьяне устремляются в города, но промышленность оказывается не в состоянии обеспечить их работой.* Противники столыпинской реформы не раз высказывали опасения, что разорившиеся крестьяне не смогут найти работу в городах, что города будут переполнены толпами бунтующих безработных. Официальной регистрации безработных в России не велось, и имеются лишь отдельные цифры о числе безработных в некоторых городах. Судя по этим цифрам, процент безработных в Петербурге за 1900-1913 гг. возрос в два с половиной раза. В 1914 году недавно пришедшая из деревни молодежь составляла половину петербургских рабочих, и среди этой молодежи были популярны радикальные анархистские и большевистские лозунги. Не удивительно, что именно Петербург был основным центром рабочих вступлений в 1913-1914 гг.²²²

5.3.4. Изменения в положении элиты

Как отмечалось выше, революция 1905-1907 года привела к консолидации дворянского сословия под консервативными лозунгами Совета объединенного дворянства. Монархия после некоторых «цезаристских» колебания вступила в союз с Объединенным дворянством и после разгона Второй Думы изменила избирательный закон таким образом, чтобы обеспечить в Думе дворянское большинство. По новому закону один выборщик приходился в землевладельческой курии на 230 человек, в первой городской курии (для лиц с высоким имущественным цензом) – на тысячу человек, во второй городской курии – на 15 тысяч человек, в крестьянской курии – на 60 тысяч, в рабочей – на 125 тысяч человек. Из 442 мест в Третьей Думе помещикам было обеспечено 233 места (56,8%), крупной городской буржуазии – 72 места (17,6%); реально было избрано 229 дворян²²³. «В законе этом, – писал Витте, – выразилась все та же тенденциозная мысль, которую Столыпин выражал в Государственной думе: что Россия существует для избранных 130000, т. е. для дворян, что законы делаются, имея в виду сильных, а не слабых, а потому закон 3 июня не может претендовать на то, что он дает “выборных” членов Думы, он дает “подобранных” членов Думы – подобранных так, чтобы решения были преимущественно в пользу привилегированных и сильных»²²⁴.

Опорой «объединенного дворянства» были правые партии, в том числе «Союз русского народа»; эти партии получили в совокупности 147 мест.

Партией, получившей наибольшее количество мест (154), стала «партия 17 октября», более чем на три четверти состоявшая из помещиков и чиновников, но возглавляемая крупным промышленником А. И. Гучковым. У кадетов, оставшихся в оппозиции, было только 54 депутата, социал-демократы имели 19 мандатов²²⁵. Таким образом, Третья Дума выражала в основном интересы поместного дворянства, и революция, в конечном счете, привела к тому, что самодержавие было вынуждено поделиться властью с дворянством. Ситуация была похожей на ситуацию после Великой французской революции, и наблюдатели сравнивали Третью Думу с «бесподобной палатой» Людовика XVIII²²⁶.

Как отмечалось выше, правительство Столыпина опиралось на союз с дворянством и проводило в главном, аграрном, вопросе откровенно продворянскую политику. Однако самодержавие не желало отказаться от давней традиции править самостоятельно, и уже вскоре после роспуска Второй Думы правительственный официоз, газета «Россия», стала апеллировать к этой традиции. «Центральное место в апологии сильной власти занимал, естественно, тезис о надклассовой сущности государства, — отмечал В. С. Дякин. — Традиционные этатистские воззрения русской бюрократии получили в столыпинский период дальнейшее развитие...»²²⁷

В конкретном контексте 1907 года речь шла о попытке Столыпина провести реформу местного управления и заставить дворянство поделиться своей властью с земельными собственниками-крестьянами. «Объединенное дворянство» и Дума энергично воспротивились этой попытке и затянули рассмотрение соответствующих законопроектов. В конечном счете, правым удалось посеять семена недоверия между царем и премьер-министром, и после смерти Столыпина попытки реформ были постепенно оставлены²²⁸.

Категория лиц, получающих доходы	Доходы св. 1 тыс. р.		Доходы св. 50 тыс. р.	
	млн. р.	%	млн. р.	%
Владельцы торгово-промышленных предприятий	859	46	361	69
Землевладельцы	412	22	76	14
Владельцы денежных капиталов	340	18	49	9
Собственники городской недвижимости	257	14	39	7
Всего	1868	100	525	100

Табл. 5.6. Совокупные доходы различных категорий собственников в 1909-1910 гг.²²⁹

Правые неустанно подчеркивали свою верность самодержавию и предлагали еще более ограничить полномочия Думы. Проведенные под правительственным давлением выборы 1912 года упрочили положение правых партий, дав им 185 мандатов. Преобладание в Думе помещиков привело к сплочению самодержавия и дворянства на почве консервативной полити-

ки; правительство более не стремилось к реформам, а думское большинство беспрекословно поддерживало его в текущих вопросах²³⁰.

Между тем, соотношение сил различных сословий постепенно менялось. Промышленный подъем 1909-1913 годов привел к обогащению торговой и промышленной буржуазии, с другой стороны, продажи земли ослабили экономическую роль дворянства.

Как видно из табл. 5.6, владельцы торгово-промышленных предприятий намного превосходили землевладельцев по совокупным размерам доходов, причем в категории богатейших собственников это превосходство было подавляющим. Дворян среди этих владельцев было ничтожно мало – всего 2%, это были в подавляющем большинстве купцы, мещане, ремесленники – настоящая торгово-промышленная буржуазия, четко отделявшая себя от дворян и помещиков. Как отмечалось выше, буржуазия не проявляла особой активности в период революции 1905-1907 годов. В предвоенный период положение начинает меняться. В 1912 году представители торгово-промышленного мира создали новую либеральную партию прогрессистов, которая встала в оппозицию правительству. Эта оппозиция проявилась как в устных и печатных выступлениях, так и в согласии прогрессистов финансировать VI съезд РСДРП, намечавшийся на 1914 год²³¹.

Накануне войны отмечается оживление и среди интеллигенции, традиционно поддерживавшей партию кадетов. После революции интеллигенция переживала глубокий кризис, ознаменовавшийся появлением известного сборника «Вехи», в котором вожди бывшего «Союза освобождения» призывали своих последователей отречься от бывших революционных заблуждений. В Третьей Думе кадеты проводили осторожную политику «ответственной оппозиции», но Четвертой Думе они вновь стали выступать с радикальными законопроектами, выдвинув требование всеобщего и равного избирательного права. Вновь, как во времена «Союза освобождения», либералы и социал-демократы вели переговоры о создании широкого антиправительственного фронта. На заседании ЦК партии кадетов весной 1914 года левое меньшинство партии потребовало вновь, как в 1904 году, заключить союз с социал-демократами и эсерами с целью проведения согласованной кампании демонстраций и стачек. Однако лидер кадетов П. Н. Милоков выступил против этого плана, заявив, что политический переворот открыл бы дорогу громадным волнениям, которые приняли бы стихийный характер, напоминая смуты Разина и Пугачева²³². П. Н. Милоков не раз повторял эту мысль впоследствии, будучи проницательным политиком и историком, он чувствовал, что с 1905 года над страной стоит призрак Разина и Пугачева, призрак Крестьянской войны.

5.3.5. Социальная нестабильность в 1908-1914 гг.

Подавление революции 1905-1907 года не означало успокоения и возврата к дореволюционной ситуации. Крестьянские волнения затухали постепенно, и их уровень в 1908-1910 годах оставался на порядок более высоким, чем до революции (см. рис. 5.2).

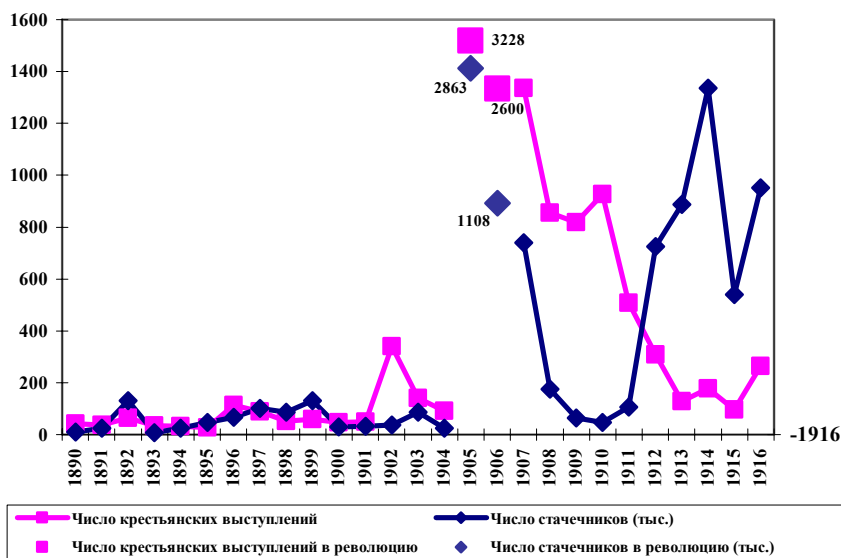

Рис. 5.2. Интенсивность крестьянского и рабочего движения в 1890-1916 годах²³³.

Вид преступлений	1884-93 гг.	1906-08 гг.	1909-13 гг.
Против общественного и государственного порядка	23,3	56,2	55,4
в т. ч религиозные	1,6	1,5	5,2
государственные		2,9	2,3
против порядка управления	3,8	13,1	22,1
Против личности	32,3	134,3	149,2
Против собственности частных лиц	40,8	208,7	245,5

Табл. 5.7. Число наиболее важных зафиксированных преступлений (в среднем в год, тыс.)²³⁴.

Когда в 1912-1913 годах сельские волнения пошли на спад, обострилась ситуация в городах, нахлынула новая волна стачек, ослабевшая только с началом войны. Показательно также и то, что волна государственных преступлений и преступлений против собственности не схлынула с окончанием революции, а продолжала будоражить общество. На период 1906-1908 годов пришлось два революционных года, и средняя преступность в этот период примерно соответствует «уровню революции» (или лишь немного меньше его). Как видно из таблицы 5.7, по числу преступлений «против порядка управления» уровень 1909-1913 годов намного превосходит «уровень революции», что наводит на мысль о том, что революция не закончилась, а приняла хроническую форму постоянных (пусть, мелких)

протестных акций. Население не смирилось, а продолжало протестовать; об этом говорит и сохранившийся по-прежнему высоким уровень государственных преступлений, и повысившийся по сравнению с революционными временами уровень преступлений против собственности (куда входили и поджоги помещичьих имений). Таблица 5.8, учитывает более мелкие протестные акции, которые не отражены на рис. 5.2.

	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Всего протестных акций по Европейской России	2477	2007	2420	6261	4522	1791	646
В т. ч. поджоги помещичьих усадеб	589	542	703	805	358	189	81
поджоги имущества кулаков	141	95	513	4377	1433	209	8
Всего протестных акций по 6 губерниям Черноземья	394	226	202	1392	621	154	54

Табл. 5.8. Число крестьянских протестных акций в 1907-1913 гг.²³⁵

Действительно, число мелких протестных акций, в особенности поджогов, в 1910-1911 годах было значительно больше, чем в последний год революции (1907 г.). С. М. Дубровский связывает это обстоятельство с борьбой общинников против выхода зажиточных крестьян из общины и находит, что динамика протестных акций коррелирует (возможно, с некоторым запозданием) с динамикой выходов; после 1910 года число выходов уменьшилось и волна протестов пошла на убыль²³⁶. По-видимому, сказалось так же и то, что после неурожая 1911 года пришли два феноменальных по урожайности года, когда уровень потребления в деревне (как отмечалось выше) существенно повысился.

Однако спад протестных акций в 1912-1913 годах не отражал действительных настроений крестьянства. Если мы рассмотрим динамику мелких проступков против «правительственного и общественного порядка», то обнаружим, что число таких правонарушений в 1910-1913 годах не только не уменьшилось, но возросло с 65 до 97 тыс. Таким образом, несмотря на урожайные годы, крестьянство не успокоилось и продолжало выражать свое недовольство существующим положением²³⁷. О том, к чему может привести недовольство законом о выходе из общины, предупреждал Столыпин тамбовский крестьянин И. Болтышев: «Я не пророк, но убежден, при случае какой бы то ни было общественной беды в большом размере, в виде войны особенно неудачной... от закона 9 ноября останутся только обгорелые головешки да трупы»²³⁸.

«Не подлежит... сомнению, — писал С. Ю. Витте, — что на почве земле- владения... и будут разыгрываться дальнейшие революционные пертурбации в империи, особенно при том направлении крестьянского вопроса, которое ему хотят придать в последние годы, когда признается за аксиому, что Россия должна существовать для 130 тыс. бар и что государства существуют для сильных»²³⁹.

Авторитетная группа аграрных историков, исследовавшая последствия столыпинской реформы на массовых материалах Тамбовской губернии, делает вывод, что «большинство крестьян Тамбовской губернии не поддерживало программу разрушения общины. Конфликты... доходили до вооруженных столкновений... Ни столыпинская реформа, ни Первая мировая война не отвлекли крестьянство от решения главного вопроса – вопроса о земле... Важнейшей особенностью менталитета и непосредственно социально-политического движения традиционного крестьянства стала готовность к восстанию, поскольку государство явно не оправдало их социальных ожиданий»²⁴⁰.

«После революции 1905-1907 гг. в деревне больше не было крупных массовых выступлений, – писал известный исследователь А. Я Аврех. – Преобладающий характер имели, так сказать, первичные формы массового протеста... – порубки, поджоги, потравы, столкновения с чиновниками-землеустроителями. Тем не менее, наблюдатели, знавшие деревню, в один голос оценивали ситуацию в ней как крайне социально напряженную и взрывоопасную. Дело тут заключалось в революции в умах десятков миллионов крестьян, в отказе от прежней патриархальной психологии... уходила в прошлое приниженность крестьянина перед попом, чиновником, баринном. Особенно такое умонастроение было характерно для деревенской молодежи...»²⁴¹ На резкие изменения в ментальности крестьянских масс указывают многие исследователи. Это проявлялось, прежде всего, в трехкратном – даже по сравнению с революцией – росте числа религиозных преступлений (см. табл. 5.7). По некоторым данным, число последователей различных сект достигло 5 млн., а вместе со старообрядцами их число составляло 35 млн. человек. Защищавшая помещиков церковь потеряла свой прежний авторитет; традиционная идеология, выражавшаяся лозунгом «за веру, царя и отечество», вытеснялась оппозиционными идеологическими направлениями²⁴². Очевидно, что с ослаблением традиционализма самодержавие теряло почву под ногами и лишалось большей части своих приверженцев. Эти процессы полностью соответствовали прогнозу демографически-структурной теории, которая утверждает, что нарастание государственного кризиса сопровождается ослаблением официальной идеологии и распространением диссидентских течений.

Как отмечалось выше, имели место также и изменения в ментальности рабочих, отчасти связанные с притоком разоренных и озлобленных крестьян из деревни. Р. Пайпс отмечает, что в 1914 году более половины рабочих Петербурга были пришлыми и эти слои считали даже эсеровскую программу слишком умеренной, предпочитая ей более эмоциональные лозунги большевиков и анархистов²⁴³. Появились новые черты в отношениях рабочих и городских высших сословий, такие, как демонстративное отвержение рабочими принятого среди высших сословий европейского костюма. Рабочие требовали от заводской администрации обращаться к ним на «вы», и эти требования отразились в многократном росте жалоб рабочих в фабричную инспекцию. Чрезвычайно важным было то обстоя-

тельство, что в результате ослабления традиционализма рабочие больше не чувствовали социал-демократов и интеллигентов – исчез тот традиционалистский барьер, который когда-то разделял крестьян и «народников», а потом сказывался в движении 9 января. Более того, многие из рабочих считали РСДРП не «интеллигентской», как прежде, а своей, «рабочей» партией. В связи с этим обращает на себя внимание обнаруженная Ю. И. Кирьяновым и Л. И. Бородкиным высокая корреляция между числом распространенных социал-демократами листовок и количеством стачечников (0,88)²⁴⁴.

Суммируя имеющиеся данные, известный американский историк Л.Хеймсон считает возможным говорить о революционных изменениях в менталитете – о «революции растущих надежд», связанной с высвобождением масс из-под гнета традиционной психологии покорности и с резким ростом социальных требований²⁴⁵. Эта психологическая революция привела к тому, что, хотя репрессии 1907-1911 годов нанесли тяжелый удар рабочему движению, оно довольно быстро восстановилось. Как показывает статистический анализ, новая волна была лишь в небольшой степени связана с динамикой заработной платы: рабочие требовали повышения своего социального статуса, и забастовки носили по большей части политический характер. Это в особенности проявилось в 1912 году, когда Ленский расстрел и знаменитая фраза министра внутренних дел А. А. Макарова «так было и так будет впредь» вызвали новую волну массовых политических стачек. Положение быстро обострялось, и в 1913 году количество стачечников достигло уровня революционного 1906 года. В стачечной борьбе предвоенного периода ярко проявлялась связь между интенсивностью политических стачек и концентрацией рабочих в крупных промышленных центрах, во главе ее шли рабочие-металлисты Петербурга. В июле 1914 года еще один расстрел вызвал всеобщую стачку, демонстрации и беспорядки в Петербурге; бастовало 130 тыс. человек, в некоторых районах города были возведены баррикады²⁴⁶.

Эти события происходили в разгар внешнеполитического кризиса, когда русскому правительству приходилось принимать решение о действиях ввиду назревавшего военного конфликта. В конечном счете, Россия решила поддержать Сербию, то есть вступить в войну. Многие современники считали это решение чрезвычайно рискованным. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков, подписывая указ о мобилизации, сказал: «Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярной, и идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцем. Но от рока не уйти...»²⁴⁷ Как отмечалось позднее в записке, поданной МВД начальнику Генштаба генералу Алексею, «Германия, начиная войну, была уверена, что у нас немедленно же вспыхнет поднятое рабочими революционное движение, что мятежи и внутреннее недовольство совершенно парализуют нашу военную мощь»²⁴⁸.

Наиболее точный прогноз будущего развития событий был дан членом Государственного Совета П. Н. Дурново в уже цитированной выше «Записке». Если война окажется для России победоносной, то все будет хорошо, писал Дурново. *«Но в случае неудачи социальная революция, в самых*

крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. Все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые смогут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и всеобщий раздел всех ценностей и имущества. Победенная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению»²⁴⁹.

«Этот документ, обнаруженный и опубликованный после революции, – пишет Р. Пайпс, – так точно предсказывает ход грядущих событий, что, не будь столь несомненно его происхождение, можно было бы заподозрить позднейшую подделку»²⁵⁰. Логика «предсказания Дурново» достаточно проста: в случае неудачи в войне с Германией должно повториться в более сильной степени то, что уже происходило после неудачной войны с Японией, то есть в революцию 1905 года. Дурново предсказывал, что недовольные фракции элиты снова начнут агитационную кампанию и революционеры поднимут на восстание крестьянство, пообещав ему землю. В действительности, как мы увидим ниже, это предсказание оказалось неточным: в феврале 1917 года произошла «революция без революционеров»; крестьян-солдат никто не агитировал, обещая им землю, они уже не нуждались в агитации – они поднялись сами собой.

5.4. Первая мировая война и февральская революция 1917 года

5.4.1. Механизм брейкдауна в условиях войны

«Среди историков существует мнение, – отмечает Э. Хобсбаум, – о том, что Россия... могла бы продолжать поступательное и эволюционное движение в сторону процветающего либерального общества, если бы это движение не было прервано революцией, которой, в свою очередь, можно было бы избежать, если бы не первая мировая война. Ни одна из возможных перспектив развития не удивила бы современников больше, чем эта. Если и существовало государство, в котором революция считалась не только желательной, но и неизбежной, так это империя царей»²⁵¹.

Однако вопрос о том, что было бы, если бы не было войны, в принципе не имеет право на постановку – и не только по той причине, что история не имеет сослагательного наклонения. До появления ядерного оружия войны между великими державами были неотъемлемой частью исторического процесса. А. Н. Боханов подсчитал, что в XVI веке русское государство

воевало 43 года, в XVII веке – 48 лет, в XVIII веке – 56 лет, в XIX веке – 30 лет²⁵². Конечно, не все эти войны были большими войнами с «великими державами». Специфика ситуации второй половины XIX столетия заключалась в том, что большая война почему-то запаздывала. Между окончанием Крымской и началом Первой мировой войны прошло 58 лет, в то время как временные промежутки между большими войнами с участием России в XVI-первой половине XIX века в среднем составляли лишь 16 лет²⁵³. Последний мирный период был очень длинным потому, что русское правительство сознавало неготовность страны и армии к большой войне и часто шло на большие дипломатические уступки, как было, например, во время боснийского кризиса 1908 года²⁵⁴. Однако, как указывает Э. Хобсбаум, в 1910-х годах неизбежность войны воспринималась уже как неоспоримый факт²⁵⁵. «Продолжавшееся международное напряжение и напряжение от гонки вооружений – все это создавало настроение, в котором война воспринималась почти как облегчение... – отмечает Д. Джолл. – Предшествующий международный кризис, рост вооружений и флота и настроение, которое они создавали, – все это позволяло определить, что эта конкретная война не могла не разразиться в данный момент»²⁵⁶.

Таким образом, война была неизбежной исторической реальностью, и нам предстоит еще раз описать и проанализировать механизм действия демографически-структурной теории в условиях войны. Большое значение при этом имеет то обстоятельство, в какой фазе демографического цикла происходит война. Как отмечалось ранее (пункты 1.1.1 и 1.1.3) в соответствии с концепцией Дж. Голдстоуна война не может вызвать брейкдаун в периоды низкого давления, но способствует брейкдауну в период Сжатия. В пункте 4.2.1, анализируя механизм кризиса в период Крымской войны, мы отмечали, что он имел три направления развития. Первая встававшая перед страной проблема заключалась в нехватке вооружений, что вело к *военным поражениям и ослаблению авторитета власти*. Вторая проблема заключалась в том, что в обстановке Сжатия и перманентного финансового кризиса государство могло финансировать войну лишь за счет эмиссии бумажных денег, что приводило к *гиперинфляции, развалу рынка и в перспективе – к нарушению снабжения городов*. Третья – и главная – проблема заключалась в том, что Сжатие, крестьянское малоземелье и народная нищета вызывали глубокий социальный раскол общества, что в условиях налагаемых войной тягот было *чревато восстаниями крестьян-ополченцев и восстаниями в тылу*.

Необходимо подчеркнуть также, что, согласно теории, понятие Сжатия включает в себе не только малоземелье и низкий уровень потребления, но и повышение уровня смертности – в том числе в результате войн. Таким образом, *война была еще одним фактором Сжатия, намного увеличивавшим его интенсивность*.

Интересно отметить, что П. Н. Дурново в цитированной выше записке выделяет, причем во взаимосвязи, первую и третью проблему, но не говорит о второй – видимо, потому что финансовые трудности во время непро-

должительной русско-японской войны были разрешены с помощью внешних займов и не вызвали гиперинфляции.

В начале Первой мировой войны продовольственное положение тоже было относительно благоприятным, и никто не предвидел будущих трудностей²⁵⁷. Экспорт, прежде сводивший внутреннее потребление к полуголодному уровню, был теперь запрещен; было запрещено и винокурение, таким образом, в стране должно было оставаться количество зерна, более чем достаточное для снабжения армии и тыла. В 1914 году урожай был средний, а в 1915 году – самый высокий за последнее десятилетие. Как показывают расчеты, душевое потребление в тылу в 1914/15-1915/16 годах составляло 23-25 пудов – то есть было значительно большим, чем потребление населения в предвоенное время (см. табл. 5.9).

	1914/15	1915/16	1916/17
Посевная площадь (млн. дес.)	85,7	82,4	75,9
Высев (млн. пуд)	728	700	645
Сбор(млн. пуд)	4660	4800	3968
Чистый остаток(млн. пуд)	3932	4100	3323
Потребление армии (млн. пуд)	317	598	486
Вывоз(млн. пуд)	33	42	3
Винокурение(млн. пуд)	22	10	10
Остаток(млн. пуд)	3560	3449	2824
Население (млн.)	162,0	141,4	143,6
Армия (млн.)	6,5	11,6	14,7
Беженцы (млн.)	0,0	10,0	10,0
Потребители в тылу (млн.)	155,5	139,8	138,9
Душевое потребление в тылу (пуд.)	22,9	24,7	20,3

Табл. 5.9. Хлебный баланс в 1914-1917 годах (без оккупированных территорий, Закавказья и Средней Азии)²⁵⁸.

К весне 1915 года в армию было мобилизовано 6,3 млн. человек, а к весне 1917 года – 13,5 млн., что составляло 47% трудоспособного мужского населения. Это привело к резкому изменению демографической ситуации в деревне, на смену избытку рабочей силы пришел ее недостаток. В семи губерниях Черноземья (Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тульской и Черниговской) без работников-мужчин осталось 33% хозяйств, во многих хозяйствах земля была засеяна лишь благодаря старой традиции общинных «помочей». Не хватало работников и в помещичьих хозяйствах. Арендная плата по семи губерниям упала с 41% урожая в 1912-1914 годах до 17% в 1915 году и 15% в 1916 году; резко возросла оплата батраков (в Тамбовской губернии – на 60-70%). На юге, в Новорос-

сии, не получавшие прежней прибыли помещики стали сокращать запашку; в Херсонской губернии к 1916 году владельческая запашка сократилась в 2,3 раза. Однако в целом по стране, если не учитывать потерю оккупированных территорий, уменьшение посевных площадей было незначительным (Центрально-Черноземном районе – на 4%)²⁵⁹.

Как отмечают многие авторы, с чисто продовольственной точки зрения положение крестьянства во время войны улучшилось²⁶⁰, но в плане уменьшения социальной напряженности это не имело существенного значения. Отношение к правительству и к войне определялось негативной инерцией предшествующего периода. «Село, и прежде антигосударственное по настроению, – отмечают В. А. Дьячков и Л. Г. Протасов, – не видело нужды в активной поддержке государственных военных усилий, ставя на первое место борьбу за землю и волю, против помещиков, хуторян... против твердых цен, проваливая продовольственную разверстку А. А. Риттиха, саботируя государственные повинности и налоги... Внутренний конфликт, ненависть к «врагу внутреннему» были сильнее, подпитываясь негативно осмысленным опытом прошлой жизни, пережитыми обидами, хроническим социально-культурным недопотреблением»²⁶¹. С началом войны к накопленному за десятилетия социальному недовольству добавилась боль расставания с родными и близкими; если прежде крестьянство страдало от голода, то теперь «мужиков» посылали умирать на непонятной для них войне. Во время мобилизации «плач мужчин, женщин, детей слышался в России повсеместно»²⁶².

В годы войны русская армия на 90% состояла из крестьян²⁶³. Исследователи крестьянского менталитета отмечают, что в основе отношения крестьян к войне лежало традиционное фаталистическое восприятие ее как стихийного бедствия, наподобие засухи и неурожая. Поэтому крестьяне и на этот раз в своей массе подчинились судьбе: 96% мобилизованных явились на призывные пункты²⁶⁴. Но на многих призывных пунктах неожиданно вспыхнули стихийные волнения, которые пришлось усмирять силой, по неполным официальным данным при подавлении этих бунтов было убито 216 призывников. Власти пытались объяснить эти волнения несвоевременным введением «сухого закона», что не позволяло провожать призывников «по обычаю». Однако Дж. Санборн приводит примеры, когда официальное объяснение было заведомо ложным, и показывает, что в основе волнений лежало социальное недовольство. Мобилизация сопровождалась огромным потоком жалоб на то, что «богатые» уклоняются от призыва, что «за 100 рублей можно получить бронь»²⁶⁵. Генерал С. А. Добровольский, начальник мобилизационного отдела, писал об обилии «всевозможных просьб... об освобождении, или, по крайней мере, об отсрочке призыва в войска. Подобные просьбы поступали не из толпы народа, а от нашего культурного общества и из среды буржуазии»²⁶⁶.

Таким образом, *фактор социального раскола проявился в самом начале войны; при этом раскол приобрел еще одно измерение: простонародье должно было идти на фронт умирать, в то время как элита и ее служи-*

тели могли отсиживаться в тылу. Социальный раскол в значительной мере определил постепенно развивающееся противостояние «фронт» – «тыл»; он обусловил ненависть и презрение фронтовиков к «тыловым крысам», включая полицию, штабных офицеров, высшее командование и правительство. После понесенных поражений крестьянская ненависть кристаллизовалась в обвинение в предательстве, адресуемое высшим офицерам – то есть по-преимуществу дворянам-помещикам, старым врагам крестьян. «Крестьянская психология солдата указывала ему конкретного виновника его страданий – предательство офицеров, особенно высших, и министров»²⁶⁷.

Однако конфликт фронта и тыла был более широким, чем традиционное противостояние народных низов и элиты, он втягивал в себя и средние слои, людей, которые прежде не проявляли социального недовольства, а теперь люто ненавидели тех, кто послал их умирать, а сам отсиживался в тылу. Эта ненависть проявлялась, в частности, в отказах фронтовиков (в том числе казаков и офицеров) оказывать помощь полиции в подавлении голодных бунтов (о чем пойдет речь ниже). Как отмечал А. Уайлдман, внутренняя логика армейской жизни в годы войны в большей степени вела к бунтарству, нежели любая пропаганда²⁶⁸.

Многие наблюдатели отмечали, что мобилизованные крестьяне не понимали, ради чего они должны идти на войну. Удивительно, но в первые три месяца войны свыше половины писем с фронта вообще не содержали упоминаний о военных действиях; они были наполнены заботами о семье и хозяйстве²⁶⁹. «У них не было никакого представления о том, ради чего они воюют, – свидетельствует британский военный атташе А. Нокс, – не было у них и сознательного патриотизма, способного укрепить их моральный дух перед зрелищем тягчайших потерь...»²⁷⁰. «Крестьянин шел на призыв потому, что привык вообще исполнять все, что от него требует власть, – писал генерал Ю. Н. Данилов, – он терпел, но пассивно нес свой крест, пока не подошли великие испытания»²⁷¹. Едва ли не единственной внутренней мотивацией крестьянского участия в войне – но мотивацией неофициальной, исключительно на уровне бытового сознания – были слухи о том, что после окончания войны солдаты-победители получат землю. Эти слухи были аналогичны слухам 1812 и 1855 годов о том, что крепостные-ополченцы получат свободу. Однако по мере затягивания войны ничем не подкреплявшиеся надежды постепенно рассеивались²⁷².

Нежелание крестьян-солдат воевать сказывалось уже в начале войны. Председатель Думы М. В. Родзянко приводил примеры, когда во время атаки с поля боя дезертировало до половины солдат, подчеркивая, что это примеры «далеко не единственные»²⁷³. К концу 1914 года в различных армиях было издано большое количество приказов, отмечавших отсутствие стойкости у солдат и распространившиеся сдачи в плен²⁷⁴. Русская армия уступала противнику в артиллерии, и русские генералы старались использовать численное превосходство, безжалостно бросая своих солдат в штыковые атаки. Осенью 1914 года на Восточном фронте 3 млн. русских

сражались с 1,5 млн. австрийцев и немцев, и к концу года русские потери достигли 1,4 млн. Уже в начале 1915 года закончились мобилизационные запасы снарядов и винтовок, на фронт прибывали невооруженные пополнения. Затем началось немецкое наступление. В июле 1915 года в сражении на реке Нарев тысячи солдат не имели винтовок, а для артиллерии была установлена норма в 5 выстрелов на орудие в сутки. Немецкие же орудия были обеспечены 600-1000 выстрелами. В день немецкого наступления артиллерийская подготовка продолжалась пять часов, и за это время обороняющиеся потеряли 30% боевого состава²⁷⁵. Военный министр А. А. Поливанов говорил на заседании Совета Министров 16 июля: «...Пользуясь огромным преобладанием артиллерии, немцы заставляют нас отступать одним артиллерийским огнем. В то время как они стреляют из орудий чуть ли не по одиночкам, наши батареи вынуждены молчать даже во время серьезных столкновений. Благодаря этому, обладая возможностью не пускать в дело пехотные массы, неприятель почти не несет потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами...»²⁷⁶.

Таким образом, механизм кризиса начал действовать: недостаток вооружений привел к поражениям 1915 года и к резкому падению авторитета власти. Дурново предсказывал, что, как и в 1904 году, поражения в войне вызовут компанию обвинений в адрес правительства со стороны либеральной оппозиции и требования поделить власть – и действительно, поражения 1915 года вызвали яростную антиправительственную компанию в Думе и формирование оппозиционного «Прогрессивного блока» из прогрессистов, кадетов, октябристов и части националистов. Однако на конференции кадетов в июле П. Н. Милоков снова напомнил призывающим к революции о призрак Разина и Пугачева: «Это была бы не революция, – говорил лидер кадетов, – это был бы ужасный русский бунт, бессмысленный и беспощадный... Какова бы ни была власть – худа или хороша, но сейчас твердая власть необходима более чем когда-либо»²⁷⁷. В силу этих опасений программа блока была чрезвычайно скромной, она включала амнистию политзаключенных, отмену национальных ограничений, расширение местного самоуправления и тщательно обходила главные вопросы о земле и равном избирательном праве. По существу, единственным лозунгом, объединяющим оппозицию, было создание «министерства доверия» с участием думских лидеров. Р. Пайпс отмечает, что Николая II приводили в ярость политики, игравшие свои игры, когда войска на фронте истекали кровью. Решив проявить твердость, царь распорядился прервать заседания Думы на несколько месяцев²⁷⁸. Наученная опытом 1905 года, оппозиция не обращалась за поддержкой к рабочим, и роспуск Думы прошел относительно спокойно; таким образом, вопреки предсказанию Дурново, антиправительственная кампания не вызвала массовых революционных выступлений²⁷⁹.

Разгромленные русские армии потеряли в летней кампании 1915 года 2,4 млн. солдат, в том числе 1 млн. пленными. Деморализованные и не понимающие смысла войны солдаты массами сдавались в плен. Начальник

штаба верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич писал военному министру: «Получаются сведения, что в деревнях... уже отпускают новобранцев (призыв 15 мая) с советами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться»²⁸⁰. Янушкевич добавлял, что солдатам незнакомо само понятие «патриотизм», что тамбовец – патриот лишь Тамбовской губернии, а на общероссийские интересы ему наплевать. Поэтому – тут генерал затрагивал главный вопрос – солдата «надо поманить», пообещать ему земельный надел в 10 десятин²⁸¹. На заседании 30 июля А. А. Поливанов говорил, что «деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры»²⁸². Большие потери, массовые сдачи в плен и дезертирство привели к тому, что осенью 1915 года на фронте осталось только 870 тыс. солдат – втрое меньше, чем в начале войны. Ввиду столь тяжелого положения началась мобилизация старших призывных возрастов, 30-40-летних мужчин, отцов семейств. В деревнях при проводах мобилизованных происходили душераздирающие сцены: миллионы похоронок открыли масштабы кровавой бойни и стало ясно, что у уходящих немного шансов вернуться. Произошло 82 бунта, сопровождавшихся разгромами магазинов, вокзалов и полицейских участков; мобилизованные требовали отправить воевать отсиживавшихся в тылу полицейских. Призывники разбегались по пути на фронт; по данным И. М. Пушкаревой количество бежавших из маршевых эшелонов достигало сотен тысяч²⁸³. «Пополнения, посылаемые из запасных батальонов, приходили на фронт с утечкой в 25% в среднем, – свидетельствует М. В. Родзянко, – и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались ввиду полного отсутствия состава эшелона...»²⁸⁴

Характерным свидетельством отсутствия национального единства в расколотой жестоким социальным конфликтом стране было голосование думских фракций трудовиков и социал-демократов против военных кредитов осенью 1915 года. Л. Хеймсон отмечал, что среди политических партий воюющих стран русские трудовики и социал-демократы представляли собой единственные парламентские фракции, которые проголосовали против военных кредитов единогласно. «У рабочих отсутствовало ощущение, что они принадлежат к единой нации», – писал Л. Хеймсон²⁸⁵. То же самое, очевидно, можно сказать и о крестьянах.

Правительство пыталось заставить солдат сражаться. Были созданы специальные вооруженные команды для доставки мобилизованных на фронт. В армии были введены телесные наказания и смертная казнь за саморанения. Солдат предупреждали, что в случае сдачи в плен их семьи лишатся пайков, а сами они после войны будут отправлены в Сибирь²⁸⁶. Приказ командующего восьмой армией А. А. Брусилова гласил: «...Сзади нужно иметь особо надежных людей и пулеметы, чтобы, если понадобится, заставить идти вперед и слабодушных. Не следует задумываться перед поголовным расстрелом целых частей за попытку повернуть назад или, что еще хуже, сдаться в плен»²⁸⁷.

Осенью немецкое наступление остановилось; зимой благодаря налаживанию производства внутри страны и помощи союзников удалось улучшить снабжение армии винтовками и снарядами. Как показывают отчеты военных цензоров, за время зимней передышки настроение солдат улучшилось, и это позволило летом 1916 года бросить армию в наступление. Однако неравенство в вооружении сохранялось: русская армия потребляла 5 кг металла на каждого солдата в месяц, в то время как германская – 102 кг., то есть в 20 раз больше²⁸⁸. Летняя кампания 1916 года превратилась в новую кровавую бойню, и если верить данным Генерального штаба, то потери убитыми и ранеными были лишь немногим меньшими, чем в 1915 году. Для характеристики морального состояния солдат особенно показательны потери пленными: в 1916 году эти потери составили 1,5 млн. солдат – притом, что армия не отступала, как в 1915 году, а наступала²⁸⁹. О распространении добровольной сдачи в плен говорят многие историки, опирающиеся на анализ фронтовой корреспонденции²⁹⁰ (необходимо особо отметить фундаментальное исследование О. С. Поршневой²⁹¹). Эта тема широко представлена в письмах офицеров: «Представится случай, охотно идут в плен, а тем более, что против нас австрийцы», «австрийцы очень часто переходят к нам в плен, наши тоже не спят: как только начальство заглядится, так и уходят» и т. д.²⁹² Характерно также одно из солдатских писем: «От чистого сердца сознаюсь, что почти все солдаты стремятся попасть в плен, особенно в пехоте... Почему наша Россия оказалась в таком плохом положении, а потому, что наше правительство заглушило жизнь бедного крестьянина, которому не за что класть свою голову...»²⁹³

Современными исследователями подсчитано, что в целом за время войны Россия потеряла 3,9 млн. пленными, в 3 раза больше, чем Германия, Франция и Англия вместе взятые. На 100 убитых в русской армии приходилось 300 пленных, а в германской, английской и французской армиях – от 20 до 26, то есть русские сдавались в плен в 12-15 раз чаще, чем солдаты других армий (кроме австрийской)²⁹⁴.

Помимо сдачи в плен, массовый протест принимал и другие формы. Резко возросло число дезертиров, по некоторым оценкам к началу 1917 года оно составляло 1,5 млн.²⁹⁵ Отмечались случаи отказа частей идти в наступление («забастовки солдат»), братания с солдатами противника. В солдатских письмах все чаще встречаются угрозы посчитаться с «пузанами, которые сидят в тылу»²⁹⁶. В последние месяцы 1916 года цензоры Казанского военного округа отмечали в своих отчетах, что «такого уныния как теперь, в корреспонденции с театра войны еще не было. 2,5 года войны, по-видимому, произвели свое действие, озлобив всех. Нет доверия к власти, нет и веры в себя. А остается лишь место для протеста, который может вылиться в нежелательные формы»²⁹⁷. В отчете за январь 1917 года был приведен отрывок из солдатского письма, отражавший, по мнению военно-цензурной комиссии, типичное настроение солдат: «Мы здесь на фронте проливаем кровь, терпим разные лишения и кладем жизнь, а там на нашей крови... купцы-спекулянты строят свое благополучие и счастье»²⁹⁸.

Осенью 1916 года Петроградское жандармское управление отметило факты начавшегося разложения армии: массовую сдачу солдат в плен, дезертирство и вражду солдат к офицерам²⁹⁹ – характерное проявление обострения социальной розни. В октябре 1916 года произошли восстания нескольких тысяч солдат на тыловых распределительных пунктах в Гомеле и Кременчуге; возможность большого солдатского мятежа становилась все более реальной³⁰⁰.

Еще более опасным для властей было положение на флоте. Генерал-губернатор Кронштадта Р. Вирен писал в Главный морской штаб в сентябре 1916 года: «Достаточно одного толчка из Петрограда, и Кронштадт вместе с судами, находящимися сейчас в кронштадтском порту, выступит против меня, офицерства, правительства, кого хотите. Крепость – форменный пороховой погреб, в котором догорает фитиль – через минуту раздастся взрыв... Мы судим, уличенных ссылаем, расстреливаем их, но это не достигает цели. 80 тысяч под суд не отдашь»³⁰¹.

Таким образом, к концу 1916 года два фактора кризиса, о которых говорилось выше – падение авторитета власти в результате военных поражений и ненадежность войск как следствие предшествовавшего войне Сжатия и военных тягот – два фактора кризиса подготовили почву для революции.

5.4.2. Продовольственный кризис в городах

Однако существовал еще и третий фактор: гиперинфляция, развал рынка и голод в городах. Как отмечалось выше, благодаря прекращению экспорта страна в целом была вполне обеспечена продовольствием. Однако, помимо проблемы производства, существовала еще проблема распределения продовольствия. В мирное время вопросы распределения продовольствия решались через рынок, и государство не вмешивалось в рыночную экономику, опасаясь нарушить интересы землевладельцев. Такой же политики самоустранения оно придерживалось и в первый военный год, не придавая особого значения проблеме распределения.

Между тем, в 1915 году система рыночного распределения стала разрушаться в результате финансового кризиса и начавшейся быстрой инфляции. Как отмечалось выше, типичный механизм кризиса общества, находящегося в состоянии Сжатия, в условиях войны включал гиперинфляцию и развал рынка. Это объяснялось тем, что Сжатие вызывало финансовый кризис, и в этих условиях военные расходы могли финансироваться, в основном, лишь за счет эмиссии бумажных денег. Огромные военные расходы не могли быть профинансированы, исходя из обычного бюджета. В 1914 году доходы бюджета составляли 2,8 млрд. руб., и поскольку увеличить доходы за счет налогов с населения было практически невозможно, то в 1915 году доходы формально остались на том же уровне (а с учетом инфляции существенно уменьшились). Между тем военные расходы за вторую половину 1914 года составили 2,5 млрд. руб., за 1915 год – 9,4 млрд., за 1916 год – 15,3 млрд.³⁰² Военные расходы намного превосходили обычные доходы во всех воюющих странах, но в России ситуация намного усу-

гублялась условиями Сжатия. Для стран с относительно высоким уровнем жизни, помимо повышения налогов и эмиссии бумажных денег, существовал еще один путь получения доходов – внутренние займы. Правительства этих стран могли опираться на поддержку народа, который готов был кредитовать государство ради будущей победы – и главное, мог кредитовать государство, потому что даже простые люди имели определенные сбережения. В Германии доля займов в годы войны составляла 90% средств, полученных на внутреннем рынке, и 74% военных расходов³⁰³. В России Сжатие обуславливало бедность населения, поэтому за счет займов было погашено лишь 7,5 млрд. из 30,5 млрд. руб. военных расходов царского правительства – то есть 25%³⁰⁴.

Однако дело было не только в бедности: глубинной причиной возникших финансовых трудностей было нежелание населения оказывать поддержку властям, «отсутствие должного понимания населением гражданского долга»³⁰⁵. При этом необходимо отметить, что либеральная оппозиция агитировала за займы, и имущие слои населения вкладывали в них свои деньги, – речь идет об отсутствии поддержки правительства со стороны простого народа³⁰⁶. Это было следствие вызванного Сжатием социального раскола.

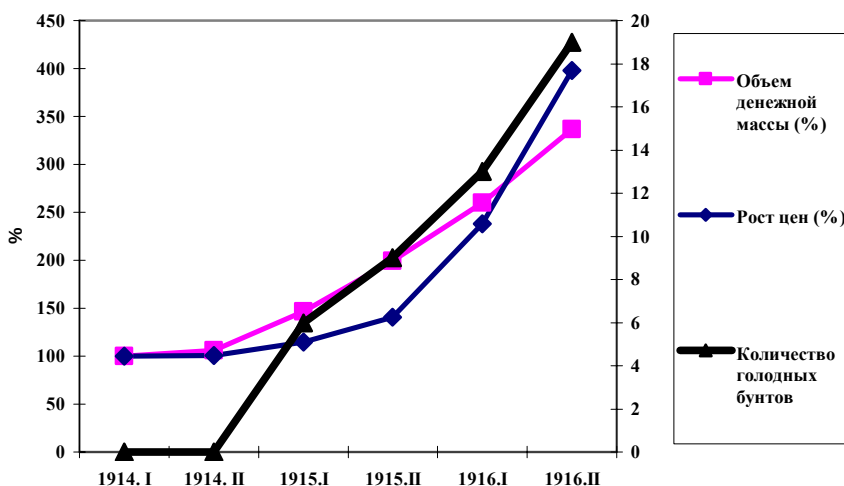

Рис. 5.3. Количество денег в обращении, индекс цен, и число голодных бунтов в городах (без Сибири, Закавказья, Кавказа и Донской области) по полугодиям³⁰⁷.

Таким образом, выяснилось, что Россия была не в состоянии самостоятельно финансировать войну, и союзники были вынуждены предоставить русскому правительству займы на общую сумму в 6,3 млрд. руб., что со-

ставило 21% военных расходов³⁰⁸. Однако, несмотря на эту помощь, внутренние и внешние займы покрывали расходы менее чем наполовину, а обыкновенные доходы (несмотря на формальное увеличение некоторых налогов) фактически даже уменьшились, и оставалось единственное средство финансирования армии – печатание бумажных денег. «Какие бы неточности в расчетах ни были, можно смело сказать, что выпуск бумажных денег явился для казны самым главным источником финансирования войны», – констатирует А. Л. Сидоров³⁰⁹. В конечном счете, к денежным эмиссиям были вынуждены прибегать и другие страны, но в России – ввиду отмеченных обстоятельств – эмиссия приобрела безудержный характер. По подсчетам А. Гурьева к весне 1917 году количество бумажных денег в обращении увеличилась во Франции на 100%, в Германии – на 200%, а в России – на 600%³¹⁰.

Эмиссия необеспеченных кредитных билетов должна была привести к галопирующей инфляции, разрушению экономических связей и к потере хозяйственной, а потом и административной управляемости. К ноябрю 1916 года курс рубля упал до 60% номинала³¹¹. Естественным следствием такого положения был рост цен (см. рис. 5.3). В 1915 году цены росли значительно медленнее, чем денежная масса, в первом полугодии 1916 года рост ускорился, а во втором полугодии цены сделали резкий скачок и обогнали рост денежной массы. В соответствии с общеэкономическими законами это означало, что сократилось количество поступающих на рынок товаров, в том числе главного товара – хлеба. Во всем мире и во все времена реакция производителей на инфляцию одинакова: наблюдая быстрый рост цен, землевладельцы и крестьяне придерживают свой товар, чтобы подать его с большей выгодой, когда цена возрастет. На рынке появляется дефицит хлеба, от которого в первую очередь страдают горожане. Цены в городах быстро растут, у булочных выстраиваются длинные «хвосты», и массовое недовольство приводит к спонтанным вспышкам голодных бунтов, которые иногда превращаются в большие восстания. Примеры такого развития событий хорошо известны в истории, и мы напомним лишь два из них.

Первый пример – это события Великой французской революции. В 1792 году, во время войны с Австрией и Пруссией, все лица, годные к военной службе, были допущены в национальную гвардию – то есть народ получил в свои руки оружие. Как и в 1914-1917 годах, война финансировалась за счет эмиссии ассигнаций, стоимость которых быстро падала. Уже в ноябре 1792 года Сен-Жюст говорил, что «система торговли зерном опрокинута неумеренной эмиссией денежных знаков» и предупреждал о грядущих восстаниях³¹². К февралю 1793 года стоимость ассигната упала до 50% номинала, и 24-26 февраля по Парижу прокатилась первая – чисто стихийная – волна голодных бунтов. Напуганное правительство ввело максимальные цены на зерно, но максимум не соблюдался. Воспользовавшись создавшимся положением, якобинцы сумели превратить стихийное экономическое движение в политическое и объединили лозунги твердой цены на хлеб, изгнания из Конвента жирондистских депутатов, ареста подозре-

тельных и др. Организованное якобинцами вооруженное выступление национальной гвардии 31 мая -2 июня одержало победу, Робеспьер пришел к власти, но продовольственное положение не улучшалось. 4 сентября вспыхнул новый – снова стихийный – голодный бунт, и Конвент был вынужден объявить «всеобщий максимум», то есть максимальные цены на все товары. Затем последовало введение продразверстки с конфискацией всех излишков по твердым ценам и частичная национализация экономики; сопротивление недовольных было подавлено с помощью «революционного террора»³¹³.

Аналогия в развитии событий в России и в революционной Франции бросалась в глаза, и о ней начали говорить еще до начала русской революции. В ноябре-декабре 1916 года на эту аналогию обращалось внимание в выступлениях на заседаниях Всероссийской сельскохозяйственной палаты³¹⁴. 25 января 1917 года министр финансов П. Барк, выступая на Петроградской конференции Антанты, сообщал, что цены в России поднялись в 4-5 раз, намного больше, чем в других воюющих странах, что если курс рубля не будет поддержан, то *«возможна катастрофа, как во время французской революции»*. Отвечая П. Барку, английский представитель лорд Мильнер признал, что вопрос «курса есть самый трудный вопрос, но, увы, англичане не волшебники»³¹⁵. Таким образом, и русское, и английское (и французское) правительства понимали, в каком направлении развиваются события в России, но ничего не могли изменить.

Другой пример – это упоминавшийся выше московский «медный бунт» 1662 года. Он также произошел во время тяжелой войны, когда правительство, с одной стороны, проводило большие мобилизации, а с другой стороны – финансировало войну с помощью чеканки медных денег с номинальной стоимостью. В результате цены в городах резко возросли и в Москве вспыхнул бунт, в котором участвовали, в том числе, и солдаты полков «иноземного строя». Бунт был подавлен полками стрельцов, которые сохранили верность правительству, но одно время положение было очень опасным. Благополучный исход этого кризиса был обусловлен, в основном, тем обстоятельством, что страна находилась в фазе демографического восстановления, земли было много, уровень жизни был относительно высоким, и общество не было расколото жестоким социальным конфликтом (крепостное право еще не успело оказать своего негативного воздействия). В 1917 году ситуация была иной.

Указанные примеры говорят о том, что *события, подобные февральской революции 1917 года, могут происходить и в традиционном обществе*, и что участие промышленных рабочих в февральских событиях, в конечном счете, не было определяющим моментом.

В России хлебное снабжение городов было нарушено уже к осени 1915 года. А. Н. Хвостов, вскоре назначенный министром внутренних дел, уже в октябре этого года предупреждал о надвигающемся топливном и продовольственном кризисе в центральных и северных районах³¹⁶. По данным анкетирования, произведенного в сентябре 1915 года, в Централь-

промышленном районе 88% городов испытывали недостаток в хлебе. Чтобы обеспечить снабжение городов и закупки для армии большинство губернаторов Европейской России запретили вывоз хлеба за пределы своих губерний, до крайности затруднив хлебную торговлю. Это вынудило хлебных торговцев искать всевозможные лазейки, давать взятки чиновникам и обходить запреты. Многие солидные фирмы, оказавшиеся не в состоянии встать на этот путь, были вынуждены прекратить свою деятельность, а те, которым удавалось провезти хлеб, продавали его по спекулятивным ценам³¹⁷.

Население городов отвечало на нехватку хлеба и спекулятивные цены стихийными бунтами, сопровождавшимися разгромом магазинов и торговых кварталов. На графике 5.3 учтены лишь крупные бунты с тысячами участников, отмеченные массовыми беспорядками и столкновениями с полицией и войсками. Число голодных бунтов росло одновременно с ростом цен. Едва ли не большинство участников бунтов составляли женщины. Участие женщин и справедливый характер требований доведенных до отчаяния людей вызывали сочувствие среди привлекаемых для подавления волнений солдат и казаков. Во время голодного бунта 2-3 мая 1916 года в Оренбурге казаки впервые отказались выполнять приказ атаковать толпу. В дальнейшем такое поведение солдат и казаков стало достаточно типичным: в 1916 году было 9 таких случаев³¹⁸.

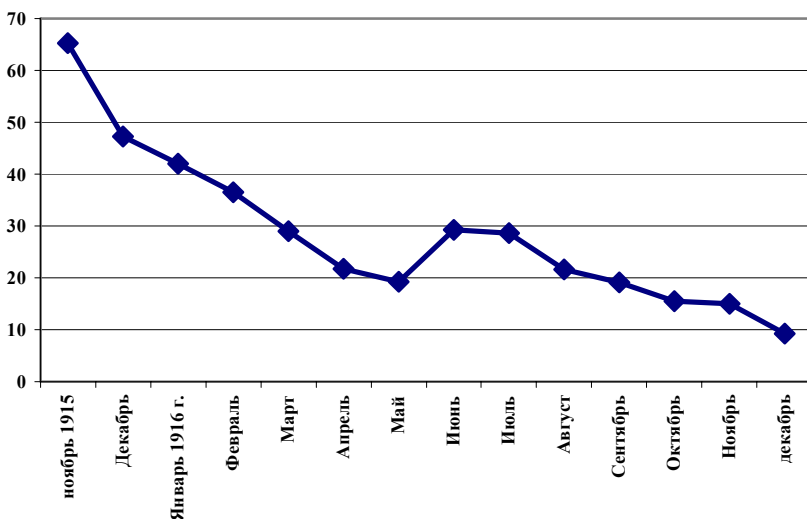

Рис. 5.4. Видимые запасы «главных хлебов» (млн. пуд.)³¹⁹

График на рис. 5.4 иллюстрирует постепенное ухудшение положения в хлебной торговле и уменьшение запасов на элеваторах, железнодорожных, портовых, торговых и других складах, где велся соответствующий учет. Запасы обычно достигали максимума в осенние месяцы, когда на рынок поступал хлеб нового урожая. В ноябре 1915 года запасы составили 65

млн. пудов, затем в ходе обычного торгового цикла они постепенно уменьшались. Но – в отличие от предыдущих лет – осенью 1916 году запасы не возросли. Урожай 1916 года был значительно хуже, чем в 1915 году, и, наблюдая рост цен в предыдущий период, производители, как помещики, так и крестьяне, не продавали хлеб. Инфляционные ожидания были таковы, что ходили слухи о будущем десятикратном увеличении цен. В результате зерно не попало на склады, оставшись в деревне, и запасы уменьшились до критического уровня³²⁰.

В результате паралича торговли в промышленных губерниях, питавшихся в значительной мере привозным хлебом, наблюдался резкий рост цен. На картограмме, показывающей уровень осенних цен 1916 года (рис. 5.5) выделяется область высоких цен, охватывающая Центрально-промышленный район и Северо-Запад. Тяжелое положение сложилось также в Белоруссии. Минская губерния до войны получала 4500 вагонов продовольствия, а в 1916 году – только 200 вагонов³²¹.

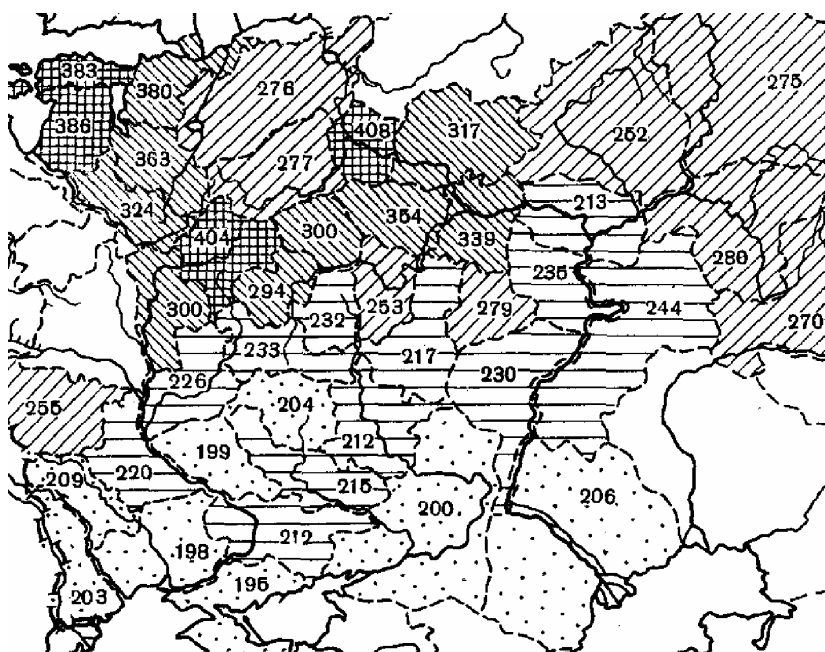

Рис.5.5. Цены на рожь осенью 1916 года (коп за пуд.)³²².

В течение всего лета 1916 года в правительстве шла борьба между сторонниками государственного регулирования цен и приверженцами «laissez faire». Еще в конце 1915 года бюджетный комитет Думы, выражая интересы помещиков, протестовал против установления введенных тогда твер-

дых цен на хлеб, закупаемый для армии. В июле 1916 года более реалистически мыслявший Госсовет потребовал установления обязательных для всех максимальных цен на хлеб, которые были введены с 9 сентября. Эти «твердые» цены были выше летних цен, но уже вскоре они оказались ниже, чем поднявшиеся цены свободного рынка. Производители отказывались продавать хлеб по твердым ценам, и они почти нигде не соблюдались, даже при государственных закупках. 10 октября в Особом совещании по продовольственному вопросу был выдвинут проект введения карточной системы, но он не был принят за отсутствием «технических средств» к выполнению. Впрочем, к этому времени во многих городах уже существовали свои карточки, но продажа продуктов по ним осуществлялась в небольших размерах и была лишь дополнением к свободному рынку³²³.

Между тем, положение быстро ухудшалось; в октябре было закуплено 49 млн. пуд., что составляло лишь 35% от запланированного количества хлеба, в ноябре — 39 млн. пуд (38%). В ноябре командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов предупредил правительство о надвигающемся голоде в войсках. Правительство осознало, что сам по себе хлеб уже не придет на рынок и необходимо принимать срочные меры. 29 ноября новый министр земледелия А. А. Риттих подписал постановление о введении продразверстки. Для каждой губернии устанавливался объем государственных закупок по твердым ценам, далее он распределялся по уездам, волостям и в течение 35 дней должен был доведен до производителей — помещиков и крестьян. В течение 6 месяцев разверстанное количество хлеба необходимо было сдать государственным уполномоченным. Всего предполагалось закупить 772 млн. пудов хлеба для снабжения армии, оборонной промышленности и крупных городов³²⁴.

А. А. Риттих предполагал, что он «за три недели поставит на ноги продовольственное дело в империи», однако к началу февраля министр был вынужден признать провал своих планов. Многие губернии требовали уменьшить размеры разверстки, крестьянские общины и помещики отказывались выполнять задания³²⁵. М. В. Родзянко в записке, предназначенной для правительства, констатировал, что из намеченных к разверстанию 772 млн. пудов на 23 января 1917 года было реально разверстано волостями лишь 4 млн. пудов, и «эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки»³²⁶. За две недели до революции Риттих пессимистически признал, что, действительно, «может наступить катастрофа»³²⁷. В конечном счете, к лету 1917 года, уже после революции, было собрано в счет разверстки не более 170 млн. тонн зерна вместо намеченных 772 млн.³²⁸

Разверстка не удалась, и нужно было искать способы немедленного получения хлеба. В декабре 1916 года было начато изъятие хлеба из сельских запасных магазинов, в которых деревенские общины хранили запасы на случай голода. Эта мера вызвала бурный протест крестьян и была отменена после того, как столкновения с полицией приняли массовый характер. Были введены надбавки к твердым ценам за доставку зерна на железнодорожные станции; широко использовались угрозы реквизиции у нежелающих продавать

хлеб помещиков. В декабре удалось закупить 63 млн. пудов (52% к плану), но почти весь этот хлеб пошел на снабжение армии. Города получали лишь малую часть закупок, задания по снабжению гражданского населения были выполнены в январе на 20%, в феврале – на 30%³²⁹.

А. Г. Шляпников приводит конкретные данные о степени выполнения снабженческих заявок по некоторым городам и губерниям. Так, для Пскова было запланировано поставить в ноябре и декабре 1916 года 321 вагон муки и зерна, а фактически было поставлено к концу января 1917 года только 76 вагонов. Для Новгородской губернии было запланировано 1800 вагонов, поставлено только 10. Для Вологодской губернии было запланировано поставить 1080 вагонов, поставлено 200. Для Рязанской губернии планировалось поставить 582 вагона, а фактически поставлено к концу января лишь 20 вагонов. Из-за отсутствия зерна во многих городах (в частности, в Царицыне, Тамбове, Нижнем Новгороде) остановились мельницы³³⁰.

Городское население какое-то время жило за счет запасов, еще имевшихся в торговой сети и на элеваторах (см. рис. 5.4), но они быстро подходили к концу. К началу 1917 года продовольственный кризис в городах принял катастрофический характер. Многочисленная мемуарная литература свидетельствует об отсутствии хлеба, огромных очередях у продовольственных магазинов в столицах. Тяжелым было положение и в других городах, даже на Черноземье, где в соседних с городами деревнях от хлеба ломились амбары. В Воронеже населению продавали только по 5 фунтов муки в месяц, в Пензе продажу сначала ограничили 10 фунтами, а затем вовсе прекратили. В Одессе, Киеве, Чернигове, Подольске тысячные толпы стояли в очередях за хлебом без уверенности что-либо достать. В декабре 1916 года карточки на хлеб были введены в Москве, Харькове, Одессе, Воронеже, Иваново-Вознесенске и других городах. В некоторых городах, в том числе, в Витебске, Полоцке, Костроме, население голодало³³¹.

Некоторые авторы утверждают, что в непоставках хлеба были повинны железные дороги, не справлявшиеся с перевозками из-за изношенности подвижного состава и снежных заносов, что хлеб был, но он лежал на станциях³³². Данные, приводимые Н. Д. Кондратьевым, говорят, что это не так. За декабрь 1916 – апрель 1917 года Петербургский и Московский районы не получили 71% планового количества хлебных грузов, на 80% эта непоставка объяснялась отсутствием груза и лишь на 10% – неподачей вагонов³³³. В снабжении фронта наблюдалась та же картина: в ноябре 1916 года фронт получил 74% продовольствия, в декабре – 67%. 87% непоставки интендантских грузов в эти месяцы произошло по вине Министерства земледелия, и лишь 13% – по вине железнодорожников³³⁴.

Что касается технического состояния железнодорожного транспорта, то количество паровозов составляло в 1914 году 20,0 тыс., в 1916 году – 19,9 тыс., количество товарных вагонов соответственно 485 и 504 тыс., доля «больных» вагонов – 3,7% и 5,6%; интенсивность перевозок увеличилась за это время на одну треть. До начала 1917 года положение на транспорте оставалось еще более-менее удовлетворительным, резкое ухудшение на-

ступило уже после Февральской революции³³⁵. Таким образом, до февраля 1917 года техногенный фактор не играл существенной роли в развитии кризиса.

Подводя итоги описанию экономической ситуации в 1916 году, можно констатировать, что вызванный войной и предшествующим Сжатием финансовый кризис привел к разрушению экономических связей, к потере хозяйственной управляемости и к голоду в городах. В соответствии с демографически-структурной теорией следующим этапом должна была быть потеря административной управляемости и коллапс государства.

5.4.3. Перед революцией

Уже осенью 1916 года повышение хлебных цен породило новую волну голодных бунтов и забастовок в промышленных районах. 17 октября началась стихийная забастовка 30 тысяч рабочих Выборгского района Петрограда. Рабочие направились к казармам, где размещалось 12 тысяч солдат 181 полка, и солдаты присоединилась к рабочим (правда, они не имели оружия). Казаки отказались стрелять в народ, на подавление бунта был брошен лейб-гвардии Московский полк, после ожесточенных столкновений огромные толпы рабочих и солдат были рассеяны, 130 солдат было арестовано. Однако забастовка продолжалась еще несколько дней, и число бастующих достигло 75 тысяч³³⁶.

События 17-19 октября по многим признакам (нехватка хлеба как главная мотивация, стихийность, внезапность, участие женщин, переход солдат на сторону народа, отказ казаков стрелять в толпу) напоминают события 23-28 февраля 1917 года, и Л. Хеймсон назвал их «репетицией Февральской революции»³³⁷. Эта «репетиция» настолько встревожила Министерство внутренних дел, что оно спешно разослало циркулярные телеграммы с целью выяснить обстановку на местах. 30 октября директор Департамента полиции А. Т. Васильев представил доклад, суммирующий донесения из губерний. В докладе говорилось, что во всех без исключения донесениях главной причиной «озлобления масс» называется «чудовищно растущая дороговизна». Указывалось, что в Москве и Петрограде «оппозиционность настроений» намного превосходит уровень 1905 года, и что, если обстоятельства не изменятся, то в обоих городах «могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера». Особо отмечалось донесение начальника Кронштадтского гарнизона, который предупреждал, что на подавление беспорядков войсками рассчитывать нельзя ввиду их ненадежности. В городах центрального района, резюмировал А. Т. Васильев, положение несколько менее напряженное, чем в столицах, что же касается деревень, то там сохраняется «спокойное, даже скорее безразличное отношение ко всему тому, что беспокоит городское население». Среди всех слоев населения наблюдается «охлаждение к войне», результатом которого являются «растущее дезертирство из армии и массовые сдачи в плен („уходы в плен“)». Отношение к думе изменилось, потому что она «сильно разочаровала массы». Что касается революционного движения, то в результате мо-

билизации в войска «революционных организаций, как таковых, почти нигде не существует». «Сопоставляя все выше приведенные признаки... — заключает Васильев, — обязуюсь доложить, что, признавая положение безусловно... угрожающим государственному порядку... возможностью возникновения в разных местностях империи, в особенности в столицах, крупных беспорядков, департамент полиции, со своей стороны, полагает, что нарастающее движение в настоящее время носит еще характер экономического, а не революционный»³³⁸.

Так же как и Дурново, Васильев основывался на опыте 1905 года и полагал, что не может быть «революции без революционеров», что сначала должна быть пропагандистская компания в законодательных учреждениях и агитация революционных организаций, которая поднимает народ на стачки, демонстрации, а потом и на восстания. Это был сценарий революций 1848 года, превратившийся позже в сценарий «революций вестернизации».

Осенняя вспышка стихийных волнений в городах убедила оппозицию, что страна стоит на грани революции. 1 октября на заседании Московского отделения ЦК кадетов Д. И. Шаховский, Ф. Ф. Кокошкин и В. А. Маклаков сравнивали страну с «бушующим огненным морем». Они обвиняли правительство в продовольственном кризисе, но признавали при этом, что у кадетов нет плана разрешения этого кризиса³³⁹. «До революции осталось всего лишь несколько месяцев, если таковая не вспыхнет стихийным порядком гораздо раньше», — так передавались настроения кадетского руководства в сводке петроградского жандармского управления за октябрь 1916 года³⁴⁰.

Характерно, что вначале, как отмечал лидер октябристов А. И. Гучков, оппозиция рассматривала назревающую революцию по аналогии с 1848 годом, ожидая, что рабочие свергнут правительство, а затем «разумные люди, вроде нас, будут призваны к власти». Но затем пришло понимание того, что ситуация изменилась, что «те, которые будут делать революцию, встанут во главе этой революции». Поэтому необходимо было действовать самим, чтобы упредить революцию³⁴¹. «Времени для размышления не оставалось, — пишет Р. Пайпс. — Информация, имевшаяся в распоряжении политических деятелей в Москве и Петербурге (и конфиденциально подтвержденная, как нам теперь известно, полицией) указывала на то, что экономические трудности могут в любой момент вызвать массовые беспорядки. Чтобы предупредить это, Думе следовало взять власть в свои руки, и как можно быстрее...»³⁴²

*Таким образом, либеральная оппозиция не обращалась к поддержке народа, как это было в 1905 году. Она учла опыт первой революции, и теперь всеми силами старалась предотвратить народное восстание. Как говорил В. В. Шульгин, «весь смысл существования Прогрессивного блока был предупредить революцию и тем самым возможность довести войну до конца»*³⁴³.

Между тем, для правительства естественный способ предупредить революцию состоял в заключении сепаратного мира с Германией. Осенью 1916 года имели место контакты между доверенными лицами русского и германского правительств; 3 октября правительство Б. В. Штюверма пере-

дало в Вену и в Берлин русские условия мира. Сведения о сепаратных контактах стали известны союзникам по Антанте, и английский посол Д. Бьюкенен вошел в сношения с либеральной оппозицией с целью добиться отстранения Штюрмера³⁴⁴. 1 ноября 1916 года П. Н. Милюков произнес в Думе свою знаменитую речь, обвинив премьер-министра в предательстве. Как отмечалось выше, социальный конфликт в условиях войны приобрел еще одно измерение: крестьяне-фронтовики обвиняли дворянскую элиту в измене. Речь Милюкова послужила «официальным подтверждением» этих подозрений и подлила масла в огонь ненависти. Огромный пропагандистский эффект этого выступления подчеркивается многими исследователями³⁴⁵, причем Л. Хеймсон выражает удивление по поводу того, что Милюков, всегда боявшийся революции, решился пойти на риск дестабилизации правящего режима³⁴⁶. В конечном счете, царь был вынужден отправить Штюрмера в отставку и назначить на его место англофила А. Ф. Трепова.

В момент нового обострения борьбы между либеральной оппозицией и монархией группа правых сановников, вдохновляемая П. Н. Дурново, представила царю программную записку с оценкой политического положения. Эта записка во многом повторяла выводы предвоенного «пророчества Дурново»: ее авторы выступали против уступок либеральной оппозиции потому, что либералы «столь слабы, столь разрозненны, и, надо говорить прямо, столь бездарны, что их торжество было бы столь же кратковременно, сколь и непрочно». Главную опасность сановники видели не в либералах, а в левых революционных партиях: «Опасность и силу этих партий составляет то, что у них есть идея, есть деньги, есть толпа, готовая и хорошо организованная». Революционные партии «вправе рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства, которое пойдет за пролетариатом тотчас же, как революционные вожди укажут им чужую землю». Уступки либералам не спасут положения монархии, потому, что «затем выступила бы революционная толпа», следом за либералами пришли бы «коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник»³⁴⁷. Л. Д. Троцкий отмечает «историческое предвиденье» авторов этого документа³⁴⁸, и, во всяком случае, нельзя отрицать того, что многоопытные бюрократы, владевшие подробной информацией о происходившем в стране, были способны сделать достаточно точный прогноз развития событий.

Рекомендации авторов записки сводились к созданию правительства из беспощадных сторонников самодержавия, к упразднению Думы, введению осадного положения в столицах, подготовке сил для подавления неизбежного «мятежа». «Эта программа и была, в сущности, положена в основу правительственной политики последних предреволюционных месяцев», — резюмирует Л. Д. Троцкий³⁴⁹. Под предлогом «рождественских каникул» Дума была вновь распущена на длительный срок, а Трепов был заменен на посту премьера Н. Д. Голицыным.

Думская атака на правительство снова закончилась неудачей, и оппозиция стала искать другие способы воздействия на власть. Группа заго-

ворщиков во главе с А. И. Гучковым работала над подготовкой военного переворота, но вербовка офицеров-исполнителей оказалась нелегким делом. Лидеры оппозиции установили также контакты с Рабочей группой, существовавшей при Центральном военно-промышленном комитете, и пытались использовать эту группу, чтобы организовать массовые манифестации рабочих в поддержку требований Думы. Однако министр внутренних дел А. Д. Протопопов (который, конечно, был знаком с «предсказанием Дурново») пресек эти контакты, арестовав большинство членов Рабочей группы. Вдобавок, П. Н. Милоков испугался и обратился к рабочим с призывом отказаться от участия в запланированной манифестации. 14 февраля 1917 года, в день открытия новой сессии Думы, бастовало 84 тыс. рабочих; часть стачечников провела демонстрацию на Невском проспекте, но войска не позволили большинству демонстрантов подойти к зданию Думы. Характерно поведение рабочих Выборгского района, которые восстали в октябре 1916 года: после того как оппозиция осудила их выступление, они отказались демонстрировать в поддержку Думы³⁵⁰.

Воззвание П. Н. Милокова к рабочим с призывом к спокойствию по смыслу совпадало с воззванием командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова³⁵¹. Таким образом, перед лицом революции элита демонстрировала не раскол, а сплочение. Наученные опытом 1905 года, либералы были готовы отказаться от борьбы, чтобы не вовлечь в нее народ. «Этот путь мы отвергали, этот путь был не наш...» – говорил Милоков 27 февраля, когда революция стала реальностью³⁵².

Что касается социалистических партий, то они были до крайности ослаблены мобилизациями и репрессиями. 2 января 1917 года был арестован в полном составе петроградский комитет большевиков; на многих заводах вообще не было большевистских партийных ячеек³⁵³. Руководство партии, находившееся в эмиграции, не ориентировалось в обстановке: В. И. Ленин в лекции, прочитанной в Цюрихе в январе 1917 года, говорил, что ему и его сверстникам, очевидно, не суждено при жизни увидеть революцию³⁵⁴.

Между тем, правительство, которое критиковали за бездействие и пассивность, искало свой выход из кризиса. Как во времена Великой реформы и революции 1905 года, кризис заставил правительство снова обратиться к крестьянскому вопросу. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов предложил провести новую земельную реформу, предусматривавшую наделение крестьян землей за государственный счет, и Николай II дал согласие на разработку соответствующего проекта, для начала, для трех прибалтийских губерний³⁵⁵. Одновременно возобновились энергичные попытки заключения мира. 13 февраля в Вене были получены новые предложения русского правительства. 25 февраля Австрия и Германия получили личное обращение Николая II, который указывал на то, что «требование массами мира растет с каждым днем» и «за невнимание к этому требованию правительства могут дорого заплатить»³⁵⁶. Австрийский министр иностранных дел О. Чернин расценивал эти обращения «как последнюю попытку спа-

стись»³⁵⁷. Однако Германия отвергла русские условия, не без основания надеясь на быстрое ухудшение положения в России³⁵⁸.

В. С. Измозик, проанализировав массовый материал перлюстрации полиции частных писем, делает вывод, что «господствующим в политически активных слоях общества было действительно ожидание близкого краха»³⁵⁹. Председатель Думы М. В. Родзянко писал 26 декабря: «Мы накануне таких событий, которых... еще не переживала святая Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возврата»³⁶⁰.

Волна голодных стачек в городах быстро нарастала. О том, что с лета 1916 года интенсивность рабочего движения определялась уже не политическими и военными событиями, не призывами партий, а голой экономической реальностью, говорит появившаяся с этого времени прямая корреляция между числом стачечников и ценой на хлеб. По Московскому промышленному району коэффициент корреляции между ценой на ржаной хлеб и числом экономических стачечников (составлявшим подавляющее большинство бастующих) в период с июля 1916 по январь 1917 года составлял 0,8³⁶¹. В начале 1917 года речь шла уже не о росте цен, а об отсутствии хлеба. Московский городской голова М. В. Челноков послал председателю Совета министров четыре телеграммы, предупреждая, что нехватка продовольствия «угрожает вызвать в ближайшие дни хлебный голод, последствием чего явится острое недовольство и волнения со стороны населения столицы»³⁶². 23 февраля председатель Общества фабрикантов московского промышленного района Ю. П. Гужон телеграфировал военному министру, что в результате закрытия хлебопекарен 93 тыс. рабочих не получают хлеба: «Фабрики и заводы приостанавливаются, рабочие волнуются, уходя искать хлеба»³⁶³. Таким образом, в Москве назревал такой же грандиозный голодный бунт, какой произошел в Петрограде.

Голод угрожал и армии. В декабре 1916 года состоялось совещание в Ставке под председательством Николая П. «На этом совещании выяснилось, что дело продовольствия войск в будущем должно значительно ухудшиться... — писал А. А. Брусилов. — Нам не объясняли причин расстройств народного хозяйства, но нам говорили, что этому бедственному положению помочь нельзя»³⁶⁴. Пока же солдатам в окопах вместо 3 фунтов хлеба в день стали давать 2 фунта, а в прифронтовой полосе — 1,5 фунта. Лошади почти не получали овса и находились в истощенном состоянии, поэтому артиллерия потеряла мобильность, и армия уже не могла наступать. В случае отступления такое положение должно было привести к потере артиллерии и обозов³⁶⁵.

В декабре 1916 года накопившееся недовольство солдатских масс, наконец, прорвалось в массовых выступлениях непосредственно на фронте. В ходе Митавской операции 23-29 декабря отказался идти в атаку 17 пехотный полк, затем к нему присоединились еще несколько полков, волнения охватили части трех корпусов и десятки тысяч солдат. Командование все же смогло справиться с ситуацией; около ста наиболее активных уча-

стников выступления были расстреляны, несколько сот были осуждены на каторгу³⁶⁶.

В начале 1917 года по распоряжению председателя Совета министров было проведено обследование настроений войск на Северном и Западном фронтах. В материалах этого обследования отмечалось, что солдаты видят в деятельности правительства «измену и предательство» и был сделан вывод, что «возможность того, что войска будут на стороне переворота и свержения династии, допустима, так как, любя царя, они все же слишком недовольны всем управлением страны»³⁶⁷. Командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов писал: «Можно сказать, что к февралю 1917 года вся армия... была подготовлена к революции»³⁶⁸. Генерал А. М. Крымов говорил председателю Думы М. В. Родзянко незадолго до Февральской революции: «Армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения. Таково грозное, все растущее настроение в полках»³⁶⁹.

Наиболее опасным для властей было то обстоятельство, что на фронте заканчивались запасы продовольствия. В начале февраля на Северном фронте продовольствия оставалось на два дня, на Западном фронте запасы муки закончились и части перешли на консервы и сухарный паек³⁷⁰. 22 февраля Николай II срочно отправился из Петрограда в Ставку спасать армию от продовольственного кризиса³⁷¹. Но на следующий день под воздействием того же продовольственного кризиса начались массовые волнения в Петрограде.

5.4.4. Февральская революция

В течение 1916 года среднее месячное потребление муки в Петрограде составляло 1276 тыс. пудов. Перебои с поставкой начались в ноябре, когда в столицу было доставлено 1171 тыс. пудов; в декабре поставка упала до 606 тыс. пудов, в январе было доставлено 731 тыс. пудов³⁷². В течение первых двух месяцев 1917 года установленный план снабжения Москвы и Петрограда хлебом был выполнен только на 25%. Петроград жил на счет запасов, которые стремительно уменьшались; с 15 января до 15 февраля запасы муки уменьшились с 1426 до 714 тыс. пудов. 13 февраля градоначальник А. П. Балк сообщал премьер-министру, то за последнюю неделю подвоз муки составлял 5 тыс. пудов в день при норме 60 тыс. пудов, а выдача муки пекарням – 35 тыс. пудов в день при норме 90 тыс. пудов. А. А. Риттих объяснял февральский срыв снабжения Петрограда снежными заносами; утверждалось, что 5700 вагонов застряли в пути из-за снегопадов. Однако трудности такого рода бывали всегда: в начале 1916 года оказались под снегом 60 тыс. вагонов – но это прошло незамеченным, потому что в городах были достаточные запасы хлеба. Очевидно, что временные срывы поставок начинают ощущаться лишь в период кризиса, когда система снабжения готова рухнуть и достаточно малейшего толчка, чтобы произошла катастрофа. Впрочем, по некоторым сведениям, дело было не в заносах на железных дорогах: 16 февраля на совещании в Ставке главноуправляющий Министерства земледелия Грудистов оправдывал кризис

снабжения не неподачей вагонов, а тем, что метели затруднили подвоз хлеба к станциям. Как бы то ни было, поставки не выполнялись и в предстоящие месяцы, так что снежные заносы (если они действительно имели место) только ускорили кризис. К 25 февраля запасы уменьшились до 460 тыс. пудов, а по другим сведениям – до 300 тыс. пудов³⁷³.

Правительство прекрасно понимало всю опасность сложившейся ситуации – и делало все возможное, чтобы избежать восстания. Как отмечалось выше, в конце января на переговорах со странами Антанты министр финансов П. Барк говорил о надвигающейся катастрофе и просил о предоставлении срочного кредита для укрепления курса рубля. Английский представитель лорд Мильнер ответил на это, что «увы, англичане не волшебники», но пообещал рекомендовать своему правительству рассмотреть вопрос о кредите³⁷⁴. Сомнительно, чтобы эти неопределенные обещания могли помочь царскому правительству, и в любом случае было слишком поздно: делегаты еще не успели вернуться на родину, как началась революция. Провожая своих делегатов, французский посол М. Палеолог поручил им передать президенту, что Россия находится накануне революции, что в октябре посланные на расправу с рабочими полки уже поворачивали свое оружие против полиции и в случае восстания царское правительство не сможет рассчитывать на армию³⁷⁵.

Английский посол Д. Бьюкенен еще до конференции попытался предупредить царя о грядущей опасности, он говорил о необходимости примирения с Думой, о жестоком продовольственном кризисе и о ненадежности войск. «Революция носилась в воздухе, – писал Д. Бьюкенен, – и единственный спорный вопрос заключался в том, придет она сверху или снизу... Народное восстание, вызванное всеобщим недостатком хлеба, могло вспыхнуть ежеминутно»³⁷⁶. Когда на торжественном обеде 22 января Д. Бьюкенен сказал императору, что, по его сведениям, продовольственное снабжение прекратится через две недели, и что нужно спешить с принятием мер, то император согласился и прибавил, что «если рабочие не будут получать хлеба, то несомненно, начнутся забастовки»³⁷⁷. В этом ответе Николая II, так же как в ответе лорда Мильнера, и в обсуждении на совещании в Ставке явственно просматривалось признание того факта, что продовольственное положение будет ухудшаться и что *«этому бедственному положению помочь нельзя»*.

Таким образом, оставалось готовиться к голодному бунту – и правительство готовилось. Иногда высказывается мнение, что власти демонстрировали «вопиющую беспомощность и непредусмотрительность», что если бы не их некомпетентность, то вспыхнувший бунт можно было бы подавить³⁷⁸. В действительности власти планомерно и тщательно готовились к подавлению неизбежного восстания. Комиссия под председательством командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова закончила в середине января разработку плана дислокации и действий войск. Во главе карательных частей был поставлен командующий гвардейскими запасными частями генерал Чебыкин. Полки были расписаны по

районам. В каждом из шести полицмейстерств полиция, жандармерия и войска объединялись под командованием особых штаб-офицеров. Власти пошли на беспрецедентный шаг: они вооружили полицейские части пулеметами; в Петрограде на крышах домов было оборудовано не менее 50 пулеметных гнезд³⁷⁹. Полковник Д. Ходнев свидетельствует, что «петроградская полиция, как пешая, так и конная, равно как и жандармские части, были достаточны по численности и находились в образцовом порядке»³⁸⁰. Всем рядовым чинам полиции было объявлено, что им, как солдатам осажденной крепости, будет выдаваться усиленный оклад: от 60 до 100 рублей. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов резко усилить агентурную деятельность; благодаря этому он был хорошо осведомлен о планах оппозиции, и в частности, о готовившейся Рабочей группой демонстрации 14 февраля. К началу этой демонстрации полицейские пулеметчики заняли свои посты на крышах домов, а почти все ее организаторы были арестованы³⁸¹. Как считает Л. Хеймсон, это было одной из причин того, что намеченная манифестация не приобрела большого размаха³⁸², за этот успех А. Д. Протопопов удостоился личной благодарности царя³⁸³. Таким образом, власти действовали предусмотрительно, и в некоторых случаях достаточно эффективно – поэтому революцию невозможно списать на их «вопиющую беспомощность».

Однако министра внутренних дел беспокоил вопрос о дислокации в Петрограде ненадежных запасных батальонов находившихся на фронте гвардейских полков – и это беспокойство было вполне понятно в свете имевших место восстаний запасников в Кременчуге и Гомеле. Как писал позднее А. Д. Протопопов, он обратился к генералу Хабалову с просьбой вывести из города запасные батальоны, но Хабалов ответил, что в округе нет других казарм, и заверил министра, что «войска исполняют свой долг»³⁸⁴. Однако многие сведущие представители власти, в том числе начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев, продолжали высказывать сомнения в надежности запасных батальонов, в частности, потому, что солдаты этих батальонов явно не желали отправляться на фронт (отправка была назначена на 1 марта)³⁸⁵. В начале 1917 года прошел большой призыв и казармы запасных батальонов были переполнены; в них находилось около 200 тыс. солдат. «Вышедшие из лазаретов рассказывали об ураганном огне, о страшных потерях, – писал С.С. Ольденбург, – Солдатские массы были проникнуты одним страстным желанием – чуда, которое избавило бы их от необходимости “идти на убой”»³⁸⁶. 9 января на совещании в штабе Петроградского военного округа Глобачев прямо спросил генерала Чебыкина: «Ручаетесь ли вы за войска?». Чебыкин ответил: «За войска я вполне ручаюсь, тем более что подавлять беспорядки будут назначены самые отборные, самые лучшие части – учебные команды»³⁸⁷. Учебные команды состояли из специально отобранных солдат, проходивших подготовку для последующего назначения сержантами. В отношении других воинских частей были приняты меры к изоляции их от петроградского населения; на проходные казармы были поставлены учебные команды,

и солдат не выпускали на улицу; солдатам не давали оружия, находившегося под охраной специальных нарядов³⁸⁸.

Тем не менее, Николай II испытывал тревогу и отдал приказ перевести в Петроград с фронта четыре надежных (как он считал) полка гвардейской кавалерии. Но приказ не был выполнен. А. И. Гучков (со слов командующего гвардейским кавалерийским корпусом принца Лихтенбергского) рассказывал, что офицеры-фронтовики стали протестовать, говоря, что они не могут приказать своим солдатам стрелять в народ: «это не сражение». В итоге вместо гвардейской кавалерии в Петроград были присланы три флотских экипажа, в надежности которых Протопопов глубоко сомневался³⁸⁹. Впрочем, нельзя утверждать, что у властей не было надежных частей: в подавлении «беспорядков» 26 февраля участвовали десять эскадронов гвардейской кавалерии из Красного Села и Павловска³⁹⁰.

Обеспокоенная продовольственной ситуацией Петроградская городская дума 13 февраля высказалась за введение нормирования продажи хлеба; 19 февраля градоначальник Балк решил ввести карточную систему с первых дней марта³⁹¹. Слухи о введении карточек быстро распространились; с середины февраля печать сообщала о предстоящем в ближайшее время введении карточной системы и о том, что на взрослого едока будет отпускаться не более 1 фунта хлеба в день. 1 фунт в день – это норма, недостаточная для нормального питания взрослого человека, что же касается детей, то на них планировалось отпускать вдвое меньше. Разумеется, это вызвало стремление запастись хлебом, которое быстро переросло в продовольственную панику. Необходимо подчеркнуть, что паника не была случайностью – это была естественная реакция населения на стремительное уменьшение запасов. Газета «Речь» писала 14 февраля: «У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде получит булку или черный хлеб. Во многих мелочных лавках больше 1-2 фунтов на человека в день не продают, обывателям приходится являться в лавки со всеми своими домочадцами...»³⁹². «У нас сейчас расклеены на всех заборах объявления градоначальника с убеждением рабочих не бастовать и обещанием расстрела, – свидетельствует одно из перлюстрированных полицией писем. – Готовится второе 9-е января. По всему судя, резюмируя все слухи и факты – быть взрыву. Но к чему это приведет? Чья возьмет? Страшно подумать: у нас нет хлеба...»³⁹³ 21 февраля пристав 4-го участка Нарвской части докладывал градоначальнику о нехватке хлеба и быстром росте недовольства: «Явление это крайне прискорбно и нежелательно, уже потому, что рабочий, не имея времени стоять в очереди, хлеба купить никак не может, а когда освобождается, такового в лавках уже не имеется»³⁹⁴. 22 февраля пристав 2-го участка Выборгской части докладывал: «Среди... рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба; почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по 2-3 дня и более, и поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размера, что некоторые, дождавшиеся покупки фунтов

двух хлеба, крестятся и плачут от радости»³⁹⁵. Директор департамента полиции, в свою очередь, докладывал министру внутренних дел: «...продолжающееся возрастание цен неустанно поддерживает в столичном населении настолько повышенно-нервное настроение, что при условии достаточного к тому повода в Петрограде действительно могут произойти массовые стихийные беспорядки...»³⁹⁶

23 февраля рабочие праздновали международный женский день. Накануне на собраниях и митингах большевики призывали работниц отказаться от «несвоевременных» выступлений. Тем не менее, текстильщицы Невской ниточной мануфактуры объявили забастовку и толпой, с криками «Хлеба!», двинулись снимать с работы рабочих соседних заводов. Все это происходило на Выборгской стороне, которая еще не вполне успокоилась после октябрьских событий. Движение разрасталось как снежный ком; к вечеру число бастующих достигло 60 тысяч; произошло несколько столкновений демонстрантов с полицией³⁹⁷.

Политические партии пока не придавали особого значения этим событиям. Выступая в Думе, лидер думских социалистов А. Ф. Керенский не звал к революции, а предостерегал об опасности всесокрушающего голодного бунта. «Ведь масса, стихия, у которой единственным царем делается голод, у которой... вместо рассуждения является острая ненависть ко всему, что препятствует им быть сытыми, уже не поддается убеждению и словам»³⁹⁸.

24 февраля бастовало уже 200 тысяч рабочих. Полиция разгоняла митингующих, но они вскоре собирались в других местах. Этот день – в соответствии с обычной картиной голодного бунта – был ознаменован разгромом и разграблением большого числа булочных и других магазинов³⁹⁹. Ни правительство, ни либеральная оппозиция еще не понимали смысла происходивших событий. «Удивительно, как мало значения придавали демонстрациям 23-25 февраля те, кого это более всего касалось... – писал Г.М. Катков. – В думских дебатах о демонстрациях не упоминали; Совет министров, заседавший 24 февраля, демонстрации даже не обсуждал... Даже революционная интеллигенция Петрограда не отдавала себе отчета в том, что происходит. Мстиславский-Масловский, старый эсер-боевик, говорит в своих мемуарах, что революция, “долгожданная, желанная”, застала их, “как евангельских неразумных дев, спящими”»⁴⁰⁰. «Какая там революция! – говорил 25 февраля руководитель бюро ЦК большевиков А. Г. Шляпников. – Дадут рабочим по фунту хлеба и движение уляжется»⁴⁰¹.

Таким образом, либеральная оппозиция и революционные партии придерживались той же точки зрения, что Дурново и Протопопов: они считали, что без их агитации и организации революция невозможна. Но, к всеобщему удивлению, революция оказалась «неорганизованной» и чисто стихийной, «революцией без революционеров».

Выводы современных исследователей подтверждают мнение современников о стихийном характере восстания. «С точки зрения революционного руководства февральское восстание имело две характерные черты, –

отмечает Ц. Хасегава. – Во-первых, движение не имело руководства, достаточно сильного, чтобы организовать массы в революционную силу. Во-вторых, руководители революционных партий не играли большой роли в восстании»⁴⁰². «Революция оказалась не только стихийной, но и беспартийной», – заключает В. П. Булдаков⁴⁰³.

С одной стороны, и оппозиция, и власти постоянно говорили об опасности беспорядков, восстания, революции – но когда революция началась, они не приняли происходящее всерьез. С точки зрения Милюкова, движение оставалось «бесформенным и беспредметным»; оно сводилось к разгромам булочных и митингам под лозунгами «Хлеба!» и «Долой войну!»⁴⁰⁴. Днем 25 февраля императрица телеграфировала царю: «Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба...»⁴⁰⁵. Ближе к вечеру председатель Думы Родзянко встретился с главой кабинета Голицыным, военным министром Беляевым и Риттихом, но не смог получить от них вразумительного ответа на вопросы о мерах по организации хлебного снабжения и по умиротворению горожан. «Дайте мне власть, и я расстреляю, но в два дня все будет спокойно и будет хлеб», – самоуверенно заявил Родзянко⁴⁰⁶. Это заявление было вполне характерно для оппозиции, готовой на все, чтобы получить власть, но слова о том, что «будет хлеб», были, конечно, блефом – невероятно, чтобы некомпетентный в этом вопросе Родзянко мог обеспечить хлебное снабжение лучше, чем Риттих.

Хабалов, как и правительство, видел в происходящем лишь продовольственные волнения, поэтому он не давал полицейским разрешения на применение оружия и избегал использовать войска. Между тем, 25 февраля демонстранты осмелели и стали нападать на полицейских; в течение дня произошло 11 серьезных столкновений, когда в полицию стреляли и бросали бомбы. На Выборгской стороне демонстранты напали на два полицейских участка; несколько полицейских было убито. Обнаруживались все новые свидетельства ненадежности войск. Солдаты Финляндского полка после одного из столкновений вернулись в казармы и дали клятву не стрелять в народ. Казаки не подчинялись приказам и обнаруживали прямую склонность к братанию с толпой. Когда на Знаменской площади конная полиция атаковала митинг, казаки ударили ей в тыл и прогнали полицейских. На Казанской улице казаки освободили арестованных и избili городских, обвиняя их в том, что они служат за деньги⁴⁰⁷.

Один из информированных агентов охраны (член Выборгского районного комитета большевиков) составил для властей обстоятельный обзор событий 23-25 февраля. «...Движение вспыхнуло стихийно, без подготовки и исключительно на почве продовольственного кризиса, – говорилось в этом обзоре. – Так как воинские части не препятствовали толпе, а в отдельных случаях даже принимали меры к парализованию начинаний чинов полиции, то масса получила уверенность в своей безнаказанности и ныне... народ уверился в мысли, что началась революция, что решительная победа близка, так как воинские части не сегодня-завтра выступят открыто

на стороне революционных сил... Ныне все зависит от линии поведения воинских частей, если последние не перейдут на сторону пролетариата, то движение быстро пойдет на убыль, если же войска станут против правительства, то страну уже ничего не спасет от революционного *переворота*»⁴⁰⁸.

Вечером 25 февраля на Невском проспекте произошли два больших столкновения, в ходе которых офицеры, чтобы сдерживать натиск толпы, по собственной инициативе приказывали солдатам открывать огонь. Властям становилось ясно, что без применения оружия не обойтись. Ближе к ночи командующий военным округом генерал Хабалов получил телеграмму царя с требованием во что бы то ни стало прекратить беспорядки⁴⁰⁹.

События развивались неумолимо: война породила инфляцию, инфляция породила продовольственный кризис, продовольственный кризис породил голодный бунт, и, хотя власти не желали применять оружие для его подавления, они были вынуждены отдать роковой приказ. Как теперь становится ясным, отдавать такой приказ ненадежным войскам – войскам, состоящим из крестьян, которые ненавидели власть, не желали сражаться за нее и требовали земли, – означало провоцировать почти неизбежный солдатский мятеж и революцию. *Это означало, что все три фактора брейкдауна, о которых говорилось выше – падение авторитета власти, голод в городах и ненадежность войск – будут действовать вместе.*

А. Д. Протопопов действовал по сценарию, успешно реализованному 14 февраля. Полицейские пулеметчики заняли свои места на крышах домов. В ночь с 25 на 26 февраля были арестованы почти все находившиеся в Петербурге активные деятели левых партий – свыше 100 человек, в том числе сестра Ленина А. И. Ульянова-Елизарова, пять членов комитета большевиков и остатки Рабочей группы. Исходивший из традиционных представлений Протопопов надеялся таким образом обезглавить революцию. Но как вскоре выяснилось, арестованные ничем не руководили; революция развивалась сама собой – это была «революция *безреволюционеров*»⁴¹⁰.

26 февраля войска получили приказ стрелять в демонстрантов. Хабалов вывел на улицы самые верные, как он считал, части – учебные команды⁴¹¹. К вечеру центр города с помощью пулеметов был «очищен» от митингующих. Самый большой расстрел произошел на Знаменской площади, где действовала учебная команда Волынского полка во главе с капитаном Лашкевичем; здесь было убито больше сорока человек. Однако рабочие-очевидцы расстрелов сразу же бросились к казармам запасных частей, умоляя запасников остановить своих товарищей из учебных команд, и уже вечером в день расстрела произошел первый солдатский бунт. Состоявшая из фронтовиков четвертая рота Павловского полка (1500 солдат) двинулась в город, но у восставшей роты было лишь 30 винтовок, и, расстреляв все патроны, она была вынуждена положить оружие и вернуться в казармы⁴¹². «Могло казаться, что царизм снова выиграл ставку и движение будет разбито», – писал Н. Н. Суханов⁴¹³.

Но затем произошло неожиданное – и вместе с тем давно ожидавшееся, то, о чем предупреждал Дурново, и то, что уже не раз повторялось при

подавлении голодных бунтов: войска перешли на сторону народа. Всю ночь на 27 февраля генерал Хабалов получал тревожные сообщения из казарм, поначалу они не подтверждались, но в штабе ожидали нового солдатского бунта – и он произошел. Вернувшиеся после расстрелов солдаты Волынского полка на ночной сходке решили больше не подчиняться карательным приказам – однако речь об организации какого-либо выступления на сходке не шла. Когда утром Лашкевич пришел на построение, солдаты отказались повиноваться; капитан вышел во двор казармы – и тут из окна прогремел сразивший его выстрел. Кто стрелял – осталось неизвестным, но выстрел послужил сигналом к бунту⁴¹⁴. Восстание было настолько спонтанным, что в ответ на вопрос об инициаторах выступления Волынского полка солдаты называли шесть разных имен⁴¹⁵. Солдаты вышли на улицу и направились поднимать другие полки; вскоре они соединились с рабочими Выборгской стороны, которые захватили оружие и сражались с полицией. Колонна солдат и рабочих двигалась по Петрограду от казармы к казарме; в некоторых случаях восставшим приходилось преодолевать сопротивление стоявших на проходных учебных команд, прежде чем запертые в казармах солдаты получали возможность присоединиться к «мятежникам». В других случаях части сами выходили навстречу восставшим с музыкой и с пением «Марсельезы». Лишь один самокатный полк, в который набирали призывников из состоятельных слоев населения, отказался участвовать в «мятеже» – однако его сопротивление было быстро подавлено. Утром 27 февраля восставших солдат насчитывалось 10 тысяч, днем – 26 тысяч, вечером – 66 тысяч, на следующий день – 127 тысяч, 1 марта – 170 тысяч, т.е. весь гарнизон Петрограда. Днем 27 февраля Хабалов отправил отряд (сколько смог собрать – всего лишь около тысячи солдат) против «мятежников», но после незначительных столкновений солдаты перешли на сторону восставших. После этого Хабалов сосредоточил последние верные царю части у Зимнего дворца и Адмиралтейства; генерал Занкевич вышел переговорить с солдатами и понял, что на них рассчитывать нельзя; солдаты понемногу самовольно покидали Дворцовую площадь. К утру у Хабалова в Адмиралтействе осталось только полторы тысячи солдат, которые потребовали у генералов отпустить их (но Хабалов утверждал, что он сам распустил солдат под угрозой обстрела из пушек Петропавловской крепости). Генералы остались в Адмиралтействе дожидаться ареста⁴¹⁶.

Современные историки согласны во мнении, что солдатский бунт сыграл решающую роль в революции⁴¹⁷. Впечатление от яростного бунта огромной массы солдат было таково, что уцелевшие офицеры в ужасе разбежались и попрятались. «Развитие бунта говорит о том, что ничего нельзя было сделать, чтобы его остановить», – констатирует Р. Пайпс⁴¹⁸. Однако многие полицейские наряды, используя размещенные на крышах зданий пулеметы, сражались до последнего патрона⁴¹⁹. «Петроградская полиция самоотверженно, честно и доблестно исполнила свой долг перед царем и родиной, – свидетельствует полковник Д. Ходнев. – Она понесла огромные потери»⁴²⁰. Разъяренные солдаты устроили полиции «кровавую баню».

«Запасы противочеловеческой ненависти вдруг раскрылись и мутным потоком вылились на улицы Петрограда...» – писал офицер, свидетель событий⁴²¹. В конечном счете, перепуганная полиция перешла на сторону восставших, и одна из жандармских рот даже проществовала к зданию Думы под красным знаменем и под звуки «Марсельезы»⁴²².

Председатель Думы Родзянко рассказывал неделю спустя, что восставшие солдаты, были на самом деле, «конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпе – “земли и воли”, “долой Романовых”, “долой офицеров”...»⁴²³ 28 февраля у солдат появились первые, наспех изготовленные плакаты, и на них было написано: «Земля и воля!»⁴²⁴. 1-2 марта по всему городу происходили митинги, и главное требование солдат выражалось все тем же лозунгом: «Земля и воля!»⁴²⁵ Когда две недели спустя происходил первый парад революционного петроградского гарнизона, М. Палеолог внимательно читал лозунги, которые несли солдаты на своих знаменах – почти на всех знаменах были надписи: «Земля и воля!», «Земля народу!»⁴²⁶

Таким образом, это был, собственно, не солдатский бунт, а крестьянское восстание. Подобно тому, как всеобщая стачка октября 1905 года спровоцировала крестьянскую войну, так и голодный бунт в феврале 1917 года спровоцировал крестьянское восстание. И поскольку на этот раз крестьяне имели в руках оружие, и к тому же находились в столице, то все решилось в один день. При такой расстановке сил исход событий был предопределен.

Николай II в это время находился в штабе генерала Н. В. Рузского, командующего Северным фронтом. При первых известиях о мятеже царь направил к Петрограду четыре полка под командованием генерала Иванова, однако железнодорожники остановили движение эшелонов вблизи Петрограда и отборные полки карателей (даже составлявший охрану царя батальон георгиевских ветеранов) были разогнаны революционерами. Дальнейшие действия царя зависели от позиции командующих фронтами, а она, свою очередь, определялась боязнью революции на фронте. 1 марта начальник генерального штаба М. В. Алексеев телеграфировал царю о том, что вслед за Петроградом восстала Москва и что революция грозит распространиться на армию⁴²⁷. Ночью 2 марта Родзянко после переговоров с Петроградским Советом сообщил Рузскому и Алексееву о том, что положение в столице диктует необходимость отречения. Алексеев запросил мнение командующих фронтами и флотами, сообщив, что сам он выступает за отречение с тем, чтобы предотвратить развал армии; все командующие согласились с мнением Алексеева. Некоторые из них, вслед за Алексеевым, указывали на опасность распространения революции на армию. Командующий Западным фронтом А. Е. Эверт писал: «Я принимаю все меры к тому, дабы сведения о настоящем положении дел в столице не проникли в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений». Командующий Балтийским флотом адмирал Непенин телеграфировал: «С огромным

трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные мне войска. В Ревеле положение критическое... Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет за собой катастрофу»⁴²⁸.

При обсуждении ситуации снова встал вопрос о наличии надежных частей для борьбы с восстанием. Как говорил Николаю II посланец Думы А. И. Гучков, «надежных» частей просто не было: «...Движение захватывает низы, и даже солдат, которым обещают отдать землю. Вторая опасность, что движение перекинется на фронт... Там такой же горячий материал, и пожар может перекинуться по всему фронту, так как нет ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движения, тотчас не заражалась бы. Вчера к нам в Думу явились представители... конвоя Вашего Величества, дворцовой полиции и заявили, что примыкают к движению»⁴²⁹. Гучкова поддержал генерал Рузский: «Нет такой части, которая была бы настолько надежна, чтобы я мог послать ее в Петербург»⁴³⁰. Взвесив все обстоятельства – и в особенности мнение командующих фронтами – царь подписал заявление об отречении от престола.

Как позиция военных, так и отречение Николая II были прямыми следствиями восстания 170-тысячного гарнизона Петрограда. Единогласное решение командующих фронтами доказывает, что другое развитие событий было невозможно. Угроза развала была очевидной, сотни агитаторов уже направлялись из Петрограда на фронт, и генералы чувствовали, что сидят на пороховой бочке. Восстание на флоте уже началось: 1 марта в Кронштадте мятежные матросы убили адмирала Вирена и более 50 офицеров; 4 марта в Свеаборге погиб адмирал Непенин⁴³¹. 2 марта на псковской станции взбунтовался эшелон 1-го железнодорожного батальона; мятежные солдаты двинулись к царскому поезду, и их остановило лишь известие, что идут переговоры об отречении⁴³².

Что касается позиции Думы, то о ней лучше всего рассказывает В. В. Шульгин: «К вечеру, кажется, стало известно, что старого правительства нет... Оно попросту разбежалось по квартирам... Не стало и войск... Т. е. весь гарнизон перешел на сторону “восставшего народа”... Но вместе с тем войска как будто стояли “за Государственную думу”... здесь началось смещение... Выходило так, что и Государственная дума “восстала” и что она “центр движения”... Это было невероятно... Государственная дума не восставала... “Я не желаю бунтоваться, – говорил Родзянко. – Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались...” “Может быть два выхода, – отвечал Шульгин, – все обойдется – государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть... А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах...”»⁴³³ «Государственной думе не оставалось ничего другого кроме как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождающуюся анархию...», – заключает Родзянко⁴³⁴.

Таким образом, позиция либералов была вынужденной и диктовалась тем, что власть рухнула без их вмешательства. Оппозиционная элита не

готовила революцию и не участвовала в ней. Временное правительство лишь «подобрало власть», но, в конечном счете, не смогло удержать ее...

5.5. Выводы

Подводя итоги социально-экономического развития между двумя революциями, необходимо отметить, что в этот период правительство не только признало наличие аграрного перенаселения, но и приняло меры для его смягчения. Реформы Столыпина устранили то прикрепление крестьян к земле, которое ранее сдерживало миграции населения; было организовано переселение на свободные земли окраин. Крестьяне получили возможность продавать свою землю, и в результате мы видим классическую картину, характерную для *Сжатия в странах с рыночной экономикой: разоряющиеся крестьяне в массовых масштабах продают землю и уходят в города, где занимаются ремеслом или ищут работу по найму.*

Однако ни переселение на окраины, ни уход в города не компенсировали быстрого роста населения, и проблема малоземелья сохраняла свою остроту. Некоторое увеличение потребления было достигнуто за счет роста урожайности и относительного сокращения вывоза, но эти изменения носили, по-видимому, временный, конъюнктурный характер и, во всяком случае, анализ не прослеживает их непосредственной связи с реформами правительства, эффект которых мог проявиться только в *долгосрочном плане.*

Увеличение потребления не оказало существенного влияния на уровень социальной напряженности, который продолжал оставаться высоким, намного более высоким, чем до революции и лишь немногим ниже, чем в годы революции. Хотя количество крупных выступлений в деревне уменьшилось, количество мелких протестных акций возросло; в городах наблюдался новый мощный подъем стачечной борьбы – все это дает основание некоторым историкам рассматривать революции 1905 и 1917 года вместе, как два этапа одной революции, разделенных периодом обманчивого успокоения⁴³⁵.

Важным следствием революции 1905 года было резкое ослабление традиционалистской идеологии, которая прежде поддерживала самодержавие, помогала держать народные массы в покорности и отделяла народ от интеллигенции – в том числе и от обращавшихся к народу радикальных партий (социал-демократов и эсеров).

В ситуации не утешающего до конца революционного движения любое ослабление самодержавия могло вызвать новую вспышку крестьянских восстаний. Большая война тем более должна была вызвать новый социальный кризис. *Механизм этого кризиса был типичным для военной экономики и включал три взаимосвязанных процесса: во-первых, резкое падение авторитета власти в результате военных поражений; во-вторых, возникающие вследствие чрезмерной эмиссии бумажных денег расстройства товарооборота, нехватка продовольствия в городах и голодные бунты, и, в-третьих, все возрастающая ненадежность войск – следствие Сжатия и созданного им глубокого социального раскола.*

Русская революция была инициирована голодным бунтом в Петрограде. То обстоятельство, что бунт вспыхнул именно 23 февраля, было до некоторой степени случайностью, но то, что он должен был произойти, с очевидностью следует из того, что такие бунты происходили и раньше (в октябре 1916 года) и позже, при Временном правительстве, которое, так же как и царское правительство, не смогло решить проблему снабжения городов. При длительной и напряженной войне расстройство товарооборота и голодные бунты были неизбежны – и эта неизбежность подтверждается также и тем, что правительство, прекрасно информированное и предвидевшее эти события, так ничего и не смогло сделать, чтобы их предотвратить.

Петроградский бунт 23 февраля не был вызван непосредственно перенаселением и крестьянским малоземельем, и, в конечном счете, носил локальный характер. Он мог быть подавлен, как был подавлен Медный бунт 1662 года. Решающим моментом, как и в 1905 году, была позиция армии – будут ли солдаты стрелять в народ? И вот здесь проблема Сжатия и крестьянского малоземелья вставала во весь рост. Армия 1917 года – это были «просто взятые от сохи мужики», те мужики, которые требовали земли в 1905-м, и многие из которых после подавления первой революции ненавидели царя так же, как и своих помещиков. Теперь их мобилизовали в армию, но они не желали умирать в этой непонятной для них войне; они в массовых масштабах бежали из эшелонов или сдавались в плен. Некоторые авторы полагают, что солдаты подняли мятеж потому, что не желали идти на фронт, и действительно, Петроградский Совет впоследствии потребовал не отправлять на фронт части революционного гарнизона⁴³⁶. Солдаты-крестьяне не желали идти на фронт умирать за эту власть именно потому, что она стала для них чужой и враждебной, потому что она не давала им землю. В западных странах, где нации не были расколоты столь острым социальным конфликтом, солдаты не бросали оружие и не поворачивали его против своего правительства (пока не были увлечены русским примером). Тот уровень аграрного конфликта, тот уровень ненависти, о котором говорит предвоенная статистика преступлений, должен был проявить себя. Он диктовал поведение солдат, которое проявилось при подавлении бунтов 1916 года – солдаты неоднократно отказывались стрелять в толпу и переходили на сторону бунтовщиков. Как показывает рис. 5.3, число голодных бунтов стремительно нарастало, и вместе с тем нарастало число случаев солдатского неповиновения. О таком развитии событий предупреждал Дурново еще до начала войны: *«Побежденная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка»*. Еще до начала войны правительство понимало, что прежде надежная армия теперь, после 1905 года, ненадежна из-за крестьянского стремления к земле. В итоге, голодный бунт в Петрограде в феврале 1917 года спровоцировал восстание крестьян, одетых в солдатские шинели, и они воспользовались случаем, чтобы вновь поставить вопрос о

земле. В конечном счете, заключает П. Гатрелл, мировая война лишь дала возможность укоренившемуся классовому конфликту проявить себя и трансформироваться в революцию⁴³⁷.

Как отмечалось выше, революция 1905 года была связана с процессом вестернизации и с расколом элиты, недовольные фракции которой вовлекли в борьбу сначала пролетариат, а затем крестьянство; в итоге «революция вестернизации» переросла в социальную революцию. Элита оставалась расколотой и в 1917 году, однако ее оппозиционная вестернизированная фракция не желала революции, избегала союза с народом и фактически не принимала участия в событиях 23-28 февраля. В начале революции эсеры и меньшевики пренебрежительно называли вспыхнувшее движение «желудочно-стихийным», не подозревая, насколько близко это определение неомальтузианской трактовке революции⁴³⁸. Действительно, основным лозунгом рабочих было: «Хлеба!». Но лозунг «Земли и воли!», под которым восстали солдаты, в конечном счете, тоже означал «Хлеба!» – ведь земля для крестьянина означала хлеб. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с классическим экосоциальным кризисом, «когда революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания»⁴³⁹.

Несколько лет спустя генерал А. И. Деникин подвел итог событий революции в следующих словах:

«Главный, более того, единственный вопрос, который глубоко волновал душу крестьянства, который заслонял собой все прочие явления и события – вымученный, выстраданный веками:

- *Вопрос о земле*» (выделено Деникиным – С. Н.)⁴⁴⁰.

В. И. Ленин дважды подчеркнул карандашом эту фразу из книги Деникина.

Главной движущей силой Февральской революции было Сжатие в народных массах. Согласно теории, понятие Сжатия включает в себе не только малоземелье и низкий уровень потребления, но и повышение уровня смертности – в том числе в результате войн. Таким образом, *война была еще одним фактором Сжатия, намного увеличившим его интенсивность*. В условиях столь взрывоопасной ситуации другой фактор, изучаемый демографически-структурной теорией, Сжатие в элите, отступил на второй план и почти не проявлял своего действия. Но при этом значительную роль сыграл третий фактор – финансовый кризис. Финансовый кризис был вызван войной – но также и невозможностью в условиях Сжатия возложить на население дополнительные финансовые тяготы. Кризис привел к нарушению управляемости экономики и, по существу, к коллапсу государства, следствием чего было нарушение продовольственного снабжения городов, резко усилившее Сжатие и вызвавшее сначала грандиозный голодный бунт, а затем – революцию.

Необходимо отметить, что анализ революции 1917 года в рамках демографически-структурной теории подразумевает, что мы рассматриваем события в контексте закономерностей традиционного общества (которые изучает эта теория). Как отмечалось выше, такой подход объясняется тем, что Россия начала XX века была еще, в основном, доиндустриальным, тра-

диционным обществом, и подавляющее большинство населения страны составляло крестьянство (см. пункт. 4.4.12). Выдающийся историк и противительный политик, П. Н. Миллюков, сделал чрезвычайно глубокий вывод из событий, непосредственным свидетелем которых он являлся. «То, что поражает в современных событиях постороннего зрителя, – писал Миллюков, – что впервые является для него разгадкой векового молчания «сфинкса», русского народа, то давно было известно социологу и исследователю русской исторической эволюции. *Ленин и Троцкий для него возглавляют движение гораздо более близкое к Пугачеву, к Разину, к Болотникову – к 18-му и 17-му векам нашей истории, – чем к последним словам европейского анархо-синдикализма*»⁴⁴¹.

Характерно, что с этим выводом соглашается и Л. Д. Троцкий, подчеркивающий, что «если бы аграрный вопрос, как наследие варварства русской истории, был разрешен буржуазией, русский пролетариат ни в коем случае не смог бы прийти к власти в 1917 году», что Советы пришли к власти благодаря «сближению и взаимопроникновению двух факторов совершенно разной исторической природы: крестьянской войны... и пролетарского восстания...»⁴⁴².

К этому мнению в той или иной форме присоединяются многие российские историки⁴⁴³. Так, например, В. П. Данилов пишет, что в России имела место «крестьянская революция, на фоне (на основе) которой развергивались все другие социальные и политические революции, включая Октябрьскую 1917 года»⁴⁴⁴. «И именно на гребне мощного крестьянского движения большевики сумели взять власть...» – отмечает В. В. Кабанов⁴⁴⁵. «Вовсе не случайно две революции в России совершились под знаменем аграрного переворота», – подчеркивают В. Л. Дьячков, С. А. Есиков, В. В. Канищев и Л. Г. Протасов⁴⁴⁶. П. Булдаков называет русскую революцию «бунтом традиционализма, неожиданно, но закономерно обличившегося в тогу новейших социальных доктрин»⁴⁴⁷.

Этот подход – акцентирование крестьянского характера революции – является достаточно традиционным для западной историографии⁴⁴⁸. Он согласуется и с современными концепциями российской истории этого периода как истории развивающегося общества, сопоставляющими революцию 1917 года с крестьянскими революциями XX века, такими, как революции в Мексике, Китае, Вьетнаме, Индонезии, Алжире, на Кубе⁴⁴⁹. Но хотя роль крестьянства в этих событиях была огромной, революции XX века, конечно, отличались от крестьянских войн средневековья – прежде всего наличием новых черт, связанных с происходившем в развивающихся обществах процессом модернизации⁴⁵⁰. Демографический фактор работал в этих революциях не в одиночку, как в прошлом, а вместе с техническим и диффузионным факторами. Ярким проявлением роли этих факторов в феврале 1917 года было то, что в результате падения самодержавия к власти пришло вполне вестернизированное Временное правительство.